ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Карамзинымъ.

ЧАСТЬ XII.

МОСКВА, 1805.

Въ Университетской Типографіи,

у Любія, Гарія и Попова.

Съ одобренія Университетскаго Цензора.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

НОЯБРЬ 1803.

№ 21 и 22.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

О характерѣ.

Человѣкъ, котораго поступки не измѣняютъ никогда правиламъ, даже въ обстоятельствахъ самыхъ затруднительныхъ — который во всѣхъ предпріятіяхъ оказываетъ твердость и постоянство — есть человѣкъ *съ характеромъ*: симъ выраженіемъ мы означаемъ душу сильную и весьма необыкновенную.

Такое свойство равно полезно и для частнаго и для государственнаго человѣка, возвышая цѣну ихъ добродѣтелей. Оно спасаетъ чиновника отъ всякихъ несправедливостей и соблазна; оно удаляетъ Авитора отъ низкой лести, отъ ѣдкой сатиры, и дѣлаетъ его, какъ въ поступкахъ, такъ и въ сочиненіяхъ, органомъ разсудка и всемірной истины; оно

же заставляетъ человѣка великодушнаг и чувствительнаго жертвовать своим покоемъ, щастїемъ, жизнїю, для изба вленїя людей неизвѣстныхъ, но невин ныхъ, отъ погибели.

Сїе рѣдкое свойство обнаруживаетс и въ маловажныхъ дѣйствїяхъ частно. жизни; но оно гораздо разительнѣе в человѣкѣ, отъ котораго зависитъ судьб многихъ людей. Тогда сила характер есть постоянство и твердость, которуі душа благородная показываетъ въ испол ненїи намѣренїй великихъ и трудныхъ Имѣя въ предметѣ своемъ добродѣтель она достойна удивленїя и благодарност свѣта; но обращенная на одно честолюбі или самое злодѣйство, бываетъ ужасом людей, которые и тогда съ трепетом дивятся ей: ибо души слабыя неволь благоговѣютъ предъ великими и сильными

Нерѣшимость и непостоянство так же противны сему характеру, какъ и слабость. Человѣкъ твердый мыслитъ рѣшится и бываетъ непоколебимъ; отра жаетъ препятствїя и даже любитъ ихъ ибо они укрѣпляютъ душу и питаютъ мужество. Онъ одинъ *умѣетъ хотѣть* что всего рѣже и всего труднѣе для обыкно венныхъ людей; ибо для сильнаго жела-

нія надобно подчинить одному предмету всѣ склонности и самую любовь къ жизни.

Мужество, необходимое для твердаго характера, должно иногда презирать смерть; но храбрость воинская не всегда означаетъ душу сильную, бывая часто дѣйствіемъ навыка, примѣра, боязни остыдить себя. Человѣкъ твердаго характера будетъ на войнѣ мужественъ; но и безъ воинскаго званія можетъ еще удивить самыхъ Героевъ, въ такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ ему должно обнаружиться совершенно.

Не льзя имѣть великаго характера безъ ума проницательнаго и даже глубокаго: ему надобно отличать трудное отъ невозможнаго. Хотѣть упорно того, что превышаетъ силы человѣка, есть быть не твердымъ, а только упрямымъ, подобно Карлу XII и Карлу *дерзкому*, Герцогу Бургонскому. Но часто обыкновенные люди называютъ химерою намѣренія великія и благородныя, ибо они не могутъ понять ихъ.

Въ какомъ положеніи ни находился бы человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, воображеніе представляетъ его властелиномъ другихъ людей. Онъ ни въ великихъ, ни въ малыхъ вещахъ *не повинуется*; а естьли въ неважныхъ случаяхъ уступаетъ,

то единственно изъ презрѣнія, а не по слабости; слѣдственно повелѣваетъ женою, любовницею, друзьями. Ненависть его такъ же сильна, какъ и любовь; онъ не забываетъ обиды, даже и тогда, когда не хочетъ унизиться местію.

Такой человѣкъ кажется гордымъ, и гордъ въ самомъ дѣлѣ, хотя и не похожъ на малыя души, которыхъ надменность есть только *бунтъ противъ всего великаго и превосходнаго*; гордость въ немъ будетъ внутреннимъ, невольнымъ чувствомъ его достоинства.

Естьли онъ не имѣлъ случая обратить на себя вниманіе публики, то въ свѣтѣ легкомысленномъ не узнаютъ его цѣны; рѣдко удастся ему блистать тѣмъ разумомъ, который обыкновенно нравится людямъ. Уединяясь съ своими мыслями, въ собраніи многочисленномъ онъ покажется молчаливымъ и холоднымъ.

Вообще люди, одаренные великимъ характеромъ, бываютъ рѣдко говорливы. Душа ихъ открывается въ нѣкоторыхъ словахъ болѣе, нежели во многорѣчіи. Они знаютъ, что можно имѣть великія идеи и слабую душу. Кто о вольности говорилъ такъ сильно и прекрасно, какъ Луканъ, сей робкій заговорщикъ, который постыднымъ образомъ донесъ на маш

свою и предалъ ее въ руки палачей Нероновыхъ? Президентъ де-Ту живо описалъ въ стихахъ гнусность Варѳоломеевскаго кровопролитія; но естьли бы онъ имѣлъ твердость характера, то не сталъ бы хвалить Карла IX на другой день сего злодѣйства, и *заключилъ бы душу свою въ безмолвіи ужаса.*

Но въ нужномъ случаѣ люди твердаго характера бываютъ краснорѣчивы; и когда они родились въ такой землѣ, гдѣ даръ слова необходимъ для возвышенія гражданскаго, то они стараются пріобрѣсти сей талантъ, какъ *средство.* Душа ихъ изображается въ рѣчахъ, не красивыхъ, но сильныхъ, такъ, что иногда великое искусство Геніевъ уступаетъ сей разительной простотѣ. Цицеронъ со всѣмъ талантомъ своимъ едва ли произвелъ что нибудь лучше славнаго письма, написаннаго къ нему Брутомъ.

Сей же Брутъ совѣтовалъ Цицерону ограничить Милоново оправданіе однимъ доказательствомъ истины, что смерть дурнаго гражданина есть благодѣяніе для отечества: здѣсь видѣнъ уже человѣкъ, которому должно поразить Цесаря!

Заключимъ вопросомъ: можно ли дать себѣ характеръ? Но что же даемъ себѣ? не все ли получаемъ? Мы родимся

съ сѣменами всѣхъ склонностей, всѣх добродѣтелей, всѣхъ пороковъ. Обстоя тельства случайныя и независимыя от нас способствуютъ развитїю однихъ в вредъ другимъ, которыя остаются в бездѣйствїи. Человѣкъ, неусыпно наблю дая свои внутреннїя движенїя, властенъ можетъ быть, до нѣкоторой степени образовать свой характеръ, но конечно не перемѣнить его: могъ бы даже и перемѣ нить въ цвѣтущей юности, естьли бы юность была временемъ разсудка. Одно то неоспоримо, что твердость души есть нужнѣйшая добродѣтель: ибо безъ нее самыя добродѣтели не имѣютъ почти никакого влїянїя на щастїе.

(*Изъ Фран. Жур.*)

II.

Письмо изъ Лиссабона.

Въ Лиссабонѣ есть нѣсколько прекрасныхъ домовъ; но кто называетъ его однимъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ Европы, тотъ оказываетъ ему излишнюю честь, къ безславїю собственнаго вкуса. — О многихъ здѣшнихъ домахъ можно ска-

зать то же, что Монтескьё говоритъ о Парижскихъ: „они такъ высоки, что въ нихъ надлежало бы искать однихъ Астрономовъ.“ Почти всѣ въ пять или шесть этажей, съ десятью или двенадцатью окнами въ рядъ, и въ каждомъ домѣ живетъ около двухъ сотъ человѣкъ.

Португалецъ не имѣетъ идеи о роскоши другихъ Европейцевъ, живущихъ всегда въ *нѣсколькихъ* комнатахъ. Окна въ здѣшнихъ домахъ чрезмѣрно велики, и ко всякому придѣланъ желѣзной балконъ, гдѣ стоятъ женщины или *сидятъ на полу*, чтобы смотрѣть на людей или себя показывать людямъ. Возвышенїе, на которомъ видишь ихъ, производитъ театральное дѣйствїе и благопрїятно для красоты. Сїи балконы служатъ мѣстомъ забавы для кокетокъ. Оттуда мимоходящимъ прелестникамъ даются знаки глазами, рукою или платкомъ, и вѣжливый поклонъ мущины служитъ на нихъ отвѣтомъ.

Нигдѣ бѣдныя женщины не живутъ такъ уединенно, какъ здѣсь. Весьма рѣдко видишь ихъ на улицѣ; когда же выходятъ изъ дому, то съ величайшею важностїю едва передвигаютъ ноги — отъ своей обыкновенной лѣности, дурно вымощенныхъ улицъ и непривычки

къ ходьбѣ. Дѣйствіе сидячей жизни ихъ обнаруживается на лицахъ. Онѣ удивительно бѣлы для жаркаго климата; но румяная красавица есть великая рѣдкость въ Португаліи: ибо сія прелесть цвѣтетъ отъ движенія на чистомъ воздухѣ. Онѣ бываютъ только въ церкви, гдѣ сырой, густыми испареніями безчисленныхъ людей наполненный воздухъ сообщаетъ лицу ихъ какую-то *монашескую* блѣдность. Всякую молодую красавицу провожаетъ служанка, иногда двѣ; ихъ для того нанимаютъ, какъ въ другихъ мѣстахъ нанимаютъ лакеевъ. Женщины носятъ почти одинакое съ мущинами платье; а именно, длинныя суконныя мантіи съ широкими воротниками, въ самые жары, а на головѣ платокъ, завязываемый двумя узлами подъ бородою.

Молодые люди вышшаго состоянія, не имѣя надежды встрѣчаться съ красавицами, также рѣдко выходятъ изъ дому: ибо видѣть ихъ на балконахъ не такъ пріятно, какъ на гульбищахъ или на улицахъ. Въ Лиссабонѣ 50,000 жителей; но здѣсь мало встрѣчается людей, кромѣ самыхъ бѣдныхъ и матрозовъ. Удовольствіе прогулки совсѣмъ неизвѣстно. Ни въ городѣ, ни за городомъ нѣтъ ни одного публичнаго сада, гдѣ бы вы могли

за деньги утолить жажду. Португальцы во всемъ берутъ себѣ за образецъ Гишпанцевъ, о которыхъ разсказываетъ Страбонъ, что они не имѣли понятія о гуляньи, и видя Римлянъ ходящихъ взадъ и впередъ подъ тѣнію деревъ, говорили имъ: „вы конечно не знаете дороги; по„дите за нами: мы вамъ укажемъ ее."

Въ Португальскихъ домахъ, не имѣющихъ связи ни съ Французами, съ Англичанами, ни съ Италіянцами, женщины рѣдко сидятъ на стульяхъ, а всегда на полу, кругомъ. Легко можно представить себѣ, какъ остроумны и занимательны ихъ разговоры!

Не хозяинъ (какъ въ другихъ земляхъ), а хозяйка ведетъ за столъ ту даму, которой хотятъ оказать отмѣнную честь; изъ-за стола она также ведетъ ее въ другую комнату, гдѣ подаютъ кофе. Мущины идутъ одни, другъ за другомъ, и не смѣютъ предложить руки дамамъ: это кажется здѣсь неблагопристойностію. Послѣ кофе всѣ гости расходятся; а ввечеру опять собираются въ томъ же домѣ, чтобы заняться карточною игрою (страстно любимою Португальцами): чѣмъ обыкновенно и заключается вечеръ.

(Изъ Нѣм. Журнала.)

III.

ТУРНИРЪ,

или

РЫЦАРСКІЯ ИГРЫ.

(Переводъ съ Англійскаго.)

Герольдъ.

Турниръ открывается. Уже звучатъ молоты. Кони, играя, бѣгаютъ по ристалищу. Свѣтлое оружіе вдали блистаетъ. На щитахъ вырѣзаны девизы славы. Шлемы, украшенные вѣнками, представляютъ образъ медвѣдя, льва или другія странныя эмблемы, для которыхъ нѣтъ образца въ Природѣ. Не имѣя смысла для толпы народной, онѣ многозначительны для умовъ проницательныхъ.

Мнѣ, сыну чести, вѣстнику славы, мнѣ должно раздать копья. Подъ моимъ надзираніемъ люди бѣдные дѣлаютъ и чистятъ оружіе, и сія работа спасаетъ ихъ отъ ужасовъ нищеты. Такъ слабыя растѣнія вьются вокругъ дуба; такъ нѣжные цвѣты алѣютъ подъ защитою кустовъ тѣнистыхъ!

Рыцарь Буртонъ. Герольдъ! твои рыцари медлятъ явиться. Я пылаю жела-

нїемъ битвы. Уже хоръ въ третїй разъ запѣлъ воинскую пѣснь, а еще ни одно копье не порадовало меня своимъ блескомъ. Найдутся ли рыцари, достойные моихъ ударовъ? Люблю сильныхъ и могучихъ, ибо люблю славу; не хочу крови женъ и дѣтей, которымъ подобны витязи слабые. Время, время явиться сильнымъ. Рука моя нѣмѣетъ безъ дѣла; мнѣ скучно глядѣть на свое копье неподвижное.

Герольдъ. Слышу вдали звукъ роговъ.

Буртонъ. Копье и щитъ!.. Вели приготовиться моему конюшему. Иду на встрѣчу къ рыцарямъ; спѣшу вызвать ихъ на поединокъ. (*Уходитъ.*)

Герольдъ. Великїя дѣла твои изумляютъ людей.... Жалѣю о тѣхъ, которые вздумаютъ испытать его мужество. Какъ сильный градъ истребляетъ жатву, такъ Буртонъ поражаетъ витязей, и храбрость его затмѣваетъ ихъ славу, какъ солнце затмѣваетъ розовый блескъ Авроры.

(Приходятъ на мѣсто рыцарскихъ подвиговъ Король, Сиръ Георгъ Феррарисъ, Сиръ Ренульфъ Невиль, Сиръ Лудовикъ Клинтонъ, Бергамъ и другїе витязи. — Герольды, музыканты и пѣвцы.)

Король. Время пѣть баллады. Музыканты! играйте на гусляхъ, и славьте дѣла моихъ предмѣстниковъ.

Хоръ. „Вильгельмъ (*), слава земли своей, ужасъ нашей, — Вильгельмъ, равно „сильный и неутомимый, опершись на лукъ „грозный, закрывшись свѣтлымъ щитомъ „своимъ, зоветъ къ себѣ витязей храбрыхъ.

„Пусть ужасные львы теперь выдутъ „изъ вертеповъ! . . Пусть каленыя „стрѣлы твои обагрятся всякою кровїю, „но только не Христїянскою!

„Витязи показываются сквозь ряды „деревъ. Вильгельмъ могучею рукою натя„гиваетъ лукъ свой. Стрѣла свиститъ надъ ухомъ яростнаго волка: онъ „встаетъ, воетъ, шатается, умираетъ...

„Пусть яростные волки падаютъ „мертвые къ ногамъ твоимъ! Стрѣлы „твои да обагряются ихъ кровїю, а не „кровїю братїй!

„Герцогъ ѣдетъ въ густой тѣни „дремучаго лѣса. Сова испуганная кри„читъ дикимъ голосомъ, махая своими „мрачными крыльями. Насѣкомое, во тмѣ „живущее, удаляется отъ ногъ коня. „Змѣи шипятъ, изливая ядъ свой.

„Напрасно!.. Онъ ѣдетъ, и конь его „давитъ змѣй ядовитыхъ. Тотъ путь „ему не опасенъ, который ведетъ къ по„двигамъ славы.

(*) Герцогъ Норманскїй, завоеватель Англїи.

„Левъ, привезенный изъ огненной „Африки, отдыхаетъ въ лѣсу. Изумлен„ный конскимъ топотомъ, онъ встаетъ „и глазами сверкающими озирается.

„Побѣди звѣря лютаго! Стрѣлы твои „да обагряются всякою кровїю, но только „не Христїянскою!

„Левъ стоитъ гордо и величественно. „Вильгельмъ натягиваетъ лукъ рукою „сильною, подобною грому небесному. „Левъ реветъ и падаетъ...

„Спѣши умертвить лютаго звѣря въ „его окровавленномъ вертепѣ; но только „не обагряй стрѣлъ своихъ кровїю братїй!

„Испуганный олень бѣжитъ изъ лѣсу. „Кони, не менѣе его быстрые, летятъ „въ слѣдъ за нимъ. Онъ прыгаетъ чрезъ „бездну — останавливается и думаетъ, „что опасность миновалась... Но гибель„ная стрѣла разсѣкаетъ воздухъ... олень „издыхаетъ.

„Пусть звѣри дикїе падаютъ мерт„вые къ ногамъ твоимъ! Стрѣлы твои „да омываются ихъ кровїю! но знай, „что кровь Христїянская священна!

„Утомленный убїйствами, Виль„гельмъ закидываетъ за плечо лукъ „свой. Оленя связываютъ цвѣтными „гирландами. Вишязи украшаютъ зеленью

„блестящіе шлемы, и готовятъ веселый „пиръ въ прохладной тѣни лѣса.

„Низвергай къ ногамъ своимъ ди„кихъ, лѣсныхъ звѣрей; вели готовить „мясо ихъ для роскошной трапезы „рыцарской: не убивай только людей и „братій!“

Король. Турниръ начинается. Кто сразится первый?

Герольдъ. Невиль мужественный! сія честь досталась тебѣ по жребію.

Буртонъ Требую пропуска.

Невиль. Не даю его.

Буртонъ. Вотъ моя перчатка.

Герольдъ. Вызовъ сдѣланъ по обряду рыцарскому. Витязи храбрые! будьте свидѣтелями. — Музыканты! играйте на трубахъ!

(Буртонъ сражается съ Невилемъ... Невиль падаетъ.)

Герольдъ. Витязи и рыцари! кто изъ васъ видалъ поединокъ славнѣйшій?.. Буртонъ готовъ еще сразиться съ желающимъ. Одинъ смѣлый можетъ напасть на Буртона; но смѣлость есть добродѣтель рыцарей.

Феррарисъ. Иду противъ него. Конкшій! дай мнѣ щитъ. Кому нибудь изъ насъ должно обагриться кровію. Щитъ! щитъ!

Буртонъ. Поди. . . Даю тебѣ время намѣтить на меня копье свое. Буртонъ сражается только съ именитыми витязями.

(Они вступаютъ въ бой. Феррарисъ падаетъ.)

Буртонъ. Рана его дымится. Жалѣю о сильномъ дѣйствіи руки моей.

Герольдъ. Буртонъ одержалъ вторую побѣду. Витязи! спѣшите овладѣть славнымъ щитомъ его.

Бергамъ. Принимаю вызовъ. Дайте мнѣ коня и копье! . . Буртонъ! помедли. Желаю удвоить славу твою, и сразиться прежде съ инымъ витяземъ. Надѣюсь его низвергнуть; и тогда ударю копьемъ своимъ въ щитъ побѣдителя. . . Герольдъ! объяви Королю, что Бергамъ ожидаетъ противника.

Клинтонъ. Не долго будешь ждать его. Копье мое, какъ молнія быстрое, какъ громъ ужасное, ищетъ твоего копья.

(Сражаются. Клинтонъ падаетъ.)

Бергамъ Буртону. Теперь, рыцарь, взгляни на меня гордымъ окомъ своимъ. Я побѣдилъ и вызываю тебя. Рѣшимъ судьбу нашу. Слава твоя удвоится, если ты меня побѣдишь меня.

(Бергамъ падаетъ отъ ударовъ Буртона.)

Герольдъ. Буртонъ побѣдилъ трехъ витязей, и третья побѣда стоитъ двухъ. Теперь да ожидаетъ онъ противниковъ достойныхъ его!... Вижу рыцарей чужеземныхъ. Естьли они благородны и знаменитны дѣлами, то мы не лишимъ ихъ чести боя.

Первый рыцарь. Мы чужеземцы, и ревностно желаемъ славы участвовать въ рыцарскихъ подвигахъ, чтобы отличить имя свое отъ имени робкихъ, и чтобы жители Англіи, видя наше оружіе, сказали: „сіи копья обагрены кровію великодушныхъ!"

Герольдъ. Витязи храбрые! угодно ли вамъ даровать честь поединка симъ мужественнымъ иностранцамъ?

(Первый чужеземный рыцарь побѣждаетъ четырехъ витязей.)

Буртонъ. Теперь, когда мѣсто боя усѣяно обломками шлемовъ и копій — когда многіе щиты раздробились въ рукѣ витязей и кровію обагрилась земля — теперь желаю сразиться съ побѣдителемъ. Маршалъ боя! требую копья новаго. Естьли бы сей иностранецъ дышалъ пламенемъ и металъ изъ руки молнію, Буртонъ и тогда бы противъ него устре-

мился. Многїе изъ нашихъ рыцарей пали отъ ударовъ незнакомца: теперь никто уже не падетъ прежде его. . . . Святая Дѣва! клянусь Богомъ и Тобою! . . . На мѣстѣ, гдѣ сей витязь будетъ побѣжденъ мною, я сооружу церковь каменную во имя Твое, съ высокими столпами и колокольнею. Вѣрно исполню обѣтъ свой, естьли Ты поможешь мнѣ въ сїю минуту рѣшительную. . . . Будь готовъ, чужеземецъ! вызываю тебя на поединокъ. — Трубы! играйте.

(Буртонъ и чужеземецъ сражаются. Первый побѣждаетъ.)

Король. Довольно! Турниръ на сей день заключается.

Герольдъ. Буртонъ есть глава Турнира. Знамя Англїи да развѣвается на шатрѣ его! Пѣвцы! гласите ему пѣснь славы! . . . Герольды! соберите обломки копїй! Станемъ всѣ на колѣна предъ главою Турнира! . . Прелестныя и милыя Дамы! онъ сражался изъ любви къ вамъ; для васъ сокрушалъ мечи и копья, и въ минуты великихъ дѣлъ мыслилъ единственно о прелестныхъ. Славьте его побѣду; окружите витязя и торжественно идите съ нимъ до шатра Королевскаго

Пѣвцы. Когда рыцарь, обремененный трофеями, съ мечемъ дымящимся и вла-

сами окровавленными, вступаетъ въ лѣсъ дремучїй, гдѣ тишина и покой обитаютъ, и желаетъ единственно отдохнуть на мягкомъ ложѣ Нѣги: тогда сїя любезная богиня, увѣнчанная розами, летитъ къ нему въ объятїя, отираетъ пыль съ лица его, беретъ и скрываетъ оружїе; смотритъ на витязя такъ умильно, являетъ ему такїя прелести, что вся душа его измѣняется и забываетъ оружїе съ трофеями. Онъ дышитъ, пылаетъ любовїю, и руками своими обнимаетъ богиню, подобно какъ вечерняя тѣнь обнимаетъ цвѣты.

Вы, друзья Нѣги, хотите наслаждаться ея прелестями: знайте же, что прежде надобно искать славы, и что богиня любви сидитъ на трофеяхъ!

IV.

О человѣкѣ во всѣхъ земляхъ и климатахъ.

Всякое сравненїе человѣка съ другими животными не достойно его. Даже и въ физическомъ смыслѣ онъ гораздо совершеннѣе ихъ, будучи одинъ созданъ для всѣхъ

климатовъ, холодныхъ и жаркихъ; сноситъ труды и муки, которыя превышаютъ силы огромнаго слона; преплываетъ необозримости Океана, и царствуетъ въ мірѣ отъ Полюса до Полюса. Сфера дѣятельности звѣрей навѣки ограничена: отношенія ихъ къ Натурѣ малочисленны и никогда не перемѣняются. Человѣкъ же находится въ связи съ цѣлою Природою, и средства умственной дѣятельности его умножаются ежедневно. Онъ блистаетъ характеромъ величія, и, кромѣ нѣкоторыхъ различныхъ оттѣнокъ, во всѣхъ странахъ одинаковъ.

Въ Гренландіи, на берегахъ Океана Атлантическаго и въ южной Африкѣ, человѣку предписаны однѣ должности, и страсти подъ разными личинами производятъ такія же дѣйствія, какъ и между нами. Соглашаюсь, что въ сѣверныхъ странахъ Азіи и Европы родъ человѣческой унижается какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ; но и въ Лапландіи и въ Камчаткѣ люди сохраняютъ еще права властелиновъ Натуры. Кто разитъ бѣлаго медвѣдя и правитъ оленями, кто чувствуетъ цѣну благотворенія и любитъ добродѣтель, того еще не можемъ презирать и лишить имени брата. Нѣкоторые утверждали, что

Лапландцы составляютъ особенный родъ людей. Вольтеръ, по своему достохвальному обычаю, выдумалъ романъ для утвержденія сей мысли; но теперь ясно доказано происхожденіе ихъ отъ Финновъ. Уступая въ физическомъ совершенствѣ другимъ Европейцамъ, они не такъ унижены Натурою въ разсужденіи нравственности, какъ говорили наши Географы. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ мы видѣли Лапландца, который могъ назваться чудомъ ума и знаній. Онъ имѣлъ понятіе о всѣхъ наукахъ; читалъ древнихъ Авторовъ; много путешествовалъ; зналъ Французской, Руской, Шведской, Нѣмецкой, Персидской и Могольской языкъ; умѣлъ говорить объ всемъ основательно и пріятно: не умѣлъ только быть воздержнымъ, и въ цвѣтущей молодости умеръ отъ распутства.

Нѣкоторые Философы заблуждаются въ теоріи климатовъ, приписывая имъ излишнее вліяніе на образованіе и нравственность человѣка. Земля гористая или равнины покрытыя лѣсомъ, болота или страна обогащенная плодами земледѣлія, безъ сомнѣнія дѣйствуютъ на Физическое и моральное свойство людей, но бываютъ только причинами второстепе-

пенными, и не могутъ совершенно измѣнять ихъ главнаго, общаго характера.

Знаю также, что успѣхи гражданской жизни производятъ великое различіе между народами; но основаніе вездѣ одно, и человѣчество всегда сохраняетъ свой образъ. Люди украшаются искусствомъ въ общежитіи: только сіи украшенія можно назвать побочными, и дикій, лишенный ихъ блеска, не теряетъ своего благородства. Заглянемъ въ описанія славнѣйшихъ путешественниковъ, и мы увѣримся въ моральномъ единообразіи народовъ, живущихъ въ той и въ другой гемисферѣ, переходящихъ съ мѣста на мѣсто или обитающихъ въ городахъ. Всѣ они имѣютъ равное понятіе о справедливости и несправедливости. Вездѣ умъ человѣческій, какъ бы онъ ни былъ слабъ, отличается отъ слѣпаго естественнаго побужденія звѣрей. Путешественникъ слышитъ звуки волшебнаго барабана грубыхъ Лапландцевъ; видитъ, что Самоѣдъ и Тунгусъ покланяются вещамъ неодушевленнымъ, и что житель Америки молится Духу озеръ, лѣсовъ или горъ: но сіи народы хотятъ обожать Творца Природы. Согласіе чудесное! сходство удивительное! и мы находимъ его вездѣ: на островахъ *Сандвичевыхъ*, *Святой Марга-*

риты и *Дружескихъ*, отдѣленныхъ неизмѣримымъ пространствомъ отъ древняго и новаго міра и какъ будто бы забытыхъ Натурою.

Даже и въ дикихъ пустыняхъ человѣкъ ознаменованъ божественнымъ величіемъ, которое отличаетъ его отъ самыхъ благороднѣйшихъ животныхъ. Природа на всякомъ шагу играетъ нашими системами и смѣется надъ ихъ Авторами. Умъ и воображеніе не боятся ни холоднаго, ни жаркаго Пояса. Европейцы въ сосѣдствѣ водопада Ніагарскаго и на берегу великихъ озеръ мыслятъ такъ же остроумно, такъ же пріятно, какъ и въ своемъ отечествѣ. Камоэнсъ, переплывъ Океанъ, подъ другимъ небомъ, за 4000 миль отъ Европы, сохранилъ всю красоту и силу Генія: онъ сочинялъ *Лузіаду* въ дикой пещерѣ близь Макао.

Сѣверъ Европы производилъ нѣкогда людей великихъ; и въ наше время распускаются цвѣты воображенія подъ небомъ туманнымъ и на землѣ, покрытой снѣгомъ. Надобно только вспомнить Исландію, чтобы увѣриться въ истинѣ сихъ замѣчаній. Тамъ родились многіе ученые люди. *Скальды* или Поэты Исландскіе пламеняютъ насъ огнемъ своего воображенія не менѣе жителей Востока. Я никогда не

могъ читать ихъ *Эдды* или Меѳологіи безъ удивленія. Какое величіе въ мысляхъ и въ языкѣ! какое великолѣпіе въ картинахъ! На островѣ, примыкающемъ къ ледянымъ громадамъ мертваго царства зимы, написана книга, которою могли бы славиться остроумныя и нѣжныя Музы Греціи!

(*Изъ Фр. Жур.*)

V.

ПѢСНЯ.

На голосъ: Vous qui d'amoureuſe aventure.

Кто хочетъ быть вѣрно щастливымъ
Въ прелестныхъ любовныхъ дѣлахъ,
Тотъ выучись быть терпѣливымъ
И твердымъ въ любовныхъ бѣдахъ.
„Любовь война, побѣда для Героя;
„Зеленый лавръ дается не за сонъ.
„Кто хочетъ мира и покоя,
„Тотъ не ходи за Рубиконъ.

*

Придется довольно ненастья
Въ любовныхъ походахъ сносить;
Но естьли бояться нещастья,
То щастья вовѣкъ не нажить.
Любовь война — и проч.

*

редвидѣть опасности должно,
И хитрымъ позволено быть;
Но робкимъ успѣть не возможно:
Амуру служить, не тужить.
Любовь война — проч.

❋

Не рѣдко улыбкой лукавой
Насъ милыя въ сѣти манятъ;
Обманы считаются славой,
И плѣнники гордости льстятъ.
Любовь война — и проч.

❋

Но часто красавицы сами
Невольнику скипетръ даютъ,
За шутку намъ платятъ слезами,
И въ рабствѣ у плѣнныхъ живутъ!

„Тогда, тогда гордися перемѣной;
„Тверди: *настал мой час торжествовать!*
„Стращай красавицу измѣной,
„Чтобъ страхомъ нѣжность оживлять!

О.

VI.

Ипохондрія.

Неумолимая богиня судьбы съ важнымъ, угрюмымъ взоромъ отмѣряла каждому состоянію людей долю его въ щастіи и

мукахъ, въ дарахъ и недостаткахъ жизни. Толпу обыкновенныхъ вельможъ надѣлила она честїю безъ славы, властїю безъ силы, изобилїемъ безъ наслажденїя; а народу дала здоровье и разумъ ограниченный, силу и неумѣнье пользоваться ею, долгой вѣкъ безъ живыхъ душевныхъ удовольствїй, спокойствїе и незнанїе цѣны его. Знатнымъ достался блескъ безъ дѣйствительности, а народу простая дѣйствительность безъ всякаго украшающаго блеска: одинъ жребїй былъ не лучше другова. — Потомъ богиня судьбы обратилась къ Антиподамъ вельможъ и толпы народной, къ людямъ съ талантами, къ благороднымъ Ученымъ, и сказала имъ:

„Доля ваша есть сїять истиннымъ достоинствомъ, заслуживать первыя степени и не стремиться къ нимъ, стоять на нихъ случайно и не гордиться ими; не знать усыпленїя, скуки праздныхъ, ни изнуренїя физическихъ силъ отъ чрезмѣрныхъ трудовъ тѣлесныхъ; находить въ самой пышности сердечное наслажденїе и простотпу обыкновенной жизни озлащать свѣтлымъ душевнымъ блескомъ; смѣяться надъ величїемъ недостойныхъ и не имѣть предразсудковъ народа; стоящихъ выше

и ниже васъ просвѣщать, образовать, руководствовать“ ....

Богиня остановилась. Казалось, что ей самой прискорбно было уменьшить цѣну даровъ столь великихъ и драгоцѣнныхъ.

„Но, вопреки общей къ вамъ довѣренности“ — примолвила она тихимъ голосомъ и съ видомъ сожалѣнія — „не вѣрьте часто самимъ себѣ; вопреки глубокому почтенію современниковъ къ вашимъ достоинствамъ, страшитесь презрѣнія. Народы будутъ удивляться вашимъ мыслямъ; но люди, съ которыми живете, должны часто васъ осмѣивать или находить жалкими. Будьте свѣтиломъ путеводительнымъ для милліоновъ, но сами спотыкайтесь на каждомъ шагу. Чтобы вы не гордились излишно передъ своими братьями, то благородство духа осѣнится горестно тѣлесными недугами, и крылья ума подсѣкутся — Ипохондріею..“

Слово ужаснаго творенія произнеслося, и страшнѣйшая изъ Гарпій родилась. На гнусномъ лицѣ Мегериномъ синѣются широкія губы Гіены; голое ухо летучей мыши выползаетъ изъ-подъ темной шерсти виска, и къ длиннымъ чешуйчатымъ ногамъ драконовымъ прирастаютъ крылья вампира. Съ шипѣніемъ и визгомъ чудовище летитъ къ своей цѣли, чтобы

похитить, разрушить, или обезобразить драгоцѣнные таланты Натуры.

Сердца добрыя, братья любезные! естьли встрѣтите бѣднаго, сею Гарпїею терзаемаго, то пожалѣйте объ немъ! Естьли человѣкъ, которому вы издали удивлялись, вблизи кажется вамъ и малъ и слабъ: то вообразите, что *ужасная* вьется надъ его головою! Оставьте ему единственное утѣшенїе славы! Естьли найдете противорѣчїе между его великими идеями и малыми дѣлами, то не злословьте на счетъ мнимаго лицемѣра! Уважайте достойнаго и простите нещастнаго!... А вы, любезныя красавицы, не сердитесь на то, что онъ не годится для вашего блестящаго, веселаго круга. Не провожайте его насмѣшками, когда сей бѣдный ипохондрикъ съ робостїю отъ васъ удаляется. Утѣшьте, ободрите его ласковымъ взоромъ, дружелюбнымъ словомъ. Умная, милая женщина есть спасительное божество: гдѣ оно является въ кроткомъ сїянїи, тамъ Фурїи оставляютъ жертву свою, спѣша возвратиться въ темную область Эрева.

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

VII.

Письмо одного путешествующаго Американца изъ Екатериноградa.

Екатериноградъ, 16 Окт. 1803.

Путешествїе наше до сего времени было щастливо. Дорога отъ Астрахани до Кизляра, черезъ обширную, единообразную степь, утомительна и скучна; но веселость моихъ товарищей прогоняла скуку, и величественная картина горъ наградила меня за все. Онѣ прекрасны! Я никогда не могу видѣть горъ безъ желанїя быть на нихъ и за ними. Хотя сїи горы ниже Савойскихъ; но цѣпь ихъ — гдѣ древняя Поэзїя искала чудесъ, и гдѣ нынѣ укрываются остатки знаменитыхъ народовъ — простираясь отъ Каспїйскаго до Чернаго моря, величественнѣе Альпїйскихъ горъ; онѣ стоятъ того, чтобы прїѣхать сюда изъ вашей столицы и взглянуть на ихъ

гордыя вершины.

Къ удивленїю моему нашелъ я Англичанъ или Шотландцевъ, которые живутъ у подошвы горы, на равнинѣ заросшей лѣсомъ, во владѣнїи Черкесовъ и въ 35 верстахъ отъ Георгїевска. Г. Паттерсонъ, Священникъ и глава сей колонии, принялъ меня на крыльцѣ низенькой хижины.

Въ горницѣ увидѣлъ я двухъ маленькихъ Черкесовъ, купленныхъ имъ за 500 рублей. Отецъ ихъ убитъ Черкесскимъ Княземъ въ минуту досады, а мать прекратила жизнь свою ударомъ топора. Сіи бѣдные сироты воспитываются въ домѣ Священника какъ дѣти его. Г. Паттерсонъ говоритъ умно; но образъ его мыслей и выраженій отличается какою-то рѣдкою простотою — не мудрено: ибо сей человѣкъ знаетъ свѣтъ только по Шотландскимъ и Кавказскимъ горамъ. Насъ угостили обѣдомъ, весьма не роскошнымъ, и безъ вина: колонисты не пьютъ его, боясь преступить обычай Магометанцевъ, ихъ сосѣдовъ. Послѣ обѣда мы ходили въ гости къ Черкесамъ и Татарамъ. Г. Паттерсонъ пришелъ туда же. Онъ умѣетъ обходиться съ ними и одаренъ всѣми свойствами, нужными для успѣха въ его предпріятіи: ибо я увѣрился, что сія колонія состоитъ изъ Миссіонаріевъ, проповѣдывающихъ Евангеліе народамъ варварскимъ. Но они скрываютъ сіе намѣреніе, чтобы лучше достигнуть до своей цѣли. Планъ ихъ таковъ, чтобы покупать и воспитывать младенцевъ, завести большое селеніе, хлѣбопашество, и примѣромъ своимъ обратить варваровъ къ трудолюбію и къ мирнымъ удовольствіі-

ямъ добродѣтельной жизни. Г. Паттерсонъ былъ нѣсколько времени въ Сіеррѣ-Леонѣ, Африканской колоніи. — Женщины сего любезнаго общества приготовили для насъ чай. Ихъ шесть, кромѣ дѣтей. Добрый хозяинъ долго разсуждалъ со мною о нѣкоторыхъ главахъ Библіи, и наконецъ указалъ мнѣ мягкую и чистую постелю. Я легъ — и въ ту же минуту услышалъ пѣніе гимновъ. Женскіе голоса соединялись съ мужскими. Г. Паттерсонъ читалъ молитву съ умиленіемъ и жаромъ. Онъ просилъ, чтобы Небо благословило сію новую колонію, и благодарилъ Его за то, что Оно прибавило еще одинъ день ко днямъ ихъ жизни. „Только „рука Всевышняго, говорилъ онъ, мо„жетъ защитить насъ и даровать намъ „разумъ для просвѣщенія сосѣдовъ.“ Печальный голосъ молящагося; тишина, которая потомъ наступила въ хижинѣ; мракъ ночи; мысль о жестокихъ Татарахъ и свирѣпыхъ Черкесахъ, окружающихъ селеніе, и минуты общаго покоя употребляющихъ на злодѣйство — все это произвело въ душѣ моей неизъяснимыя чувства. Я самъ во глубинѣ сердца молился о спасеніи сихъ добрыхъ и миролюбивыхъ Христіянъ . . . . Они донынѣ занимаютъ мое воображеніе. Боюсь, что-

бы варвары когда нибудь ихъ всѣхъ не умерщвили! . .

С.

VIII.

Англійская промышленность.

Письмо изъ Лондона.

Внѣшнее утѣсненіе раждаетъ всегда внутреннее согласіе. Сѣверныя Американскія Области прежде Революціи были весьма не дружны, такъ, что Великобританнія съ трудомъ заставляла ихъ дѣйствовать соединенными силами противъ Французовъ и дикихъ народовъ. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до явнаго возмущенія Франклинъ увѣрялъ, что одинъ несносный деспотизмъ Англіи можетъ прекратить взаимную вражду Американскихъ Областей. Когда же Англійское Министерство неблагоразумнымъ образомъ изъявило упорство въ мѣрахъ ненавистныхъ Колоніямъ, тогда всѣ умы и сердца обратились къ одной цѣли, и свѣтъ съ изумленіемъ увидѣлъ геройство земледѣльцевъ. Англія представляетъ нынѣ такое же великое зрѣлище. Народъ, живущій по большой части для торговли, промышленности, земледѣлія и роскоши, вдругъ

является съ оружїемъ въ рукахъ, и готовъ отразить надменнаго непрїятеля, который, еще не имѣя довольнаго числа судовъ для переѣзда черезъ Каналъ, дѣлитъ уже въ мысляхъ Англїйскїя сокровища и земли. Люди, бывшїе всегда разныхъ партїй, забываютъ несогласїе мнѣнїй и съ ревностїю окружаютъ тронъ Монарха добродѣтельнаго. Принцы становятся въ одинъ рядъ съ простыми солдатами; Министры, выходя изъ своихъ кабинетовъ, учатся военному искусству; Юрисконсульты скидываютъ съ себя черныя мантїи и надѣваютъ красные мундиры; даже знатныя Англичанки составляютъ полкъ женской (*)!

Въ такихъ обстоятельствахъ и самая Англїйская промышленность должна была заразиться воинскимъ духомъ. Лондонъ и другїе большїе города похожи теперь на рынки, какїе бываютъ при лагеряхъ. Все нужное для войны и для солдатской жизни дѣлается и представляется глазамъ въ разнообразныхъ видахъ. Всякой лавошникъ хочетъ торго-

(*) Лади Джерингамъ набираетъ полкъ женщинъ, чтобы въ случаѣ непрїятельской высадки отгонять, скотъ отъ беретовъ.

вать вещами потребными для воинскаго стана, и находить способъ имѣть двойной барышъ. Любопытно видѣть, какъ всѣ механическія искусства пользуются симъ случаемъ для своей выгоды. Длинныя Лондонскія улицы, гдѣ лавка примыкаетъ къ лавкѣ, вездѣ исписаны словами: military (*военное*); на примѣръ: *здѣсь продаются военныя шляпы, военныя шпаги, военныя ладунки* — и такъ далѣе. Ремесленники, непосредственно работающіе для солдатъ, удивительнымъ образомъ наживаются: поршные, сапожники, оружейные мастера и другіе. Книгопродавцы изъявляютъ великое патріотическое усердіе и печатаютъ только *наставленія для Офицеровъ, правила солдатскія, ручныя книги для военныхъ лекарей, для артиллеристовъ, канониров*ъ, — *описанія кровопролитныхъ сраженій и воинскія пѣсни.* Гравёры также отличаются своимъ усердіемъ: каррикатуры на Бонапарте и на Французскую высадку безчисленны, и народъ съ величайшимъ удовольствіемъ платитъ за нихъ деньги. Карепники выдумываютъ легкія походныя коляски, столяры дѣлаютъ складные походные столики и проч. Бирмингамскія фабрики заняты отливаніемъ мундирныхъ пуговицъ: всякой полкъ, всякой корпусъ

волонтеровъ имѣетъ особенныя, съ разными знаками или надписями.

И самыя женщины, гордясь мужествомъ отцовъ, супруговъ и братьевъ, показываютъ своею одеждою, что въ нихъ дѣйствуетъ такой же духъ геройства. Знатныя, вмѣсто шляпъ и чепчиковъ, носятъ теперь — шишаки, соломенные, сафьянные или шелковые. Золотыя булавки ихъ имѣютъ видъ какого нибудь оружія: пушки, копья, шпаги; серьги представляютъ щиты или шлемы. На зубочистпкахъ и готовальняхъ изображены патріотическія надписи; а гребни должны украситься медальйонами Героевъ, которые отличатся храбростію въ первыхъ сраженіяхъ.

(*Изъ Нѣм. Жур.*)

IX.

Карета бывшаго Министра Калона.

Истинное происшествіе.

Въ Европѣ долго спорили о Калонѣ: одни говорили, что онъ, бѣжавъ изъ Франціи, увезъ съ собою нѣсколько милліоновъ, а показывался бѣднымъ единственно для того, чтобы спастись отъ гоненій Фран-

цузскаго Народнаго Конвента; другіе же увѣряли, что онъ не притворно, а дѣйствительно бѣденъ. — Любопытное происшествіе, которое намѣренъ я разсказать читателямъ, доказываетъ, что и тѣ и другіе говорили правду!.. Это кажется загадкою; но дѣло объяснится.

Извѣстно, что Калонь былъ Министромъ Финансовъ при Лудовикѣ XVI не задолго до Революціи, и могъ яснѣе другихъ предвидѣть бурю: ибо недостатокъ въ государственныхъ доходахъ произвелъ во Франціи всѣ бѣды. И такъ не мудрено, что осторожный Калонь выѣхалъ изъ отечества при самомъ началѣ мятежа народнаго.

Враги его утверждали, что онъ не имѣлъ никакихъ способностей для управленія Финансами: не мое дѣло быть защитникомъ сего Экс-Министра. По крайней мѣрѣ Калонь зналъ, что въ чужихъ земляхъ, безъ друзей и [illegible] покровителей, весьма нужны деньги; и такъ онъ старался запастись ими, чтобы жить въ Англіи какъ должно знатному человѣку; накопилъ около осьми милліоновъ, обратилъ ихъ отчасти въ Англійскія банковыя ассигнаціи, отчасти въ драгоцѣнныя вещи, и велѣлъ сдѣлать себѣ

новую дорожную карету съ потаенными ящиками, весьма искусно сокрытыми.

Въ сей каретѣ, спрятавъ въ ящики ассигнацїи и бриллїянты, Калонь отправился изъ Парижа въ Англїю черезъ Фландрїю и Нидерланды. Къ нещастїю, его остановили. Не знали, кто онъ; но сочли его подозрительнымъ, и хотѣли развѣдать о немъ. Калонь опасался слѣдствїй; боялся, что его узнаютъ и отправятъ назадъ въ Парижъ; думалъ и колебался. Ему ужасно было оставить свою карету; но заключенїе казалось еще ужаснѣе: къ тому же, вмѣстѣ съ личною свободою, онъ потерялъ бы и сокровища... И такъ рѣшился уйти пѣшкомъ и спасъ единственно дорожную книжку свою съ ассигнацїями.... Оставляю читателямъ вообразить горесть его. Естьли такой человѣкъ могъ плакать, то онъ безъ сомнѣнїя пролилъ довольно слезъ изъ глубины души.

Бѣдный Экс-Министръ прїѣхалъ въ Лондонъ. Всякой догадается, что карета не выходила изъ его воображенїя, и что онъ думалъ о средствахъ выручить ее, утѣшаясь по крайней мѣрѣ тою мыслїю, что никто не можетъ открыть въ ней потаенныхъ ящиковъ. — Калонь писалъ къ друзьямъ своимъ во Францию: увѣдо-

шилъ, что съ нимъ случилось (не упоминая о главной тайнѣ), и просилъ ихъ развѣдать о каретѣ его. Наконецъ черезъ два года знаменитый изгнанникъ нашъ узналъ, что она, вмѣстѣ съ другими повозками, отнятыми у Австрійцевъ и Англичанъ, привезена въ Лиль и стоитъ въ сараѣ у городскаго Мера.

Въ Альтонѣ жилъ тогда бѣдный Французскій Эмигрантъ, Аббатъ Сен-Жюльень, человѣкъ добрый и преданный Калонню. Экс-Министръ зналъ его честность и написалъ къ нему слѣдующее письмо: „Французы завладѣли моею „каретою, весьма хорошо сдѣланною. Она „теперь въ Лилѣ: естьли вы можете „ѣхать туда, купить ее и привезти „въ Лондонъ, то немедленно доставлю „вамъ ея вѣрное описаніе и нужныя „деньги. Будьте увѣрены въ моей благо„дарности и — въ хорошей пенсіи.“

Аббатъ съ величайшимъ удовольствіемъ согласился исполнить его волю; получилъ описаніе кареты, деньги, и немедленно отправился во Фландрію. Онъ всѣми былъ уважаемъ и любимъ, даже самыми Агентами Республики въ Гамбургѣ и въ Альтонѣ. Ему безъ всякаго затрудненія дали паспортъ для безопаснаго въѣзда во Францію.

Онъ благополучно пріѣхалъ въ Лиль, нашелъ карету, купилъ ее и поѣхалъ въ ней съ сердечною радостію въ Лондонъ. Добрый Аббатъ веселился мыслію, что онъ услужилъ своему благодѣтелю и получитъ отъ него справедливое награжденіе. Но... щастіе измѣнило ему: онъ встрѣтился съ отрядомъ народной Гвардіи; его остановили; разсмотрѣли паспортъ, и дозволили ему самому ѣхать въ Англію; но Республиканцамъ жаль было выпустить изъ Франціи такую богатую карету: они взяли ее, привезли въ Лиль и поставили опять въ сараѣ у городскаго Мера, который обрадовался случаю снова услужить ею, за сходную цѣну, охотникамъ до хорошихъ экипажей.

Бѣдный Аббатъ разсудилъ за благо возвратиться въ Альтону, и написалъ оттуда къ Экс-Министру о своемъ нещастіи... Претерпѣнныя имъ въ дорогѣ безпокойства, страхъ и горесть, произвели опасную болѣзнь для человѣка старого: онъ слегъ въ постелю и скоро умеръ. Воображеніе его безпрестанно занималось Калонемъ и каретою; закрывая навѣкъ глаза свои, Аббатъ съ жаромъ произнесъ еще слова: *Калонъ и карета!*.. Друзья нещастнаго старика не могли понять сей загадки. Въ числѣ ихъ была Госпожа

де-ла-Винь, которая нѣкогда пользовалась особенною благосклонностїю Экс-Министра; слова: *Калонь и карета*, тѣмъ болѣе занимали ея любопытство.

Госпожа де-ла-Винь была хороша лицомъ, любила нравиться и мотать. Она выѣхала изъ отечества для того, что другїя знатныя женщины изъ него выѣхали. Политика не имѣла участїя въ семъ случаѣ. Естьли бы Членъ Конвента влюбился въ красоту ея и могъ доставить ей прїятности роскоши, то она конечно позволила бы ему быть Республиканцемъ и не стала бы спорить съ нимъ о лучшемъ для Францїи правленїи. Но какъ Якобинцы объ ней не думали, то Госпожа де-ла-Винь искала убѣжища въ Германїи и поселилась въ Алтонѣ. Она вывезла не много денегъ съ собою, прожила ихъ и съ горестїю узнала недостатокъ. Бѣдность казалась ей всего ужаснѣе, а Французская Республика всего несправедливѣе, завладѣвъ ея недвижимымъ имѣнїемъ. Госпожа де-ла-Винь сдѣлалась страшною Аристократкою, клала Французовъ, бранила Нѣмцовъ, читала въ Журналѣ Франкфуртскомъ описанїе Австрїйскихъ побѣдъ и съ радостїю предсказывала, что Бурбоны неме-

дленно завоюютъ наслѣдственный тронъ свой.

Въ семъ расположенїи она посѣщала больнаго Сен-Жюльеня. Не извѣстно, какъ думалъ объ ней Аббатъ: вѣроятно, что онъ, по своему добродушїю, не считалъ ее ни злою, ни вѣроломною. Она же умѣла привлекать къ себѣ людей видомъ и разговоромъ ласковымъ, казаться чувствительною и набожною. Не мудрено было обмануть искренняго, откровеннаго Сен-Жюльеня.

Не знаю также, свѣдала ли она какїя нибудь подробности Калоневой исторїи, неизвѣстныя другимъ; но вѣрно то, что сїя хитрая женщина написала къ нему слѣдующїя строки:

„Сен-Жюльень умеръ. Исторїя ва-„шей кареты была вѣроятною причиною „его смерти. Въ безпамятствѣ своемъ „онъ твердилъ о Калонѣ и каретѣ. Я „взяла на себя горестный долгъ увѣдо-„мить васъ о кончинѣ нашего общаго „друга. — — — Естьли можно еще спасти „карету, то предлагаю услуги свои: вы „знаете мою искреннюю, душевную къ „вамъ привязанность.“

Сїе письмо имѣло желаемое дѣйствїе. Калонь отвѣчалъ ей — говорилъ о своей дружбѣ, благодарности — и воображая, что

она все знаетъ, просилъ ее найти человѣка, который могъ бы успѣть въ томъ, что не удалось Сен-Жюльеню. „А есть-„ли вы сами, писалъ онъ, вздумаете „ѣхать въ Лиль и купить мою карету, „столь для меня важную, то, зная „вашъ разумъ, не сомнѣваюсь въ успѣхѣ. „Признательность моя найдетъ способъ „доказать вамъ, что я умѣю быть дру-„гомъ чувствительнымъ и нѣжнымъ."

Госпожа де-ла-Винь увѣрилась въ истинѣ догадки своей; увѣрилась въ томъ, что въ каретѣ есть тайное сокровище. Какое открытїе для женщины роскошной и корыстолюбивой! какой переходъ отъ бѣдности къ самой блестящей Фортунѣ!... Разныя мысли и намѣренїя въ одну минуту представлялись ея воображенїю и снова исчезали.

Она долго думала и наконецъ рѣшилась.... Есть люди, которые, имѣя способъ выбрать хорошее или худое почти съ равною выгодою для своего благосостоянїя, выбираютъ худое — отъ привычки, отъ склонности ко злу: такъ порокъ унижаетъ человѣка!..... Бѣдный Калонь! кому ты ввѣрилъ судьбу свою!

Госпожа де-ла-Винь написала къ нему второе письмо, и къ удовольствїю

Экс-Министра вызвалась сама ѣхать въ Лиль; но хотѣла имѣть подробное свѣдѣніе о тайныхъ, внутреннихъ пружинахъ кареты и сокровищахъ, въ ней спрятанныхъ. „Надобно воспользоваться нещастнымъ опытомъ Аббата Сен-Жюльеня,“ говорила она: „должно предвидѣть возможности. Когда же вы обо всемъ меня „увѣдомите, то отвѣчаю головою, что „ни въ какомъ случаѣ не пріѣду къ вамъ „въ Лондонъ съ пустыми руками.“

Калонъ согласился исполнить ея требованіе: Госпожа де-ла-Винь все узнала и получила даже ключь отъ потаенныхъ ящиковъ!

На другой день она написала къ Агенту Французской Директоріи сію записку:

„Гражданинъ! естьли открою Французской Республикѣ тайное сокровище; „естьли укажу мѣсто, гдѣ спрятано около „осьми милліоновъ ливровъ: то буду ли „награждена? и чѣмъ? и какое поручительство можете мнѣ представить въ „вѣрномъ исполненіи вашихъ обѣщаній?“

Черезъ нѣсколько минутъ Агентъ Республики написалъ ей въ отвѣтъ, что о такомъ важномъ дѣлѣ надобно ему отнестись къ Правительству; но что онъ можетъ напередъ увѣрить ее въ справед-

ливой благодарности великодушнаго народа, и что признательность его будетъ соразмѣрна услугѣ. — Вѣроломная требовала свиданія съ Агеншоиъ, и вручила ему слѣдующія условія на письмѣ:

„Госпожа де-ла-Винь объявитъ Директоріи мѣсто, гдѣ скрыто во Франціи около осьми милліоновъ ливровъ, изъ которыхъ она желаетъ получить десятую часть. Естьли Директорія согласится, то Госпожа де-ла-Винь отправитъ во Францію повѣреннаго, который въ присутствіи городскаго Мера и другихъ чиновниковъ укажетъ сіе сокровище Коммиссару Правительства. Чиновники дадутъ на мѣстѣ письменное въ томъ свидѣтельство ея повѣренному, съ означеніемъ найденныхъ суммъ и драгоцѣнныхъ вещей. Сія бумага должна имѣть силу векселя: Директорія обяжетъ котораго нибудь изъ Гамбургскихъ банкировъ немедленно заплатить Госпожѣ де-ла-Винь десятую долю сокровища, какъ скоро она покажетъ ему упомянутую бумагу.“

Корыстолюбивая Директорія не хотѣла торговаться, и на все согласилась. Одинъ богатой Гамбургскій банкиръ взялъ на себя обязательство въ платежѣ денегъ Госпожѣ де-ла-Винь, и другъ сей гну-

сной измѣнницы, обожатель ея прелестей, былъ отправленъ ею въ Лиль.

Немедленно явился тамъ и Коммиссаръ Директорїи. Повѣренный, исполняя предписанїя Госпожи де-ла-Винь, собралъ городскихъ чиновниковъ и повелъ ихъ, вмѣстѣ съ Коммиссаромъ, въ сарай; нашелъ карету, отворилъ дверцы и сѣлъ въ нее. Чиновники думали, что онъ сошелъ съ ума, или смѣется надъ ними: какъ быть сокровищу въ каретѣ и въ сараѣ, гдѣ никто не могъ беречь его? . . Повѣренный трогаетъ внутреннюю пружину, видитъ три ящика, сдѣланные изъ краснаго дерева, и вынимаетъ ихъ. . . Отпираютъ и находятъ, къ неописанному изумленїю, миллїоновъ на восемь банковыхъ асигнацїй и бриллїянтовъ!

Нѣтъ нужды разсказывать послѣдствїй. Любовнику Госпожи де-ла-Винь дали свидѣтельство, по которому Гамбургскїй банкиръ немедленно заплатилъ ей 790,000 ливровъ, то есть, десятую долю открытаго ею сокровища. Она купила себѣ прекрасный сельскїй домъ на берегу Эльбы, завела богатый экипажъ, начала давать обѣды, концерты, и проч.

Провидѣнїе знаетъ, что и для чего дѣлается въ свѣтѣ: Оно не хотѣло, можетъ быть, чтобы Калонъ воспользо-

лся милліонами, имъ похищенными; о горе тѣмъ людямъ, которыхъ судьба избираетъ въ орудіе мести, и которые своимъ преступленіемъ наказываютъ преступника! . . .

Калонь узналъ о гнусной измѣнѣ Госпожи де-ла-Винь, и до конца жизни своей не могъ утѣшиться.

(*Изъ Нѣм. Журнала.*)

X.

Смѣсь.

Славный Писатель Коцебу, имѣвъ несчастіе лишиться жены своей, уѣхалъ изъ Берлина въ Парижъ. Въ Берлинскомъ Журналѣ печатаются теперь отрывки писемъ его къ одной госпожѣ. Переводимъ изъ нихъ слѣдующее мѣсто: „Давно уже „сравниваютъ жизнь съ путешествіемъ; „но какое сравненіе бываетъ въ точности „справедливо! Какая розница между жизнію и странствіемъ! и сколько преимуществъ имѣетъ послѣднее! — Странникъ обыкновенно знаетъ, куда онъ хочетъ итти или ѣхать; но у живущихъ „не спрашиваютъ, хотятъ ли они жить, „и для чего? Естьли бы сей вопросъ дѣ-

„лали намъ прежде вступленія въ свѣтъ, „то конечно многіе отказались бы отъ „жизни, не зная истиннаго и вѣрнаго „предмета ея . . . Путешественникъ на „время оставляетъ любезныхъ, но свида„ніе ожидаетъ его впереди и бываетъ „ему сладкою наградою; человѣкъ же „напротивъ того со всякимъ шагомъ въ „свѣтѣ приближается къ разлукѣ съ „милыми, и свиданіе остается только „одною утѣшительною надеждою. Путе„шествіе начинается разлукою, а жизнь „ею кончится. — Обыкновенный стран„никъ можетъ искать гостепріим„наго убѣжища, мирной хижины или „вѣтвистаго дерева, когда застигнетъ „его гроза и непогода: странникъ жизни „не имѣетъ сей выгоды. Онъ долженъ „безъ защиты стоять и терпѣть, когда „буря вокругъ его свирѣпствуетъ. Стран„никъ находитъ веселыхъ товарищей; „но въ жизни наслаждается ли кто ни„будь покойно самою вѣрною дружбою, „самою нѣжнѣйшею любовію, зная, что „одна секунда можетъ отнять у насъ и „друга и любовницу ?.... Щастливъ го„ресшный, который имѣетъ способъ путе„шествовать! Ему надобно искать горъ „и равнинъ отдаленныхъ; надобно искать „чужихъ людей, которые совсѣмъ не

„знаютъ его — не знаютъ, чего онъ лишился, и не представляютъ ему ужасныхъ воспоминаній .... У кого сгорѣлъ домъ, хорошо ли тому сидѣть вблизи и смотрѣть на дымящіяся развалины?... Я щастливъ, ибо спѣшу отъ васъ удалиться!“

„Совѣтникъ нашего Посольства (говоритъ Рейхартъ въ *письмахъ своихъ о нынѣшнемъ Парижѣ*) привелъ меня въ большой прекрасной домъ, гдѣ я нашелъ человѣкъ пятьдесятъ, бывшихъ знатныхъ дворянъ и между ими Герцога Лаваля Монморанси), Сенаторовъ, Членовъ Законодательнаго Корпуса, Дипломатическаго, иностранцевъ и проч. Не молодая женщина, почтеннаго вида, и мущина, лѣтъ за 60, вѣжливой и ловкой, отправляли обѣдомъ должность хозяевъ, какъ водится въ лучшихъ домахъ. Услуга и столъ были очень хороши. Во время обѣда освѣтили шесть или семь комнатъ, примыкающихъ къ залѣ: билліардную, кабинетъ чтенія и другія. Всякой занялся, чѣмъ кому было угодно: одни сѣли играть въ карты, другіе читали Журналы, или разговаривали передъ каминомъ. — Сей домъ принадлежитъ возвратившимся Эмигрантомъ, графомъ Тильи, который во время Революціи лишился своего имѣнія, и взду-

малъ учредить клубъ для прежнихъ Герцоговъ, Маркизовъ, Графовъ и знатныхъ иностранцевъ, которые за деньги могли бы собираться въ одномъ мѣстѣ и величать другъ друга старинными титлами. Всякой Членъ платитъ въ мѣсяцъ 200 ливровъ (рублей 55) за столъ и за чтенїе Журналовъ; можетъ быть тамъ какъ дома, приводить гостей и гулять въ саду, который почти соединяется съ прекраснымъ гульбищемъ Фраскати. Сей домъ называется Hôtel de commerce. Графъ и Графиня играютъ ролю самыхъ вѣжливыхъ и любезныхъ хозяевъ."

Въ журналѣ, называемомъ *Англїйскою Смѣсью*, пишутъ, что Литтераторъ Андерсонъ печатаетъ въ Лондонѣ *Письма Рускаго Путешественника*, Юлїю, Наталью, Боярскую дочь, и другїя повѣсти того же Автора, переведенныя имъ на Англїйскїй языкъ (безъ сомнѣнїя съ Нѣмецкаго).

Лордъ Литтлетонъ, сынъ славнаго Писателя, былъ остроуменъ, но суевѣренъ до крайности. Однажды онъ посѣтилъ своего прїятеля въ деревнѣ: вошелъ въ комнату съ лицомъ блѣднымъ, дрожалъ и едва могъ говорить; но скоро успокоился, началъ шутить, смѣяться, разсказывать забавные анекдоты; и чѣмъ болѣе приближалась полночь, тѣмъ веселѣе казался

остроумный Литтлетонъ. Гости нѣсколько разъ хотѣли ѣхать, вставали — и снова садились на мѣста свои, чтобы слушать Лорда; однакожь наконецъ разъѣхались. Литтлетонъ также простился-было съ хозяиномъ, но черезъ минуту возвратился и требовалъ позволенія ночевать у него, для того, что первая доска, на которую онъ ступилъ, входя къ нему въ домъ, затрещала подъ его ногами! Лордъ былъ въ тотъ вечеръ любезенъ и забавенъ единственно отъ того, что боялся остаться одинъ!... Страхъ можно назвать Геніемъ: онъ въ разныхъ видахъ производитъ чудеса, которыя приписываются совсѣмъ инымъ побужденіямъ. Я увѣренъ, что страхъ иногда вселяетъ въ людей и самое геройство.

Графъ Рочестеръ, извѣстный по своему остроумію и распутству, встрѣтился однажды на улицѣ съ Математикомъ Барро, и сказалъ ему: „Доброй день, Господинъ Докторъ! имѣю честь быть вашимъ слугою *до средоточія земли.*" — *А я вашимъ до Антиподовъ*, отвѣчалъ Докторъ. — „Вы меня не перегоните," сказалъ Рочестеръ: „я вашъ слуга до самаго ада"... *Признаюсь, что не могу поспѣть туда за вами*, отвѣчалъ Барро съ важностію и пошелъ своею дорогою.

Боже мой! сказалъ нѣкто одной крававицѣ: какъ вы могли выйти за-мужъ а такого безобразнаго человѣка? — „Что ѣлать!“ отвѣчала она съ невиннымъ простосердечіемъ: мужей даетъ намъ Богъ; не должно смотрѣть, каковы они. Любовники иное дѣло: мы ихъ сами выбираемъ.“

Фонтенель утверждалъ въ одномъ обществѣ, что для совершеннаго благополучія въ жизни надобно имѣть хорошій желудокъ и дурное сердце. Всѣ закричали: *это ужасно*! Многіе старались опровергать его; но Фонтенелево остроуміе и краснорѣчіе принудило наконецъ всѣхъ замолчать. Одинъ другъ его, Брюнель, клялся, что онъ заставитъ любезнаго Софиста признаться въ явной лжи своей. Разговоръ обратился на другое. Брюнель черезъ нѣсколько минутъ отвелъ Фонтенеля въ сторону и сказалъ ему, что извѣстный Писатель N. высланъ изъ Парижа и не имѣетъ денегъ на дорогу. „Боже мой! отвѣчалъ Фонтенель съ живостію: какъ мнѣ жаль его! Нынѣшній день я получилъ 1200 ливровъ: отдай ихъ ему скорѣе.“ — Это будетъ очень безразсудно съ твоей стороны, сказалъ Брюнель: ты самъ не богатъ и не знаешь его въ лицо. — Мой другъ! отвѣчалъ Фонтенель: я знаю,

что онъ въ нуждѣ, и сочту за великое щастіе услужить ему. Вотъ деньги: возьми ихъ." — *Фонтенель перемѣнилъ свои мысли!* громко сказалъ Брюнель: *онъ говоритъ теперь, что дѣлать добро есть великое щастіе* .... Впрочемъ извѣстіе его было справедливо, и N. получилъ 1200 ливровъ отъ Фонтенеля.

Госпожа Жанлисъ разсказываетъ въ Mercure de France слѣдующій анекдотъ: „Господинъ N. былъ скупъ до крайности. „Однажды, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, дворецкой „спросилъ у него, куда дѣвать множество „льду, которое осталось у нихъ въ погребѣ „отъ лѣта? *Отдай его бѣднымъ*, отвѣчалъ „Господинъ N.... Вотъ единственное „подаяніе, на которое онъ могъ рѣшиться „ся въ теченіе жизни своей!"

XI.

О школѣ, учрежденной для иностранцевъ въ Москвѣ при Новой Лютеранской церкви.

(Издатель съ великимъ удовольствіемъ помѣстилъ въ *Вѣстникѣ* сіе объявленіе, сердечно желая успѣха всякому полезному заведенію и предпріятію. Г. Пасторъ Гейдеке, надѣясь на великодушное вспоможеніе Рускихъ, отдаетъ справедливость ихъ просвѣщенной благотворительности. Вотъ случай доказать, что мы не отличаемъ иностранцевъ отъ согражданъ нашихъ, когда можемъ сдѣлать имъ добро, и что права человѣчества для насъ всего священнѣе!)

Число иностранцевъ средняго состоянія, не имѣющихъ способа хорошо воспитывать дѣтей своихъ, такъ велико въ Москвѣ, что другъ человѣчества съ горестію предвидитъ вредныя слѣдствія сего недостатка въ нравственномъ образованіи и въ пріобрѣтеніи нужныхъ для гражданина знаній. Отецъ, рожденный и воспитанный въ другой землѣ, напрасно хотѣлъ бы здѣсь выучить сына тому, чему онъ самъ учился въ гражданскихъ школахъ своего отечества. Народныя училища недостаточны для сего предмета:

дитель долженъ желать, чтобы дѣти
не забыли своего языка природнаго,
торому они не могутъ выучиться тамъ
рядочно. Смѣшеніе съ другими дѣтьми
якаго состоянія, иногда зараженными
убыми пороками, можетъ также быть
асно для ихъ нравовъ. Изъ двухъ ты-
чь иностранныхъ художниковъ, купцовъ,
месленниковъ, здѣсь находящихся, едва
пятьдесятъ могутъ имѣть у себя
домѣ учителей, которымъ надобно
атить въ годъ по-нѣскольку сотъ
блей. При церквахъ Протестантскихъ
Нѣмецкой Слободѣ учреждены школы,
ѣ наставляютъ дѣтей въ Вѣрѣ, пре-
даваемой на отечественномъ языкѣ ихъ;
сими училищами пользуются един-
ственно тѣ, которые живутъ въ Слобо-
; другіе же, будучи разсѣяны по от-
ленным частямъ города, не имѣютъ
тому удобности. Какимъ же образомъ
брый родитель сообщитъ дѣтямъ сво-
ъ хотя начальныя знанія, нужнѣйшія
я гражданской жизни, и правила, на
торыхъ основывается честность, вѣрное
полненіе обязанностей и миръ душевный,
лженствующій служить отрадою во
ѣхъ возможныхъ случаяхъ будущей жиз-
ихъ? Гдѣ безпомощный сирота найдетъ
едство образованія, чтобы со временемъ

безъ стыда называться иновѣрцомъ и чужестранцемъ въ Россіи?

Сіи мысли побудили меня распространить училище, находящееся при Новой Лютеранской церкви, отъ Правительства мнѣ порученной, и сдѣлать его общеполезнѣе для иностранцевъ. Мальчики и дѣвочки, числомъ 64, по большой части бѣдные и сироты, учатся тамъ всему нужнѣйшему для ихъ состоянія — и достойные Профессоры Императорскаго Московскаго Университета, которые по своей должности осматривали сію школу могутъ засвидѣтельствовать ея пользу. Я осмѣлился распространить сіе заведеніе, не имѣя никакихъ доходовъ, кромѣ вспоможенія людей благотворительныхъ. Но теперь сіи вспоможенія оказываются уже недостаточными, и мнѣ должно искать иныхъ дѣйствительнѣйшихъ способовъ, чтобы довершить начатое полезное дѣло. Число желающихъ учиться ежедневно умножается. Небогатые иностранцы, какъ здѣсь, такъ и по деревнямъ живущіе — на прим. экономы, фабриканты и другіе — представляютъ своихъ дѣтей, просятъ сжалиться надъ бѣдными и принять ихъ. . . . . а мнѣ остается быть нечувствительнымъ ко гласу человѣколюбія: вопервыхъ для того,

что не имѣю мѣста, и комнаты уже тѣсны для множества учениковъ; вовторыхъ и по тому, что не имѣю достаточной для расходовъ суммы. Но сїе затрудненїе не прохлаждаетъ моего усердїя, и до конца жизни своей буду ревностно способствовать тому, чтобы сироты не были стыдомъ отечества и Вѣры своей, и чтобы удовлетворить желанїю добрыхъ родителей.

Для сего намѣренъ я умножить число учениковъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, до 150, и сверхъ того содержать бѣдныхъ и сиротъ, одѣвать, кормить ихъ — нанимать учителей, учительницъ, надзирателей и слугъ. Планъ наставленїя сочиненъ мною сообразно со всѣми планами благоустроенныхъ гражданскихъ и сиротскихъ школъ: цѣль его есть та, чтобы образовать не Профессоровъ, но людей, имѣющихъ свѣдѣнїя необходимыя для всякаго состоянїя, любящихъ порядокъ и труды, здравыхъ душею и тѣломъ. Здѣсь не могу войти въ дальнѣйшїя подробности; но готовъ отвѣчать на всякой вопросъ тѣмъ особамъ, которыя пожелаютъ имѣть обстоятельное свѣдѣнїе о сей школѣ, и могу представить имъ планъ общїй, какъ въ разсужденїи наукъ, такъ и въ разсужденїи экономїи.

Для того, чтобы имѣть удобное мѣсто для школы, давать жалованье учителямъ, надзирателямъ, и содержать бѣдныхъ и сиротъ, нужна мнѣ немалая сумма. Она можетъ испугать того, кто сомнѣвается въ великодушіи людей; но съ упованіемъ на Бога я представлю ея подробное исчисленіе благотворительному другу человѣчества, который, любя помогать бѣднымъ и сиротамъ невиннымъ, захочетъ способствовать ихъ воспитанію.

Въ другихъ земляхъ не осмѣлился бы иностранецъ требовать отъ ихъ гражданъ такой помощи для своихъ братій; но я имѣю щастіе жить въ Россіи. Уменьшить въ свѣтѣ число людей неспособныхъ къ добру, число злодѣевъ, и тѣмъ оказать услугу человѣчеству; заготовить утѣшеніе для своей старости; прославить имя свое въ потомствѣ; сдѣлаться предметомъ любви и благословеній для слѣдующихъ временъ: сія великая мысль достойна Россіянина, который не знаетъ народныхъ предразсудковъ.

Гейдеке, Пасторъ Новой Лютеранской Церкви въ Москвѣ.

XII.

Знакомство Госпожи Жанлисъ съ Жан-Жакомъ Руссо.

Я была въ молодости своей очень знакома съ Руссо. Шесть мѣсяцевъ сряду онъ всякой день обѣдалъ у насъ и просиживалъ обыкновенно до десяти часовъ вечера. — Первое наше свиданіе не дѣлаетъ чести моему разуму и догадкѣ; но оно такъ забавно, что я съ великимъ удовольствіемъ воспоминаю объ немъ.

Руссо жилъ тогда въ Парижѣ. Мнѣ было осьмнадцать лѣтъ отъ роду. Я не заглядывала въ его сочиненія, но чрезмѣрно хотѣла видѣть славнаго человѣка и любезнаго Автора оперы *Деревенскаго Колдуна* (Devin du Village). Руссо бѣгалъ отъ людей; не хотѣлъ никого видѣть и ни куда не ходилъ. Я же сама, по своей природной застѣнчивости, не могла искать его знакомства; и такъ мое желаніе было только однимъ желаніемъ, безъ всякой надежды. Однажды Г. Совиньи, который иногда видался съ Руссо, сказалъ мнѣ за тайну, что мужъ мой (Г. Жанлисъ) хочетъ сыграть надо мною шутку и представить мнѣ актера Превиля подъ именемъ Жан-Жака. Эта мысль заставила меня смѣяться отъ

добраго сердца: я дала слово притвориться легковѣрною и совершенно обманутою. Превиль умѣлъ весьма искусно представлять всякое лицо; я же видѣла его на театрѣ не болѣе двухъ или трехъ разъ, и то издали. Онъ былъ такого же малаго росту, какъ Жан-Жакъ — и Господинъ Жанлисъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ обманутъ меня; но онъ и Г. Совиньи черезъ нѣсколько дней забыли эту шутку, которая осталась только въ моей памяти. Недѣли три Совиньи не показывался у насъ въ домѣ, и вдругъ вбѣжалъ ко мнѣ въ комнату съ радостнымъ объявленіемъ, что Руссо желаетъ слышать, какъ я играю на арфѣ, и на другой день будетъ къ намъ. Это было сказано при моемъ мужѣ. Думая, что увижу Превиля, я притворилась обрадованною; съ важностію отвѣчала, что постараюсь играть какъ можно лучше для Жан-Жака; на другой день съ нетерпѣніемъ ожидала Криспина въ видѣ Философа, и была весела до крайности. Г. Жанлисъ, зная мою обыкновенную застѣнчивость, удивлялся; — не понималъ, какъ свиданіе съ такимъ важнымъ человѣкомъ могло казаться мнѣ столь забавнымъ, и счелъ меня едва не сумасшедшею, когда я, услышавъ о пріѣздѣ Жан-Жака, громко засмѣялась.

Его лицо, кафтанъ, чулки каштановаго цвѣта, круглой парикъ, видъ и всѣ ухватки представляли глазамъ моимъ самую веселую, шуточную комедїю; однакожь я взяла надъ собою такую власть, что не засмѣялась — сказала нѣсколько учтивыхъ словъ и сѣла. Начали разговаривать и, къ щастїю, шутить. Я молчала, но отъ времени до времени умирала со смѣху, такъ искренно и непринужденно, что веселость моя полюбилась Жан-Жаку. Онъ съ величайшею прїятностїю замѣтилъ щастливое расположенїе сердца въ молодыхъ лѣтахъ; а я думала, что Превиль уменъ, и что Руссо на его мѣстѣ не показалъ бы такого любезнаго снисхожденїя, но безъ сомнѣнїя оскорбился бы моею неумѣренною веселостїю. Вопросы его не приводили меня ни въ малѣйшее затрудненїе, и мои отвѣты были такъ смѣлы, такъ рѣшительны, что Руссо находилъ во мнѣ рѣдкую искренность; а я находила, что онъ играетъ комедїю съ рѣдкимъ искусствомъ. Каррикатуры никогда не забавляли меня; считая Руссо актеромъ, я всего болѣе плѣнялась простотою, выразительною истиною игры его, и думала, что Превиль въ комнатѣ еще гораздо лучше, нежели на театрѣ. Однакожь

мнѣ казалось, что онъ *даетъ* Жан-Жаку излишнюю снисходительность, веселость и добросердечїе. Я играла на арфѣ, пѣла арiи изъ *Деревенскаго Колдуна* и смѣялась до слезъ отъ похвалы Жан-Жаковой и разсужденiй его о сей оперѣ. Руссо безпрестанно смотрѣлъ на меня съ улыбкою и съ тѣмъ удовольствїемъ, съ которымъ мы глядимъ на любезныхъ дѣтей; прощаясь, онъ далъ слово обѣдать у насъ на другой день. Я искренно благодарила его за обѣщанїе и проводила до самыхъ дверей, наговоривъ ему множество ласковыхъ и смѣшныхъ словъ. Когда онъ вышелъ, я громко захохошала. Г. Жанлисъ смотрѣлъ на меня съ изумленїемъ и съ неудовольствїемъ, которое умножало смѣхъ мой. „Ты сердишься (сказала я) за то, что не обманулъ меня. Какъ можно было вздумать, чтобы я Превиля сочла Жан-Жакомъ?“ — Превиля? — „Да, да, Превиля! Увѣрь меня въ самомъ дѣлѣ, что это Руссо!“ — Ты конечно помѣшалась. — „Онъ безъ сомнѣнїя хорошо игралъ свою ролю; но бьюсь объ закладъ, что Руссо не узналъ бы себя въ актерѣ; кромѣ виду и платья, онъ ничего не перенялъ у Жан-Жака, и казался излишно добрымъ, излишно снисходительнымъ. Руссо конечно осердился бы на меня за

такой пріемъ.“ Г. Жанлисъ и Совиньи захохотали въ свою очередь. Дѣло объяснилось, и я пришла въ великое замѣшательство, узнавъ, что не актеръ, а дѣйствительный Руссо былъ угощенъ мною такъ прекрасно. Мнѣ дали слово не сказывать ему о моей глупости; иначе я не хотѣла въ другой разъ показаться ему на глаза. Страннѣе всего то, что Жан-Жакъ полюбилъ меня за ту безразсудную вѣтреность, и сказалъ Господину Совиньи, что ему не случалось еще видѣть въ свѣтѣ такой искренней, простодушной и веселой молодой женщины. Безъ ошибки, которая дала мнѣ смѣлость, я показалась бы ему чрезмѣрно робкою и не имѣла бы щастія заслужить его доброе мнѣніе; но узнавъ снисходительность Жан-Жака, перестала бояться его, и всегда разговаривала съ нимъ безъ застѣнчивости. Никто изъ Авторовъ не казался мнѣ такъ обходителенъ и любезенъ, какъ Руссо. Онъ говорилъ о себѣ съ великимъ простосердечіемъ, о непріятеляхъ же своихъ безъ всякой злобы; отдавалъ полную справедливость Вольтеру, и думалъ, что Авторъ Заиры и Меропы безъ сомнѣнія родился съ чувствительною душею, но что гордость и лесть испортили нравъ его. Жан-Жакъ ска-

залъ намъ, что онъ пишетъ тайную исторію своей жизни (confessions), и читалъ ее Госпожѣ д'Егмонъ; но женщина моихъ лѣтъ казалась ему недостойною такой же великой довѣренности. Руссо спросилъ у меня однажды, читаю ли его сочиненія? Нѣтъ, сказала я съ робостію. Онъ хотѣлъ знать, для чего? Этотъ вопросъ увеличилъ мое замѣшательство. . . . . Руссо же смотрѣлъ на меня пристально. У него были маленькіе глаза, но отмѣнно проницательные; казалось, что онъ видитъ ими всю душу человѣка. Я боялась сказать ему неправду и призналась искренно, что люди, къ которымъ имѣю довѣренность, находятъ въ его сочиненіяхъ много несогласнаго съ Религіею. „Вы знаете, что я не Католикъ," отвѣчалъ Руссо: „но никто усерднѣе меня не хвалилъ Евангелія." Я думала, что наконецъ отдѣлалась уже отъ его вопросовъ; но онъ спросилъ еще съ улыбкою: „отъ чего вы, отвѣчая мнѣ, закраснѣлись?" *Боялась оскорбить васъ*, отвѣчала я. Руссо похвалилъ меня за такую искренность. Простосердечіе и добродушіе всегда отмѣнно ему нравились. Онъ сказалъ мнѣ, что сочиненія его писаны не для моихъ лѣтъ, но что я могу черезъ нѣкоторое время, съ пользою читать Эмиля.

Съ удовольствїемъ разсказывалъ Жан-Жакъ, какъ онъ сочинялъ Новую Элоизу. Всѣ Юлїины письма были имъ писаны на тонкой, разрисованной по краямъ бумагѣ: онъ складывалъ ихъ, носилъ съ собою въ прогулкахъ, и радовался ими какъ письмами обожаемой любовницы. Споя, и наизусть, Руссо читалъ намъ своего Пигмалїона съ жаромъ, выразительно и прекрасно. Улыбка его была очень прїятна, умна и любезна. Онъ всегда казался искреннимъ и веселымъ; разсуждалъ о музыкѣ основательно, справедливо, и былъ истиннымъ знатокомъ; однакожъ во множествѣ сочиненныхъ имъ голосовъ, которые онъ самъ списалъ для меня, я не нашла ни одного хорошаго, ни одного даже сноснаго въ пѣнїи. Голосъ Жан-Жаковъ на Метастазїевы стихи къ Ничѣ, имъ переведенные, такъ Дуренъ, что я просила одного изъ прїятелей своихъ (Г. Монсиньи) сочинить другой: онъ исполнилъ мою прозьбу, и теперь музыка достойна прекрасныхъ словъ.

Руссо почти всякой день обѣдалъ съ нами, и въ теченїи пяти мѣсяцевъ я не замѣчала въ немъ ни своенравїя, ни вспыльчивости; но странный случай едва-было не поссорилъ насъ. Онъ любилъ Силлерїйское вино: Г. Жанлисъ

вызвался подарить ему нѣсколько бутылокъ сего вина, сказавъ, что онъ самъ получилъ его въ подарокъ отъ дяди. Руссо отвѣчалъ, что возьметъ съ удовольствїемъ *двѣ бутылки*. На другой день мужъ мой отослалъ къ нему корзину съ двумя дюжинами бутылокъ: Жан-Жакъ такъ разсердился, что въ ту же минуту возвратилъ корзину и написалъ къ Господину Жанлису грубое письмо, наполненное жестокими укоризнами. Г. Совиньи довершилъ наше изумленїе, объявивъ, что Руссо не хочетъ уже никогда видѣться съ нами. Мужъ мой думалъ, что я, не имѣвъ участїя въ его *преступленїи*, могу скорѣе умилостивить Философа. Мы любили его искренно и сердечно жалѣли объ немъ. И такъ я написала длинное письмо и послала ему отъ себя *двѣ бутылки*. Руссо смягчился, пришелъ къ намъ и былъ очень ласковъ со мною, но съ мужемъ моимъ холоденъ до крайности, и находивъ прежде великое удовольствїе въ разговорахъ съ нимъ, не могъ уже никогда искренно простить его.

Черезъ два мѣсяца послѣ того на Французскомъ театрѣ играли новую комедїю Господина Совиньи. Руссо говорилъ, что онъ не бываетъ въ спектакляхъ, избѣгая случаевъ показываться публикѣ;

но какъ онъ любилъ Господина Совиньи, то я уговаривала его ѣхать со мною, чтобы видѣть представленіе сей комедіи. Жан-Жакъ согласился, потому что я выпросила для себя ложу съ решеткою, и намъ можно было пройти въ нее особливымъ коридоромъ. Мы уговорились возвратиться изъ театра ко мнѣ и вмѣстѣ ужинать. Сей уговоръ разстроивалъ обыкновенный образъ Руссовой жизни; но онъ съ величайшею любезностію на все согласился.

Въ день представленія Жан-Жакъ явился у насъ въ пятомъ часу, и мы поѣхали. Въ каретѣ онъ замѣтилъ съ улыбкою, что я очень нарядна, и что мнѣ жаль будетъ не показаться публикѣ. Я отвѣчала, что нарядомъ своимъ желаю только ему нравиться. Впрочемъ на мнѣ было самое простое платье, а на головѣ одни цвѣты. Вхожу въ сіи подробности для того, что слѣдствія ихъ оказались важными. Мы пріѣхали въ театръ за нѣсколько минутъ до начала комедіи. Я тотчасъ хотѣла опустить решетку; но Руссо схватилъ меня за руку, говоря, что мнѣ безъ сомнѣнія непріятно будетъ сидѣть въ закрытой ложѣ. Напрасно я увѣряла его въ противномъ и напоминала ему уговоръ: онъ отвѣчалъ, что сядетъ позади

меня, и что его никто не увидитъ. Мнѣ очень хотѣлось исполнить наше условіе; но Руссо крѣпко держалъ решетку и не позволялъ опустить ее. Между тѣмъ мы стояли. Ложа наша была въ первомъ ряду, близь оркестра. Я боялась обратить на себя глаза зрителей, перестала спорить и сѣла. Руссо сѣлъ за мною; но черезъ минуту выставилъ голову, такъ что его могли видѣть изъ партера. Я совѣтовала ему остеречься; но онъ еще раза два сдѣлалъ то же, и скоро многіе люди, смотря къ намъ въ ложу, начали говорить: *это Руссо*! . . Боже мой! сказала я: васъ узнали! Онъ отвѣчалъ мнѣ сухо: *не льзя статься*. Но въ партерѣ начался шопотъ; безпрестанно твердили: *это Руссо*! *это Руссо*! и зрители не спускали глазъ съ нашей ложи. Музыка заиграла; вниманіе публики обратилось на спектакль, и Жан-Жака забыли. Я снова напомнила ему о решеткѣ; онъ съ досадою отвѣчалъ мнѣ: *это уже поздно*! Не моя вина, сказала я. *Конечно*! отвѣчалъ Руссо съ насмѣшкою. Несправедливость его оскорбила меня, тѣмъ болѣе, что я, не смотря на свою неопытность, угадывала истину; однакожь надѣялась, что эта минутная досада пройдетъ, и не хотѣла замѣчать

ее. Подняли занавѣсъ. Я слушала комедїю съ великимъ вниманїемъ. Она заслужила общее рукоплесканїе, и публика нѣсколько разъ требовала Автора. Мы вышли изъ ложи. Руссо подалъ мнѣ руку съ угрюмымъ и сердитымъ видомъ. Я сказала ему, что сочинитель долженъ быть доволенъ; и что мы весело проведемъ вечеръ. Онъ не отвѣчалъ ни слова. Я сѣла въ карету. Господинъ Жанлисъ стоялъ позади Руссо, ожидая, чтобы онъ сѣлъ за мною; но Руссо оборотился къ нему и сказалъ, что не хочетъ ѣхать съ нами. Мы оба изъявили свое удивленїе... Жан-Жакъ, вмѣсто отвѣта, поклонился и вдругъ исчезъ.

На другой день мы отправили къ нему Г. Совиньи, узнать причину сей странности. Руссо, пылая гнѣвомъ, объявилъ ему, что нога его не будетъ у меня въ домѣ; что я возила его въ театръ *на показъ*, какъ дикаго Африканскаго звѣря. Г. Совиньи напомнилъ ему, что я хотѣла опустить решетку. Жан-Жакъ утверждалъ, что *блестящїй мой нарядъ* и выборъ ложи доказывалъ мое желанїе быть на глазахъ у публики. Напрасно доказывали ему, что на мнѣ было самое простое платье, и что мы *выпросили*, а не *выбрали* ложу: онъ не перемѣнилъ своихъ

мыслей. Это вывело меня изъ терпѣнія, и я рѣшилась оставить человѣка столь несправедливаго, который притворно винилъ друзей своихъ, а внутренно досадовалъ на публику за то, что она не встрѣтила его съ рукоплесканіемъ. Съ того времени мы уже не видались. Узнавъ года черезъ три, что Руссо любитъ гулять въ Мусо и не имѣетъ билета для всегдашняго входа въ тамошній садъ, я послала ему ключь отъ саду и выпросила для него позволеніе гулять тамъ во всякое время: онъ велѣлъ благодарить меня. Я рада была случаю услужить Жан-Жаку, но не хотѣла уже возобновить съ нимъ знакомства.

Жанлисъ.

XIII.

Любезный Король.

(Сія новая историческая повѣсть Госпожи Жанлисъ лучше многихъ романическихъ сказокъ ея.)

Щастливъ Монархъ, умѣющій заслуживать краснорѣчивую хвалу великихъ Писателей! Еще блаженнѣе тотъ Государь,

котораго славятъ языкомъ простымъ и неискуснымъ! Похвалы, гремящія въ Академіяхъ и Лицеяхъ, не слышны внѣ городовъ. Остроумныя рѣчи и прекрасные стихи не удивятъ никогда многочисленныхъ жителей сельскихъ, и не могутъ имъ быть даже располкованы; земледѣльцы не умѣютъ цѣнить твореній Генія: они умѣютъ только чувствовать благодѣяніе. Блескъ героейства не ослѣпляетъ ихъ: они его не видятъ. Не земледѣльцы, не пастыри даютъ Царямъ имя *Великихъ*; но только они могутъ называть ихъ *Добрыми* или *Отцами народа*. Сіи люди простодушные судятъ о Государѣ по ихъ состоянію, и дѣлаютъ его безсмертнымъ своею благодарностію. Они не сочиняютъ похвальныхъ словъ; не вырѣзываютъ на мѣди и на золотѣ; не умѣютъ даже и писать — но ихъ стонъ или благословеніе доходитъ до потомства вѣрнѣе книгъ и монументовъ, разрушаемыхъ временемъ, истребляемыхъ войною. Статуя Генриха IV разсыпалась подъ ударами варваровъ; но еще слышенъ гласъ народный, благословляющій память его. Ничто не можетъ заглушить сего священнаго гласа, умилительнаго или страшнаго. Онъ есть вѣчный органъ истины; его слушаетъ Историкъ, и въ немъ за-

ключается особенная исторія Царей добрыхъ, которая лучше всего изображаетъ ихъ. Въ сихъ народныхъ преданіяхъ забыты подвиги великіе и славные, но въ цѣлости сохранены дѣла человѣколюбія и добродушія. Довольно для нашей любви сердечной; а что безъ любви удивленіе? Чувство безплодное и не рѣдко бѣдственное, ибо оно почти всегда раждаетъ зависть и злобу. Великимъ людямъ всего нужнѣе добродушіе: естьли они не плѣняютъ сердецъ, то бываютъ предметомъ несправедливости и злословія.

Генрихъ IV былъ великъ и любимъ. Онъ насладился рѣдкимъ щастіемъ въ свѣтѣ: *полною* славою (ибо любовь не имѣетъ зависти и не оспориваетъ достоинствъ); заслужилъ имя *Великаго*, и народъ именовалъ его *добрымъ своимъ Генрикомъ*. Малербъ и Вольтеръ славили Героя, а сельскіе жители еще и нынѣ, въ праздничные дни, поютъ веселую пѣсню, сочиненную для него ихъ предками. . . Не могу ли и я присоединить слабаго голоса моего къ голосамъ сельскимъ? Для изъясненія любви и благодарности талантъ не нуженъ: надобно только чувствовать и любить.

Генрикъ IV, будучи Королемъ Наварскимъ, видѣлся въ Сен-Мексанъ съ

тещею своею, Екатериною Медицисъ, которая вмѣстѣ съ его супругою, Маргаритою Валуа, требовала, чтобы онъ удалилъ отъ Двора д' Обинье, насмѣшливаго, злословнаго и не рѣдко тщеславнаго, но умнаго, храбраго, чувствительнаго, душевно привязаннаго къ Королю и всегда имъ недовольнаго. Политика заставляла тогда Генрика уважать Екатерину; однакожь ему не хотѣлось согласиться на ея требованіе. Что сдѣлалъ вамъ бѣдный д'Обинье? говорилъ онъ. — „Что сдѣлалъ? написалъ ѣдкую сатиру на меня и дочь мою." — Не удивляюсь. — „По чему же?" — Потому что онъ на всѣхъ пишетъ сатиры: у него такой вкусъ. — „Прекрасное извиненіе!" — Развѣ д' Обинье не бранилъ меня за то, что я въ знакъ дружбы подарилъ его своимъ портретомъ? Другой не зналъ бы, какъ благодарить Короля за такую милость; а стихотворецъ нашъ отплатилъ мнѣ эпиграммою. Въ другой разъ, будучи въ моей спальнѣ вмѣстѣ съ Лафорсомъ, и думая, что я сплю, онъ сказалъ въ полголоса: *Генрикъ есть самой неблагодарной человѣкъ въ свѣтѣ.* Лафорсъ не вслушался, и спросилъ, что онъ говоритъ? Я приподнялъ голову и повторилъ слова его. Д' Обинье испугался; но мы остались друзьями. — „Какъ можете

терпѣть такую наглую дерзость?“ — Онъ нѣсколько разъ хотѣлъ умереть за меня. Любовь и почтенїе не перемѣняютъ характера: онъ ядовитъ на словахъ, но любитъ меня сердечно. — „А насъ ненавидитъ. Дозволите ли подданному явно смѣяться надъ вашею супругою и тещею? Однимъ словомъ, я требую, чтобы вы сослали его.“ — Не могу отказать Вашему Величеству; но... „Требую непремѣнно.“ — Признаюсь, что я не люблю ссылки. Не лучше ли хорошенько побранить его, а тамъ — простить? — „Простить? какая слабость!“ — Что дѣлать? сердце мое любитъ прощать. — „Надобно обуздывать сердце.“ — Для чего же не наслаждаться такимъ истинно *царскимъ удовольствїемъ*? — „Не льзя царствовать тому, кого не боятся.“ — Не должно царствовать тому, кого не любятъ. — „Однимъ словомъ, хотите ли исполнить волю мою? сказала Екатерина съ великою досадою и съ повелительнымъ видомъ.... Генрикъ задумался, и черезъ минуту отвѣчалъ: „Ваше желанїе исполнится. Завтра объявлю торжественно, что д'Обинье удаленъ отъ Двора.... Королевы обрадовались; изъявили Генрику живѣйшую благодарность, соразмѣрную ихъ ненависти къ д'Обинье,

и въ тотъ же день уѣхали изъ Сен-Мексана.

На другой день, послѣ обѣда, Король въ присутствіи всѣхъ знатныхъ сказалъ бѣдному д' Обинье, что Королевы на него жалуются, и что онъ приказываетъ ему немедленно оставить Дворъ. Д' Обинье изумился — минуты черезъ двѣ вышелъ изъ залы, будучи внѣ себя отъ досады — возвратился домой, велѣлъ людямъ своимъ готовиться къ отъѣзду и бросился на кресла. . . „Таковы Государи!" думалъ онъ въ своемъ огорченіи: „можно ли вѣрить любви ихъ? А Генрика еще хвалятъ; называютъ добродушнымъ, твердымъ! . . Онъ таковъ же, какъ и другіе! . . А я любилъ его! . . . Вчера онъ ласкалъ меня, а нынѣ выгналъ, и еще въ присутствіи всего Двора! . . И единственно для того, что двѣ женщины, которыхъ онъ не любитъ и презираетъ, хотятъ моей ссылки! . . Развѣ надобно, для сохраненія его милости, хвалить Варѳоломеевское кровопролитіе и поведеніе недостойной Маргариты, которая дѣлаетъ стыдъ и безчестіе супругу? . . . Не самъ ли Генрикъ изъявлялъ мнѣ свое омерзѣніе къ жестокосердію злобной и властолюбивой тещи своей? не открывалъ ли мнѣ за тайну, что хочетъ развестись

съ Маргаритою? . . . А теперь вѣрнѣйшимъ подданнымъ и другомъ своимъ жертвуетъ ненависти сихъ Королевъ, его извѣстныхъ непріятельницъ?.. Нѣтъ, онъ никогда не любилъ меня!.. А кто могъ бы вообразить, что подъ видомъ такого любезнаго добросердечія, такой благородной откровенности, гнѣздится лукавство и притворство?"

Въ сію минуту явился посланный отъ Короля, сказать удивленному д' Обинье, что Генрикъ желаетъ ночью съ нимъ видѣться. Онъ былъ въ душѣ своей такъ озлобленъ, что сіе странное повелѣніе казалось ему знакомъ новаго нещастія. Гордый д' Обинье вообразилъ, что Король хочетъ лишить его свободы, но не смѣетъ на то отважиться днемъ. Ему пришло на мысль спастись бѣгствомъ; однакожъ, подумавъ, д' Обинье рѣшился исполнить Королевскую волю и внутренно хвалился такою смѣлостію. Въ восемь часовъ вооружился съ головы до ногъ; взялъ шпагу, кинжалъ и два пистолета; завернулся въ плащь, вручилъ Небу судьбу свою и пошелъ. У Дворца ожидалъ его человѣкъ, который велѣлъ ему итти за собою, не говорилъ болѣе ни слова, и велъ д'Обинье по темнымъ, узкимъ коридорамъ. Сія таинственность увеличила его без-

покойство; ужасныя мысли, пугая воображенїе, казались ему бѣдственнымъ предчувствїемъ. Скоро жалкому д' Обинье послышалось, что вооруженные люди идутъ къ нимъ на встрѣчу: онъ невольно затрепеталъ, остановился и выхватилъ пистолетъ... Вожатой, не примѣтивъ того, шелъ впередъ, и Герой нашъ остался одинъ въ коридорѣ; минуты черезъ двѣ, не видя никого, съ нѣкоторымъ стыдомъ спряталъ пистолетъ, и долженъ былъ итти ощупью. Проводникъ возвратился къ нему съ факеломъ, и ввелъ его наконецъ въ комнаты. Генрикъ встрѣтилъ его съ распростертыми объятїями и засмѣялся. Д' Обинье долженъ былъ стыдиться своихъ подозрѣнїй, взглянувъ на веселое лицо Короля. „Не правда ли, другъ мой," — сказалъ ему Генрикъ — „что тебя вели сюда какъ щастливаго любовника?"... Ваше Величество! отвѣчалъ д'Обинье: я щастливѣе всѣхъ любовниковъ на свѣтѣ, видя, что Государь не лишилъ меня своей милости. — „Ты конечно угадалъ истину, сказалъ добродушный Монархъ: вдовствующая Королева ненавидитъ тебя; надлежало исполнить ея требованїе или поссориться съ нею: чего не льзя мнѣ теперь сдѣлать безъ великой опасности

для всѣхъ друзей нашихъ. И такъ я далъ слово удалить тебя; она повѣрила, что могу жертвовать ей другомъ: не мудрено — Екатерина не знаетъ меня." — Ваше Величество! весь Дворъ считаетъ меня въ немилости. — „Нѣтъ, Морней, Биронъ, Лафорсъ и Крильйонъ не повѣрили тому: за что я искренно благодаренъ имъ; они отдали справедливость и мнѣ и тебѣ. Заслуги твои начертаны въ моемъ сердцѣ: я знаю цѣну вѣрности. Любезной другъ! мы всякой вечеръ будемъ видѣться; ты долженъ ночевать у меня, а днемъ скрываться. Это продолжится мѣсяцевъ шесть; послѣ чего снова явишься при Дворѣ." — И такъ Ваше Величество увѣрены, что не начнете войны прежде шести мѣсяцевъ? Въ противномъ случаѣ никакая ссылка не помѣшаетъ мнѣ и въ день быть съ вами. Но чѣмъ же укоряетъ меня Королева? — „Великою нескромностію: ты искренно говорилъ объ ней." — Ей надлежало бы извинить меня. Люди, которые служатъ Вашему Величеству, привыкли говорить истину. — „Мнѣ можно безъ досады слушать ее; но она весьма оскорбительна для Государей малодушныхъ. Д' Обинье! будь осторожнѣе; оставь въ покоѣ Королеву. Эпиграммы ничего не доказываютъ. Одна страница

Исторіи, хладнокровно написанная, изобразитъ Екатерину лучше всѣхъ ѣдкихъ сатиръ твоихъ."

Д' Обинье, тронутый милостію Короля своего, могъ воспользоваться его мудрымъ наставленіемъ и далъ слово отказаться отъ стиховъ — то есть, отъ сатиръ всегда колкихъ, но часто неосновательныхъ.

Д' Обинье ночевалъ во Дворцѣ. Генрикъ привелъ его въ замѣшательство, спросивъ, для чего онъ такъ страшно вооружился? Ему оставалось выдумать басню, которой Генрикъ повѣрилъ. Сія тайность забавляла ихъ обоихъ, украшая дружбу главною прелестію любви. Но дни были не очень веселы для бѣднаго д' Обинье: ему надлежало проводить ихъ въ уединеніи. Король писалъ къ нему записки и присылалъ куропатокъ, имъ застрѣленныхъ; но такая милость не разгоняла его скуки. Мѣсяца черезъ два узнавъ, что прекрасная дѣвица Лезе пріѣхала въ окрестности Мексана, онъ выпросилъ у Генрика дозволеніе ѣхать къ ней, и явился въ домѣ ея въ видѣ изгнанника, давъ Королю обѣщаніе никому не открывать ихъ тайны. Дѣвица Лезе была сирота, богата, молода и зависѣла отъ Г. Рошфуко, своего опекуна и родственника.

Д'Обинье любилъ ее страстно; не зналъ, какъ она расположена къ нему, и съ горестїю увидѣлъ совмѣстника, опаснаго своею молодостїю, красотою, знатностїю и богатствомъ. Дампьеръ (такъ назывался сей любовникъ) веселилъ дѣвицу Лезе блестящими праздниками. У д'Обинье не было денегъ; никто не хотѣлъ дать ихъ въ займы бѣдному изгнаннику. Въ сей крайности онъ написалъ къ Генрику, который немедленно прислалъ ему большую сумму, и сказалъ въ отвѣтѣ, что другъ его не долженъ уступать въ пышности Дампьеру. Д'Обинье далъ великолѣпный балъ, на которомъ дѣвица Лезе казалась отмѣнно веселою. Ободренный любовникъ торжественно потребовалъ руки ея; но Г. Рошфуко отказалъ ему, говоря, что онъ никогда не выдастъ племянницы за изгнанника. Сверхъ того опекунъ считалъ великїя его издержки мотовствомъ, смѣшнымъ и неизвинительнымъ для человѣка, которому уже не льзя надѣяться на милость Двора. Пылкой д'Обинье въ досадѣ и ревности хотѣлъ драться съ опекуномъ и совмѣстникомъ; но между тѣмъ вздумалъ изъясниться съ дѣвицею Лезе. Не имѣя надежды, и воображая, что Дампьеръ ей нравится, онъ рѣшился быть смѣлымъ.

Дѣвица Лезе, удивленная его тономъ, посмотрѣла на него и молчала. „Разумѣю это безмолвіе, говорилъ д'Обинье: я не имѣю щастія вамъ нравиться. Женщины любятъ красавцевъ, нѣжность, ловкость, способность къ музыкѣ, искусство танцовать“..... Вы описываете Дампьера? спросила съ улыбкою дѣвица Лезе... „Догадка ваша не удивляетъ меня, отвѣчалъ д'Обинье съ сердцемъ: легко узнать портретъ любовника.“ — Правда, что Дампьеръ гораздо лучше васъ лицомъ. — „Боже мой! кто съ вами не согласится? Знаю, что его красота едва ли уступаетъ и вашей собственной; по крайней мѣрѣ онъ самъ вѣрно такъ думаетъ.“ — Естьли я люблю Дампьера, то безъ сомнѣнія никто не осудитъ меня: онъ хорошъ и добронравенъ. — „Но я не похвалю умной женщины, которая выберетъ глупца.“ — Дампьеръ конечно не пишетъ сатиръ; за то онъ не въ ссылкѣ и не имѣетъ враговъ. — „Это слово гораздо ядовитѣе всѣхъ бранныхъ стиховъ моихъ. Какъ! вы можете укорять меня нещастіемъ? — Имѣю на то основательныя причины. Такъ, государь мой, ссылка ваша кажется мнѣ виною. — „Какое великодушіе!“ — Всего же непростительнѣе быть насмѣшливымъ, злоязычнымъ. —

„Еще лучше!“ — Выслушайте меня до конца. Скажу еще, что одна безразсудная можетъ любить такого страннаго, надменнаго, грубаго человѣка, какъ вы. — „Мнѣ кажется, что вы могли бы избавиться отъ меня и безъ этой ужасной брани.“ — Къ нещастью, я не хочу отъ васъ избавиться! — „Какъ?“ — У меня дурной вкусъ: я безразсудна, и предпочитаю васъ доброму, прекрасному, любезному Дампьеру. — „Вы шутите надо мною!“ — Какъ бы хотѣла шутить!. . . Д' Обинье бросился на колѣни передъ нею . . . Я увѣрена, сказала она, что признанїе мое не удивляетъ васъ. Вы безъ сомнѣнїя думаете, что сердце мое отдаетъ вамъ, одну справедливость. — Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ съ жаромъ д' Обинье: даръ любви есть всегда безцѣнное благодѣянїе! . . .

Д' Обинье, увѣренный въ склонности взаимной, еще болѣе влюбился въ дѣвицу Лезе; но Г. Рошфуко былъ непреклоненъ, а бракъ не могъ совершиться безъ согласїя опекуна. Д' Обинье снова обратился къ Генрику, который, вмѣсто отвѣта, написалъ прекрасное, ласковое письмо къ дѣвицѣ Лезе, увѣряя, что ея любовникъ есть одинъ изъ первыхъ друзей его. Она обрадовалась не менѣе д' Обинье, который

до глубины сердца былъ тронутъ милостїю Государя: ибо Генрикъ дозволялъ показать сїе письмо опекуну. Въ воспоргѣ своемъ д'Обинье разсказывалъ многїе случаи въ доказательство Генрикова добродушїя. „Однажды (говорилъ онъ) будучи безъ всякой основательной причины недоволенъ Королемъ, я написалъ къ нему грубое письмо, въ тотъ же день удалился отъ Двора, и шесть мѣсяцевъ сердился на моего благодѣтеля. Но мнѣ грустно было жить безъ него. Отъ скуки я игралъ, вошелъ въ долги, не могъ заплатить ихъ и попался въ темницу. Король узналъ о томъ, и не имѣя денегъ, заложилъ бриллїянты супруги своей, чтобы какъ можно скорѣе меня выкупить."

Дѣвица Лезе съ торжествомъ вручила опекуну письмо Королевское; но, къ чрезмѣрному ея изумленїю, Г. Рошфуко не хотѣлъ вѣрить, чтобы Король могъ съ такимъ жаромъ говорить о любви своей къ человѣку, имъ отъ себя удаленному. Д'Обинье вспыхнулъ отъ гнѣва, узнавъ, что его называютъ сочинителемъ подложныхъ писемъ, и слѣдуя своему нраву, клялся застрѣлить Г. Рошфуко; но дѣвица Лезе уговорила его взять терпѣнїе на два дни, и немедлённо отправила курьера къ Генрику. Сен-Мексанъ

былъ только въ шести миляхъ отъ города, въ которомъ она жила.

На другой день Г. Рошфуко, желая разлучить свою воспитанницу съ д'Обинье, повезъ ее за городъ къ одному родственнику. Дампьеръ вызвался ѣхать съ ними. Зная склонность дѣвицы Лезе, онъ не думалъ уже ей нравиться, но не хотѣлъ показывать, будто страшится злобы совмѣстника, и для того все еще игралъ ролю влюбленнаго. Ввечеру они возвращались домой. Дѣвица Лезе была въ горестной задумчивости. Она не имѣла отвѣта отъ Генрика, и боялась, чтобы д'Обинье, лишась надежды, не вызвалъ на поединокъ Г. Рошфуко; терзалась раскаяніемъ, что вошла въ такое обязательство безъ согласія родственниковъ, и чувствовала всю безразсудность молодыхъ людей, которые не умѣютъ предвидѣть гибельныхъ слѣдствій неосторожности.

Подъѣхавъ къ дому, дѣвица Лезе съ изумленіемъ увидѣла, что онъ великолѣпно освѣщенъ, и вздумала, что Г. Рошфуко или Дампьеръ приготовилъ для нее праздникъ; но опекунъ съ искреннею досадою увѣрялъ, что такая глупость не свойственна лѣтамъ его; а Дампьеръ говорилъ, что онъ могъ бы сдѣлать ее

только для женщины, расположенной платить ему за любовь любовью. Вошедши въ домъ, еще болѣе удивились: онъ былъ прекрасно убранъ и наполненъ знаменитыми гостями, которые сказали, что ихъ пригласили на балъ именемъ дѣвицы Лезе. Въ отсутствіе Г. Рошфуко явилось съ разныхъ сторонъ множество художниковъ и работниковъ для украшенія комнатъ, вмѣстѣ съ великимъ числомъ музыкантовъ. Опекунъ думалъ, что сія забава вымышлена расточительнымъ д'Обинье, тихонько бранилъ свою воспитанницу, принималъ гостей весьма неохотно и не могъ скрыть внутренней досады. Дѣвица Лезе безпокоилась и не знала, что думать; но была уже грустна менѣе прежняго, ибо концертъ и балъ не могли казаться ей дурнымъ предзнаменованіемъ. Дампьеръ смѣялся, шутилъ и готовился танцовать во всю ночь; онъ просилъ гостей въ залу, усадилъ всѣхъ дамъ и велѣлъ играть оркестру. Въ сію минуту съ великимъ стукомъ растворились двери: вошелъ человѣкъ въ сапогахъ и съ хлыстомъ въ рукѣ — онъ верхомъ проскакалъ шесть миль, одинъ, безъ отдыху — это былъ Генрикъ IV! . . .

Явленіе Государя любимаго и славнаго произвело волненіе въ залѣ: всѣ встали

изъ почтенія, и для того, чтобы смотрѣть на Генрика. Дѣвица Лезе закраснѣлась, невольно воскликнула отъ радости и заплакала. Хозяинъ съ робостію приближился къ Королю. Генрикъ остановился и громко сказалъ ему: „Господинъ Рошфуко! до меня дошли слухи, оскорбительные для д'Обинье. Я спѣшилъ уничтожить ихъ и спасти честь моего друга.“ Общія рукоплесканія загремѣли въ залѣ, и дѣвица Лезе готова была упасть къ ногамъ сего несравненнаго Короля; но онъ взялъ за руку хозяина и вывелъ его въ другую горницу. Тамъ Г. Рошфуко, предупреждая волю Государя, сказалъ, что онъ готовъ выдать племянницу за д'Обинье. Генрикъ добродушнымъ и милостивымъ отвѣтомъ своимъ успокоилъ его совершенно. Призвали дѣвицу Лезе, которая съ чувствительностію изъявила Королю благодарность. Генрикъ свѣдалъ отъ ея посланнаго, что Г. Рошфуко вмѣстѣ съ нею хотѣлъ на другой день ѣхать за городъ: онъ воспользовался симъ случаемъ, велѣлъ сдѣлать въ ихъ домѣ всѣ нужныя приготовленія къ балу, и звать гостей именемъ дѣвицы Лезе; а курьера остановилъ въ Сен-Мексанѣ, чтобы онъ не открылъ его тайны.

Послали за д'Обинье, но не велѣли сказывать ему о пріѣздѣ Короля. Между тѣмъ возвратились въ залу. Генрикъ былъ для всѣхъ любезенъ: плѣнялъ женщинъ своею веселостію, а мужчинъ ласкою. Дампьеръ, уже не печальный и даже влюбленный въ другую, бралъ искреннее участіе въ общей радости и безъ всякаго принужденія казался великодушнымъ. Д'Обинье явился, обратилъ на себя глаза всего собранія и съ радостнымъ изумленіемъ увидѣлъ Генрика, который, не смотря на тяжелыя шпоры свои, легко и пріятно танцовалъ съ дѣвицею Лезе. Страстный любовникъ, вѣрный другъ и подданный бросился къ ногамъ Государя. Король поднялъ его, обнялъ съ нѣжностію, и съ дозволенія опекуна сложилъ руки любовниковъ, въ знакъ вѣчнаго ихъ союза. Никто не могъ быть равнодушнымъ зрителемъ сего трогательнаго явленія, которое заставило всѣхъ еще живѣе чувствовать добродушіе Короля. Генрикъ пригласилъ гостей на свадьбу щастливаго д'Обинье; былъ на ней хозяиномъ, любезнымъ, привѣтливымъ и роскошнымъ. Всѣ ходили за нимъ; всѣ тѣснились вокругъ его, желая не себя показывать, но единственно видѣть и слушать Государя. Любовь принудила забыть обряды и чины;

удивлялись только его особѣ и характеру, которые затмѣвали самый блескъ Царскаго сана. Въ присутствіи Короля говорили объ немъ съ восторгомъ, не думая хвалить его....

Двѣсти лѣтъ не прохладили сей любви пламенной, и внуки наши, подобно намъ, скажутъ, что такой Государь достоинъ былъ имѣть друзей и властвовать надъ Французами.

Жанлисъ.

XIV.

Благодѣтельный врачь въ Малороссіи.

(Письмо къ Издателю.)

Вы доказываете любовь свою къ отечеству, извѣщая публику о дѣйствіяхъ, нравахъ и жизни людей, ему принадлежащихъ, и по истинѣ заслуживающихъ вниманіе друзей человѣчества. Добродѣтель любитъ скрываться; но справедливое народное славолюбіе требуетъ, чтобы мы, оскорбляя даже скромность ея, иногда выводили ее на сцену. Для того имѣю удовольствіе сообщить вамъ извѣстія о почтенномъ человѣкѣ, который по жизни

и дѣламъ своимъ имѣетъ неоспоримое право на всеобщую благодарность.

Сей человѣкъ, достойный послѣдователь Иппократа, есть Михайло Яковлевичь Трофимовскій. Онъ служилъ нѣкогда въ Медицинскомъ Штатѣ и всегда отличался особенными достоинствами въ своемъ званіи; когда же вышелъ въ отставку, то поселился въ Екатеринославской Губерніи (*) близь рѣки Псла, въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ, гдѣ живучи и понынѣ, доказываетъ, что онъ есть Медикъ необыкновенный.

Ежегодно въ Маѣ и Августѣ мѣсяцахъ пріѣзжаютъ въ сіе селеніе иногда до ста разныхъ фамилій: нѣкоторыя для пользованія себя въ болѣзняхъ, другія единственно для совѣтовъ, такъ, что рѣка Пселъ равняется тогда съ цѣлительными источниками, славнѣйшими въ свѣтѣ; но не свойство ея воды привлекаетъ туда людей, а Господинъ Трофимовскій.

Ласковой пріемъ, всегдашняя готовность къ помощи и долговременная опытность такъ прославили сего врача, что въ крайности, когда уже всѣ способы дѣлаются безполезными, недужные прибѣ-

(*) Теперь Полтавской.

гаютъ къ нему, какъ къ Оракулу, ожидая рѣшительнаго приговора. Весьма часто отъ дверей гроба возвращаются они въ домы съ совершеннымъ здоровьемъ; но и тѣ, коимъ Натура уже отказала въ своемъ пособіи, и тѣ до послѣдней минуты находятъ въ немъ Ангела-утѣшителя.

У него нѣтъ различія въ состояніяхъ: богатой и убогой — всѣ равномѣрно занимаютъ его, съ тѣмъ различіемъ, что послѣднимъ онъ даетъ лекарства безденежно.

Образъ жизни его есть слѣдующій: встаетъ очень рано; не пьетъ ни чаю, ни кофе; одѣвшись какъ можно скорѣе, посѣщаетъ больныхъ, — не по чинамъ, а слѣдуя порядку; возвращается домой къ обѣду; потомъ, отдохнувъ съ часъ, снова идетъ къ больнымъ, и занимается ими до вечера. Слѣдственно вся жизнь его посвящена трудамъ и благотворенію! — Онъ весьма многимъ больнымъ предписываетъ купаться въ чистой, текучей водѣ, и считаетъ движеніе необходимымъ для сохраненія здоровья.

Сей человѣкъ, помогая страждущимъ, займами домовъ и продажею деревенскихъ произведеній обогатилъ всѣхъ жителей селенія; но за то уже пріобрѣлъ такое уваженіе, которымъ не всякой вельможа

можетъ похвалиться. Пріятно видѣть, когда онъ въ праздничные дни входитъ въ церковь: народъ, веселымъ лицемъ встрѣчая своего благодѣтеля, даетъ ему дорогу, и старается всячески изъявить ему трогательную любовь свою.

Въ Сорочинцахъ недавно былъ пожаръ, отъ котораго нѣкоторые жители совершенно разорились. Господинъ Трофимовскій доказалъ, что онъ есть не только тѣлесный, но и душевный врачь: утѣшалъ нещастныхъ, скромнымъ образомъ помогалъ имъ, и новые домы уже выстроены. Подъ руководствомъ такого добродѣтельнаго человѣка жители не перестанутъ чувствовать благоденствія, къ которому они издавна привыкли, и которое сдѣлалось, такъ сказать, ихъ стихіею.

Сей почтенный мужъ, не взирая на то, что имѣетъ уже отъ роду около семидесяти лѣтъ, еще бодръ и веселъ. Онъ примѣромъ своимъ доказываетъ, что полезная дѣятельность есть самый лучшій талисманъ для сохраненія здоровья.

И. Б.

XV.

О добродѣтельной Княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ Долгорукой.

(Письмо къ Издателю.)

Съ неизъяснимымъ удовольствіемъ прочиталъ я въ *Вѣстникѣ* изъявленіе желанія вашего, видѣть *Галлерею великихъ Россіянокъ.* Но мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы упомянули о Княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ Долгорукой. Она была дочь Графа Бориса Петровича Шереметева. Молодость, красота и богатство, составляли ея малѣйшее достоинство. Князь Иванъ Алексѣевичь Долгорукой увидѣлъ ее — и предложилъ ей свою руку. Въ самое то время сестра его была невѣстою Петра Втораго. Его знатность и связь съ Императоромъ Россійскимъ не были причиною ея согласія: она полюбила въ немъ умнаго и достойнаго человѣка. Свадьбѣ ихъ надлежало совершиться черезъ недѣлю послѣ свадьбы Государевой. Петръ скончался. Вамъ извѣстна перемѣна въ щастіи Долгорукихъ. Женихъ Натальи Борисовны вмѣстѣ съ другими былъ жертвою своего честолюбія: его сослали въ отдаленной край Сибири. Шестнадцатилѣтняя невѣста

бросилась къ ногамъ Императрицы. . . она не требовала его помилованія; не просила, чтобы его возвратили: это было невозможно. — но только умоляла Ее, чтобъ ей позволено было ѣхать съ нимъ. *Я любила его въ щастіи*, говорила она: *люблю его, и хочу остаться вѣрною ему и въ нещастіи.* Она просила, чтобъ ихъ обвѣнчали на дорогѣ. Императрица уговаривала ее, ласкала, предлагала ей выгодное замужство, Свои милости — Наталья ничему не внимала, и въ *Горенкахъ* (деревнѣ, принадлежащей нынѣ Графу Разумовскому) любовники соединили навѣкъ нещастную свою долю.

На Березовыхъ Островахъ, въ тѣсной хижинѣ, она родила двухъ сыновей. . . . Но въ здѣшнемъ мірѣ добродѣтель ея не имѣла воздаянія. Скоро злополучная жена сдѣлалась злополучною вдовою. . . Мужъ ея кончилъ жизнь на эшафотѣ. . . .

На томъ мѣстѣ, гдѣ опустили въ землю трупъ его, Княгиня построила храмъ Богу *неисповѣдимому*, и выпросивъ наконецъ, чтобы милость Царская возвратила покойному имя его, чины, и чтобъ всѣ родные, пострадавшіе съ нимъ,

были прощены, она въ уединеніи монастырской жизни (въ Кіевѣ) посвятила остатокъ дней своихъ горести и молитвѣ.

Честь имѣю быть, и проч.

* * *

XVI.

Руская старина.

(Продолженіе.)

При Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ былъ въ Россіи Докторъ Павелъ Флемингъ, человѣкъ умной, доброй — и стихотворецъ. Любопытство, видѣть народъ почти неизвѣстный въ Европѣ, завело его въ наше отечество. Онъ пять мѣсяцевъ жилъ въ разныхъ селеніяхъ близь Новагорода, старался узнать нравы земледѣльцевъ Рускихъ, и въ Нѣмецкихъ стихахъ описалъ ихъ такими красками, какими славный Галлеръ описываетъ нравы щастливыхъ Альпійскихъ жителей въ извѣстной Поэмѣ своей die Alpen. Я переведу здѣсь нѣкоторые стихи его... „Любопытство ума заставило меня проснуться

„съ отечествомъ и съ друзьями, чтобы „видѣть страну отдаленную, которую „мы знаемъ только по злословію сосѣдовъ „ея или разсказамъ лживыхъ путешест- „венниковъ. Благодарю судьбу!.. Доброму „сердцу пріятно вездѣ находить хорошее. „Въ землѣ, называемой варварскою, вижу „людей достойныхъ называться людьми. „Земледѣлецъ Руской не мудрствуетъ о „свободѣ, но истинно свободенъ душею; онъ „богатъ, не чувствуя никакихъ недостат- „ковъ; цвѣтетъ здоровьемъ, имѣетъ доброе „сердце и не знаетъ, что оно есть рѣд- „кое достоинство въ человѣкѣ; живетъ въ „низкой хижинѣ, имъ срубленной, и до- „воленъ, что она укрываетъ его отъ не- „настья и холода; работаетъ весело, въ „надеждѣ на Бога; наслаждается покоемъ „въ объятіяхъ вѣрной супруги и засы- „паетъ сладко подъ громкимъ пѣніемъ „соловья. Жена щастлива повиновеніемъ „мужу, и строгость его считаетъ зна- „комъ любви. Онъ не боится воровъ (бѣд- „ность служитъ ему наилучшимъ стра- „жемъ); не заботится о будущемъ, вѣря, „что небесный Отецъ печется о людяхъ. „Не жалѣйте о невѣжествѣ его, ученые „мужи Европы! онъ разумѣетъ добраго „сосѣда своего, и думаетъ, что знаетъ „все нужное. Ахъ! народъ сей принад-

„лежитъ еще къ древнему царству Са-
„турна: ибо хитрость, коварство, об-
„маны, ему неизвѣстны. Щастливая про-
„стота, любезная невинность! мы васъ
„уже не видимъ въ странахъ своихъ: кто
„бы думалъ, чтобы вы, оставивъ Гер-
„манїю, переселились въ землю Рускую?
„Кто могъ бы искать здѣсь добродѣтелей
„Астреина вѣка?“

Во время Великаго Князя Ивана Васильевича начали иностранцы прїѣзжать въ Россїю и селиться въ Москвѣ. Онъ и сынъ его, Василїй Ивановичь, брали ихъ въ Рускую службу. Послѣ имъ отведено было мѣсто за городомъ, на берегу Яузы, гдѣ на счетъ казны выстроили для нихъ домики. Жены солдатъ Нѣмецкихъ, замѣтивъ что нибудь странное въ Рускихъ, ходившихъ мимо ихъ оконъ, кричали другъ другу: *Кукке, кукке гиръ*, то есть: *смотри, смотри!* Рускїе затвердили это слово, и прозвали Нѣмецкую слободу *Кукуемъ*. Черезъ нѣсколько лѣтъ она запустѣла: иностранцы переселились въ городъ, и богатѣйшїе изъ нихъ начали тамъ строить каменные домы. Лютеране имѣли церковь свою въ Бѣломъ городѣ (близь нынѣшней Менщиковой башни); но женская ссора *разрушила ее до основанїя*. Олсарїй шакимъ

образомъ говоритъ о семъ случаѣ. Многіе Нѣмецкіе Офицеры, бывшіе въ Руской службѣ, женились на служанкахъ, которыя, гордясь чиномъ мужей своихъ, захотѣли въ церкви сидѣть выше купеческихъ женъ. Послѣднія не соглашались уступить имъ мѣста, и вышла ссора, даже драка. Въ самую ту минуту Патріархъ ѣхалъ мимо; узналъ причину шума, и сказавъ: *когда онѣ ходятъ въ церковь не молиться, а гордиться, то имъ лучше не имѣть ее* — и велѣлъ сломать церковь до основанія. Черезъ нѣкоторое время они построили новую въ Земляномъ Городѣ; но скоро должны были совсѣмъ переселиться за валъ. Еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Московскіе Священники жаловались на то, что Нѣмцы живутъ въ ихъ приходахъ, покупаютъ самыя лучшія мѣста и строятъ большіе домы, съ которыхъ церкви не имѣютъ никакого дохода; но какъ Государь уважалъ иностранцевъ, то сіи жалобы не имѣли успѣха до самыхъ временъ Царя Алексѣя Михайловича. Тогда считалось въ Москвѣ уже болѣе 1000 человѣкъ Нѣмцовъ. Всѣ они носили Руское платье. Однажды Патріархъ — не извѣстно, который; но вѣроятно, что Іосифъ — ѣхалъ по улицѣ, благословлялъ народъ, и замѣтилъ, что

нѣкоторые люди въ толпѣ не хотѣли, подобно другимъ, спать передъ нимъ на колѣна. Сіи люди были иностранцы. Патріархъ, оскорбленный ихъ гордостію, требовалъ отъ Царя, чтобы Онъ приказалъ имъ носить Нѣмецкое платье и тѣмъ отличаться отъ *православныхъ*. „Я не хочу (сказалъ Патріархъ) впредь ошибаться и благословлять иновѣрцевъ.“ Черезъ два дни всѣ они должны были одѣться по-своему (*) — и сверхъ того Царь Алексѣй Михайловичь, уваживъ новыя жалобы Духовенства, запретилъ Нѣмцамъ жить въ городѣ, изключая тѣхъ, которые захотятъ принять Греческую Вѣру. Имъ снова отвели мѣста на берегу Яузы или на *Кукуѣ*. Съ того времени иностранцы, отличенные одеждою, едва смѣли показываться въ городѣ: мальчишки бѣгали за ними по улицамъ, оскорбляли ихъ непристойными словами и дразнили именемъ Кукуя. Наконецъ, лишась терпѣнія, Нѣм-

---

(*) Нѣкоторые не могли такъ скоро сдѣлать себѣ Нѣмецкихъ кафтановъ и надѣвали чужіе. „На одномъ (говоритъ Олеарій) кафтанъ тащился по землѣ, а на другомъ не доставалъ до колѣнъ — чего не льзя было видѣть безъ смѣха.“

цы требовали защиты Царя, и въ прошенїи своемъ говорили, что они, стараясь быть полезными для Россїи, съ горестїю видятъ себя предметомъ народной ненависти; что отцы ихъ были щастливѣе, пользуясь милостїю Государя Михаила Ѳеодоровича, который, не смотря на свое великое усердїе къ Вѣрѣ Греческой, не дозволялъ Рускимъ притѣснять иновѣрцевъ. Добрый Царь Алексѣй Михайловичь приказалъ увѣрить ихъ въ своемъ покровительствѣ и всенародно объявить, чтобы никто не смѣлъ оскорблять чужестранныхъ ни словомъ, ни дѣломъ; что всякое преступленїе сего роду будетъ строго наказано, и что жилище Нѣмцовъ должно впредь называться *новою иноземскою Слободою.* Вотъ происхожденїе нынѣшней Слободы Нѣмецкой. Иностранцы продали каменные домы свои въ городѣ, а деревянные перевезли на берегъ Яузы, и были весьма довольны своимъ жребїемъ; отдѣлясь отъ Рускихъ, они лучше могли пользоваться удовольствїями общества между собою и благодарили Царя за то, что онъ велѣлъ имъ ходить въ собственной народной одеждѣ; построили двѣ Лютеранскїя и двѣ Реформатскїя церкви (Англїйскую и Голландскую), и скоро обратили Слободу въ ма-

ленькой особенной городокъ, который черезъ нѣсколько лѣтъ соединился съ Москвою.

Жителямъ Московскимъ извѣстно старое Нѣмецкое кладбище, въ Марьиной рощѣ, я хотѣлъ узнать, когда оно было оставлено, и спрашивалъ о томъ у Пасторовъ здѣшнихъ Лютеранскихъ церквей; но они не могли отвѣчать мнѣ удовлетворительно. Олеарій пишетъ, что Нѣмцы, Лютеране и Реформаты, переселясь въ Слободу во время Царя Алексѣя Михайловича, обнесли стѣною *новое* кладбище свое: вѣроятно, что въ самое сіе время было оставлено ими старое, отъ Слободы удаленное кладбище, гдѣ они погребали мертвыхъ, живучи въ городѣ. — Достойно замѣчанія, что Цари наши однимъ Католикамъ не позволяли въ Москвѣ свободнаго богослуженія: дѣйствіе взаимной ненависти между Восточною и Западною Церковію! Сія ненависть усилилась еще во времена лже-Димитрія и Польскихъ злодѣйствъ въ Россіи. При осадѣ Смоленска было въ нашей арміи нѣсколько Католиковъ; но по окончаніи войны, ихъ немедленно выслали за границу. Голшпин-

скимъ Посламъ, ѣхавшимъ въ Персію черезъ Россію при Михаилѣ, объявили именемъ Царя, что въ свитѣ ихъ не должно быть ни одного Католика.

Многіе иностранцы во время Государя Михаила Ѳеодоровича принимали нашу Вѣру. Нѣкто Графъ Шликъ, молодой человѣкъ, пріѣхалъ въ Россію съ письмомъ Датскаго Короля Христіана IV, и будучи обласканъ Царемъ и Боярами, объявилъ, что онъ желаетъ окреститься по обрядамъ Греческой Церкви. Государь, въ знакъ своего удовольствія, опредѣлилъ ему болѣе тысячи рублей въ годъ жалованья: сумма великая по тогдашнему времени. Всѣ знатнѣйшіе люди были свидѣтелями его крещенія, — и Графъ Шликъ, взятый ко Двору, назвался Княземъ Львомъ Александровичемъ Шлыкомъ или Шлаковскимъ. Онъ зналъ Латинскій и другіе языки, имѣлъ вообще много свѣдѣній, былъ уменъ, ловокъ, и надѣялся жениться на дочери самого Царя, Иринѣ Михайловнѣ; однакожъ сія надежда не исполнилась. Король Датскій увѣдомилъ Государя, что мнимый Графъ Шликъ несправедливо называется симъ именемъ, будучи совсѣмъ другой и весьма незнат-

ной фамилїи; но Царь сдѣлалъ только выговоръ новому Рускому Князю и не лишилъ его своихъ милостей. Сей молодой человѣкъ женился потомъ на дочери одного Боярина. — Полковникъ Леслей, Баронъ Петръ Ремонъ и Французскій дворянинъ де-Гронъ также приняли въ Москвѣ Греческую Вѣру. Перьый служилъ съ великимъ отличїемъ при осадѣ Смоленска, и бывъ щедро награжденъ Государемъ, выѣхалъ изъ Россїи; но черезъ нѣсколько лѣтъ опять возвратился въ Москву, выпросилъ себѣ у Царя большую деревню на берегу Волги, и поселился въ ней съ женою и дѣтьми своими. Рускимъ крестьянамъ не полюбилось работать на чужестраннаго господина: они жаловались, что жена его обходится съ ними весьма безчеловѣчно и даже оказываетъ явное презрѣнїе къ обрядамъ Греческой Церкви. Послѣднее обвиненїе было уважено еще болѣе перваго. Леслея и жену его привезли въ столицу и строго допрашивали: они клялись въ своей невинности; но самъ Патрїархъ вступился въ сїе дѣло и вмѣстѣ съ Боярами убѣдилъ Государя не отдавать крестьянъ иновѣрцамъ. Леслей, узнавъ о томъ и крайне желая удержать за собою доходную

деревню, вызвался перемѣнить Вѣру. Его окрестили, но деревню — отдали другому: ибо крестьяне объявили, что они хотятъ лучше умереть, нежели принадлежать ему. Между тѣмъ Царь опредѣлилъ Леслею хорошее жалованье. — — —

ПОЛИТИКА.

I.

О твердости нынѣшняго Консульскаго правленія во Франціи.

Твердости нынѣшняго Правленія во Франціи способствуютъ слѣдующія обстоятельства:

1) Взаимная недовѣрчивость главныхъ Державъ Европейскихъ, которая даетъ Франціи или полную волю, или представляетъ ей только слабое сопротивленіе въ исполненіи ея намѣреній.

2) Драгоцѣнность тишины и спокойствія, въ которыхъ имѣютъ нужду всѣ Французы. Самые недовольные, и слѣдственно самые дѣятельнѣйшіе, боятся революціи, которая могла бы воскресить или Якобинцевъ съ ихъ ужасами, или прежнюю Аристократію съ ея гордыми требованіями.

3) Возстановленіе богослуженія, которое примирило съ Бонапарте многочисленное духовенство, Епископовъ и Священниковъ, снова получившихъ выгодныя и доходныя мѣста. Преданность ихъ

весьма нужна Правительству: ибо они могутъ еще сильно дѣйствовать на расположенїе народа.

4) Недостатокъ въ такихъ людяхъ, которые могли бы сдѣлаться начальниками партїй, спорить съ Консуломъ и заступить его мѣсто.

5) Исправная выдача процентовъ государственнымъ заимодавцамъ съ 18 Брюмера.

6) Возстановленїе древнихъ обыкновенїй, съ отверженїемъ того, что было въ нихъ или смѣшно или ненавистно, какъ-то: нѣкоторыхъ исключительныхъ правъ дворянства, Духовенства, и проч.

7) Введенїе единства и подчиненности во всѣхъ частяхъ государственнаго управленїя (наилучшїй способъ утвердить общественныя связи). — Къ сему надобно прибавить

8). Великое множество новыхъ владѣльцевъ, которые для своей пользы обязаны хранить бытїе Республики; а старые владѣльцы, то есть дворяне, боятся новыхъ потрясенїй въ государственной системѣ, которыя могутъ лишить ихъ и того, что они еще имѣютъ.

9) Исправный платежъ всѣхъ пенсїоновъ и выдача жалованья судьямъ, чиновникамъ и солдатамъ. Сверхъ того

войско надѣется на завоеванїе Англїи и на великую добычу въ сей богатой землѣ.

10) Учрежденїе почетнаго Легїона, который долженъ быть защитникомъ Правительства, и который даетъ въ томъ клятву.

11) Уменьшенїе долговъ государственныхъ въ слѣдствїе Революцїи: ибо нынѣшнему Французскому Правительству надобно въ годъ не болѣе 20 миллїоновъ ливровъ на заплату процентовъ; а черезъ 14 лѣтъ оно совсѣмъ выдетъ изъ долгу.

12) Уменьшенїе нѣкоторыхъ весьма тягостныхъ налоговъ, на примѣръ сборовъ съ земли и съ движимаго имѣнїя, и надежда, что впредь они еще болѣе уменьшены будутъ.

13) Наконецъ главная опора Правленїя есть власть воинская: необходимое слѣдствїе долговременнаго безначалїя и равенства, которое въ самомъ дѣлѣ есть ничто иное, какъ *равное повиновенїе всѣхъ могуществу и волѣ одного человѣка.*

Первый Государь былъ щастливый воинъ, сказалъ Вольтеръ: къ сему первобытному состоянїю обратился духъ нашего времени, когда разрушилась Система Феодальная, долженствовавшая быть защитою отъ самовластїя и безначалїя,

но употребленная во зло тщеславіемъ и властолюбіемъ.

Гдѣ дѣйствуетъ власть воинская, тамъ не льзя быть народной революціи: будутъ только частные бунты, и народные предводители погибнутъ съ именемъ мятежниковъ. Голосъ Авторовъ и самые гимны фанатиковъ исчезаютъ въ воздухѣ: воинская власть или презираетъ ихъ, или въ нужномъ случаѣ можетъ тотчасъ унять людей безпокойныхъ.

Отъ начала міра до нашихъ временъ не было революціи, которой начальники не участвовали бы въ бывшемъ Правительствѣ. Сіе участіе служило имъ всегда правомъ для введенія новостей. — Государственные Чины во Франціи, собранные Королемъ, сдѣлались законными участниками тогдашняго Правленія: извѣстно, какъ они имъ воспользовались.

Власть воинская не можетъ быть уничтожена скорою революціею. Когда свергнутъ одного начальника, тогда другой заступитъ его мѣсто. Non deficit alter. Исторія Римской Республики со временъ Августа, Исторія всѣхъ древнихъ и новыхъ государствъ доказываетъ сію истину примѣрами вѣковъ. — Французы вообще имѣютъ духъ воинскій: власть во-

инская, однажды утвержденная въ Республикѣ, останется на долгое время твердою и непоколебимою. — (*Изъ Нѣм. Жур.*)

II.

Что выгоднѣе для Европы въ нынѣшнюю войну: паденіе Франціи или Англіи?

Какъ во время Революціонной, такъ и во время нынѣшней войны, Европа раздѣляется на двѣ стороны: одна желаетъ успѣховъ Франціи, а другая Англіи. Розница состоитъ въ томъ, что прежніе друзья такъ называемой свободы по большой части не смѣли объявлять своихъ мыслей во время союза Державъ противъ Республики; а нынѣ та и другая сторона безъ всякаго опасенія говоритъ, кому она хочетъ добра. Продолжится ли сія независимость мнѣній? Желаю того, но не думаю. Или я грубо ошибаюсь въ мысляхъ своихъ о приключеніяхъ и духѣ нашего вѣка, или мы скоро увидимъ важныя, великія происшествія, которыя удивятъ многихъ.

Но теперь еще дозволено разсуждать намъ: и такъ желаю пользоваться правомъ свободнаго человѣка. Не буду дока-

зывать, на чьей сторонѣ справедливость въ нынѣшней войнѣ: хочу только говорить о цѣли ея съ обѣихъ сторонъ. Францїя намѣрена уничтожить Англїю, такъ же, какъ Римъ уничтожилъ нѣкогда Карѳагенъ. Слова: Carthago delenda est (*Карѳагенъ разрушенъ*), сдѣлались моднымъ изреченїемъ Французовъ. Напротивъ того Англїя скромнѣе въ разсужденїи ея плановъ: она говоритъ, что хочетъ только безопасности для своей торговли. Французы же увѣряютъ, что Правительство Великобританнїи желаетъ самовластїя на моряхъ и всячески старается уничтожить навѣки морскїя силы Францїи и союзниковъ ея.

Справедливость или несправедливость сихъ обвиненїй оставимъ безъ изслѣдованїя. Знаемъ то, что Англїя и Францїя хотѣли бы погубить другъ друга; а кто изъ нихъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, долженъ одержать верхъ, есть вопросъ затруднительный, котораго не берусь рѣшить въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Желаю сказать только, чья побѣда — Французовъ или Англичанъ — будетъ выгоднѣе для Европы. — Для сего надобно разсмотрѣть отношенїя обѣихъ Державъ къ прочимъ Европейскимъ государствамъ.

Держава, имѣющая около девяти (*) милліоновъ жителей, отдѣленная моремъ отъ твердой земли, великая и сильная одною торговлею и внутреннею промышленностію, не можетъ быть въ политической системѣ ужасною для Европы, — не можетъ предпринять ничего опаснаго для ея свободы и независимости. Великобританнія, пославъ даже 500,000 человѣкъ на твердую землю, не завоевала бы ни одного государства въ Европѣ. Кромѣ Италіянскихъ областей и Португаллїи, всякая Держава можетъ безъ союзниковъ вести войну съ Англїею на сухомъ пути: тѣмъ скорѣе отразятъ нападенїе Британцевъ, когда разныя государства соединятъ силы свои.

Напротивъ того Англичанамъ весьма легко мѣшать торговлѣ другихъ народовъ и присвоить себѣ ея выгоды. Сїя истина столь же очевидна, какъ и та, что Британцы на твердой землѣ не могутъ быть завоевателями. Но овладѣвъ всеобщею торговлею, лишатъ ли они насъ свободы и независимости, какъ говорятъ ихъ противники?

(*) Гораздо болѣе, по новѣйшему исчисленію. — К.

Правда, что внѣшняя торговля почти совсѣмъ исчезла бы тогда для другихъ Европейскихъ народовъ; одни Англїйскїе корабли привозили бы имъ нужные товары и брали бы ихъ собственные; купцы всѣхъ земель сдѣлались бы только прикащиками или конторщиками Англїи, которая самовластно управляла бы торговлею и пользовалась изключительно ея главными выгодами . . . . Я предполагаю самую крайность, едва вѣроятную; но и въ такомъ случаѣ утверждаю, что Европа въ самой себѣ найдетъ средства обезопасить свою независимость.

Только два рода государствъ подвержены опасности утратить свободу: тѣ, которыя могутъ быть завоеваны, и другїя, которыя, по своимъ естественнымъ недостаткамъ, существуютъ единственно помощїю сосѣдовъ. Что касается до первыхъ, то я уже сказалъ, что кромѣ Италїянскихъ областей и Португаллїи ни одно Европейское государство не можетъ быть завоевано Англїею. Какая же земля столь обижена Природою, чтобы ея физическое бытїе зависѣло отъ другихъ народовъ?

Какъ ни увѣряютъ, что роскошь и привычка сдѣлали для насъ Англїйскїе товары и произведенїя Колонїй необходи-

мыми, но я скажу утвердительно, что мы добровольно отказались бы отъ нихъ, естьли бы они стоили намъ политической независимости. Всѣ же товары Англійскіе принадлежатъ къ роскоши; нужное и необходимое для жизни идетъ къ намъ не изъ-за моря, а находится на твердой землѣ. И такъ мысль моя не покажется романическою, когда скажу, что въ случаѣ Британскаго самовластія на моряхъ Европа должна прервать всякое торговое сообщеніе съ симъ островомъ, не отправлять въ Англію никакихъ произведеній и не допускать до береговъ своихъ кораблей ея. У насъ довольно хлѣба, масла, вина, — и всѣ Британскіе флоты не принудятъ Европы отворить гавани для купцовъ Англійскихъ. Сама же Великобританнія имѣетъ необходимую нужду въ произведеніяхъ твердой земли, и для того обязана хранить дружбу съ нею.

Положимъ и то, что Англія найдетъ способъ обойтись безъ сихъ произведеній или будетъ доставать ихъ — на примѣръ — въ Америкѣ; но и тогда ей нужно имѣть сообщеніе съ Европою: ибо она должна не только покупать, но и продавать, чтобы удержаться на нынѣшней степени своего величія. Какая польза во множествѣ товаровъ, естьли они съ рукъ

не сходятъ? Не товары, а продажа и цѣна ихъ обогащаютъ купца; въ противномъ случаѣ магазины, наполненные драгоцѣнностями, не лучше пустыхъ.

Сбывать же съ рукъ товары можно двумя способами: принужденіемъ, силою, или добровольною сдѣлкою съ купцами. Первый способъ бываетъ дѣйствителенъ только въ случаѣ завоеванія или перевѣса воинскихъ силъ. Такъ Англія даетъ законы Португаллїи; такъ она и Франція предписываютъ ихъ своимъ Колоніямъ, не имѣющимъ права торговать съ другими землями. Но мы уже согласились, что Великобританнія не можетъ устрашить Европы своею сухопутною силою, которая не отвѣтствуетъ ея морскимъ силамъ.

И такъ ей остается только избавляться отъ множества товаровъ добровольною сдѣлкою, которая должна быть и для купцевъ и для продавцевъ равно выгодна. Не Европа отъ Англїи, но Англїя зависитъ отъ Европы, имѣя нужду въ ея произведеніяхъ и еще болѣе въ продажѣ своихъ собственныхъ. Купецъ, желая всегда сбывать товары, дѣлается зависимымъ отъ публики, которая можетъ не покупать ихъ. Симъ опровергается мнѣніе людей, утверждающихъ, будто Англїя хочетъ одна завладѣть всемїрною

торговлею и самовластно возвышать цѣну на свои товары. Сїе обвиненїе показалось бы вѣроятнымъ тогда, когда она могла бы располагать Европою, какъ Индїею или Португаллїею, гдѣ угрозы и принужденїе даютъ законы въ цѣнѣ ея товаровъ: чему не льзя быть въ отношенїи ко всей Европѣ, естьли бы Англїя и не имѣла никакихъ совмѣстниковъ въ мануфактурахъ. Рѣдко покупаютъ вещи ненужныя, на которыя положена цѣна неумѣренная; купецъ для собственной выгоды не долженъ возвышать ее.

Изо всего сказаннаго мною выходитъ то слѣдствїе, что Англїя, уничтоживъ даже всю политическую силу Францїи и завладѣвъ всемїрною морскою торговлею, безъ сомнѣнїя уважитъ независимость твердой земли, и не будетъ продавать товаровъ своихъ неумѣренною цѣною.

Не смотря на то, соглашаюсь, что мы въ семъ случаѣ могли бы имѣть нѣкоторыя непрїятности. Повѣда надъ такимъ совмѣстникомъ, какъ Францїя, возгордила бы народъ и Правительство Британнїи, которые и безъ того весьма надменны и презираютъ другїе народы. — Но въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ спра-

шивается только, съ которой стороны *болѣе* опасности для независимости Европейскихъ Державъ? Въ такомъ случаѣ *меньшее зло* дѣлается *благомъ* и *пользою*. Для сего разсмотримъ положеніе Франціи относительно къ Великобританіи и къ другимъ государствамъ.

Сохраненіе могущества и вліянія Англіи на дѣла Европы ни мало не требуютъ паденія Франціи. Торговля Британская цвѣла вмѣстѣ съ торговлею и промышленностію Французскою, еще не истребленною бѣдствіями Революціи. Онѣ проистекаютъ изъ разныхъ источниковъ, основаны на разныхъ правилахъ и стремятся къ разнымъ цѣлямъ. Естьли бы Франція возстановила морскія силы свои и прежнюю цвѣтущую торговлю, то Англія хотя и могла бы утратить нѣкоторыя выгоды, но сей вредъ конечно не сдѣлалъ бы гибели ея необходимою, какъ утверждаютъ многіе.

Франція находится совсѣмъ въ другихъ обстоятельствахъ. Не только въ нынѣшнее время, но всегда главною политическою цѣлію государства сего было лишить Англію превосходства ея въ торговлѣ — превосходства, которымъ она

обязана своему географическому положенію, искусству, промышленности жителей и богатымъ Колоніямъ. Сіе намѣреніе родилось вмѣстѣ съ ненавистію Французовъ къ Британцамъ, которые хотѣли нѣкогда завоевать Францію, и всячески оскорбляли ея народное честолюбіе. Вды корысти присоединились къ желанію мщенія, которое требовало высадки; но она или не имѣла успѣха или казалась излишно дерзкою: и такъ надлежало искать другихъ способовъ погубить Англію.

Самый же вѣрнѣйшій способъ для того есть подрывъ Англійской коммерціи — на ней основано величіе Британцевъ: слѣдственно оно исчезнетъ съ нею. Торговля Французская должна также гораздо болѣе распространиться, когда падетъ Англійская. Сіи важныя причины издревле заставляли Властителей Франціи вредить Британской торговлѣ: средство, безъ сомнѣнія медленное для достиженія великой цѣли, но гораздо вѣрнѣйшее всѣхъ смѣлыхъ высадокъ!

Бонапарте знаетъ, что естьли Англія удержится на нынѣшней степени своего благоденствія, то коммерція и мануфактуры Французскія не могутъ

имѣть великаго и скораго успѣха. Сверхъ того новая Консульская Политика находитъ въ Британскомъ Министерствѣ самыхъ опаснѣйшихъ противниковъ, которые умѣютъ ограничивать виды ея безмѣрнаго властолюбія.

Англія во всѣхъ частяхъ своей промышленности имѣетъ такое великое превосходство въ разсужденіи Французовъ, что они, безъ всякихъ особенныхъ хитростей съ ея стороны, долго не могутъ сравняться съ нею ни въ капиталѣ, ни въ средствахъ внѣшней продажи. Сія трудность еще удвоилась отъ безпорядковъ и нещастій Революціи, такъ, что Франція на всякомъ шагу встрѣчаетъ новыя невозможности равняться съ колоссомъ Англійской торговли.

И такъ польза Франціи явно требуетъ паденія Британскаго величія, и Правительство ея въ семъ случаѣ есть ничто иное, какъ органъ народнаго гласа. Но слѣдуетъ ли изъ того, чтобы выгода Франціи была выгодою и для Европы, какъ увѣряютъ насъ Консульскіе Писатели? . . . По крайней мѣрѣ ихъ доказательства ни мало не убѣждаютъ меня, и я не вижу, для чего намъ желать паденія Англіи.

Отношенїе Республики къ другимъ Европейскимъ Державамъ есть отношенїе, бывшее между людьми въ первобытномъ состоянїи Натуры: ſtatus belli omnium contra omnes (*война всѣхъ противъ всѣхъ*). Сїе увѣренїе основываю не на личномъ характерѣ Перваго Консула, но единственно на характерѣ Французовъ, преобразованномъ Революцїею — на ихъ привычкѣ къ опасностямъ всякаго роду — на ихъ общемъ духѣ безпокойства — на ихъ самолюбїи и властолюбїи. Кто вздумаетъ утверждать, что 30 миллїоновъ людей, физически и нравственно такъ образованныхъ, какъ Французы, ни мало не опасны для спокойствїя и независимости сосѣдовъ, тотъ или не знаетъ людей, или имѣетъ свои причины утверждать странности. Югъ, Востокъ и Сѣверъ можно назвать нынѣ театромъ Консульскаго властолюбїя; только на Западѣ видимъ Державу (Англїю), которая въ силахъ противиться его самовластїю — и для того польза Европейскихъ Державъ требуетъ, чтобъ она сохранила свое величїе вопреки забавному краснорѣчїю Парижскихъ Журналистовъ, которые безъ сомнѣнїя хотятъ смѣяться надъ нами, говоря, что отъ паденїя Англїи зависитъ щастїе рода человѣческаго.

Не осуждаю ихъ за то, что они желаютъ склонить Европу на свою сторону и думаютъ почтить насъ ролею бѣднаго коня, описаннаго въ баснѣ; но жалѣю о добродушіи тѣхъ, которые вѣрятъ имъ. — Для насъ равно платить деньги за Американскія или Индѣйскія произведенія Англичанамъ или Французамъ; желательно только, чтобы сіи товары шли не изъ однѣхъ рукъ: ибо въ такомъ случаѣ они могутъ быть и дороже и хуже.

Но когда надобно выбирать изъ двухъ золъ одно, то монополія Англійская для Европы опасна менѣе Французской. Мы старались доказать, что Великобританнія, не смотря на многочисленные флоты свои, не принудитъ насъ брать ея товары, естьли цѣна ихъ будетъ несоразмѣрна ихъ качеству. Франція же, напротивъ того, овладѣла бы совершенно нашею промышленностію, сокровищами и землею. Тридцать милліоновъ жителей и 600,000 воиновъ на все отважатся для пользы торговли своей и промышленности. Извѣстно, какъ сей пылкой народъ любитъ роскошь и всѣ ея наслажденія; онъ радъ покупать ихъ цѣною крови своей, и начать войну единственно для того, чтобы присвоить себѣ из-

ключительныя выгоды торговли, обогатиться и послѣ наслаждаться спокойно пріятностями жизни.

Можетъ ли Французскій народъ думать, что оружіе доставитъ ему все въ свѣтѣ? Сей вопросъ предлагаю всякому, кто наблюдалъ явленія послѣдней войны. Что случилось, можетъ опять случиться. — Франція умѣетъ питать взаимную зависть главныхъ Европейскихъ Державъ и пользоваться ею. . . .

Но Республика обѣщаетъ, что она, низвергнувъ Англію, торжественно признаетъ свободу морей, позволитъ всѣмъ народамъ участвовать въ выгодахъ торговли, не будетъ угнетать сосѣдовъ и докажетъ свое великодушное безкорыстіе! . . .

Можетъ быть, я обманываюсь; но мнѣ трудно вѣрить безкорыстію новаго купца — и народа, который начинаетъ вновь торговать. — Иногда видимъ безкорыстіе и великодушіе старинныхъ купеческихъ домовъ, уже твердо основанныхъ и богатыхъ: по тому можемъ нѣкоторымъ образомъ надѣяться на великодушіе Англіи. Но Франція только-что оживаетъ для торговли, заводитъ вновь фабрики, не имѣетъ ни довольнаго числа кораблей, ни капиталовъ: какъ же думать,

чтобы она не захотѣла присвоить себѣ всѣ возможныхъ выгодъ по торговлѣ?

Республика признаетъ конечно свободу морей — такъ же, какъ она признала свободу и независимость Голландии, Италии, Швейцарии! . . . Не имѣю нужды входить здѣсь въ дальнѣйшее изслѣдование того, что Французы разумѣютъ подъ словомъ *независимости*. Европа видѣла — и знаетъ!

Какое участие дастъ намъ Франция въ торговлѣ? Судя о нынѣшнимъ ея коммерческимъ связямъ съ Голландиею, Италиею и Швейцариею, не можемъ ожидать отъ нее великой щедрости. — Сверхъ того Франция имѣетъ выгоду, которой не имѣютъ Англичане: она можетъ довольствоваться собственными произведениями, не имѣя нужды въ произведениях другихъ Европейскихъ земель. Въ такихъ обстоятельствахъ 30 миллионовъ жителей конечно не будутъ изъявлять особеннаго снисхождения къ прочимъ народамъ.

Но я и думать не смѣю, чтобы гибель Франции была необходима для благоденствия и независимости другихъ Европейскихъ Державъ. Говорю только, что Республика опасна, и что нынѣшнее величие Англии нужно для сопротивления вла-

столюбивой Францiи, утверждая нѣкоторымъ образомъ равновѣсiе въ Европѣ.

(*Изъ Нѣм. Журнала.*)

III.

О мнимомъ предложенiи Консула Бонапарте, будто бы сдѣланномъ черезъ Берлинскiй Дворъ Лудовику XVIII.

(Писано однимъ знаменитымъ человѣкомъ въ Парижѣ и взято изъ Архенгольцовой Минервы.)

Во время Консулова путешествiя Англiйское Министерство обнародовало въ вѣдомостяхъ отвѣты Графа Лильскаго и Принцевъ Бурбонскаго Дому на мнимое предложенiе, будто бы сдѣланное имъ въ Варшавѣ именемъ Бонапарте, чтобы они отказались отъ всѣхъ правъ на Французскую корону.

Сей случай доказываетъ жалкое униженiе, до котораго Англiя довела сiю нещастную отрасль Бурбонскаго Дому. Трудно рѣшить, что кажется нелѣпѣе: мнимое ли предложенiе Консула или мнимое посредство Короля Прусскаго. Вѣроятно ли, чтобы въ то время, когда Рес-

публика заключила миръ со всѣми Державами твердой земли, торжественно утвердивъ бытіе свое блестящими побѣдами — вѣроятно ли, говорю, чтобы начальникъ Франціи, имъ возвеличенной и прославленной, забылъ права, данныя ему народомъ, и вздумалъ утвердить свое достоинство ничтожнымъ согласіемъ Принца, всѣми оставленнаго? Никогда Государи, съ меньшими правами заступавшіе мѣсто изгнанной Династіи, не требовали отъ предмѣстниковъ согласія на ихъ власть, полученную ими другимъ, лучшимъ и достойнѣйшимъ средствомъ: торжественно избранный начальникъ государства свободнаго имѣетъ еще менѣе нужды въ другихъ правахъ.

Человѣкъ, столь знакомый съ блестящею славою, могъ ли такъ безразсудно унизиться и смиренно требовать милости отъ Принцевъ, жалкихъ и забытыхъ Европою? Естьли Бонапарте захотѣлъ бы потѣшить ихъ самолюбіе, то онъ могъ бы войти въ сообщеніе съ ними не черезъ Нѣмецкаго Полковника, а другимъ гораздо вѣрнѣйшимъ способомъ: на примѣръ, черезъ Агентовъ, весьма извѣстныхъ Графу Лильскому, и былпіемъ своимъ обязанныхъ великодушію Консула: они поступили бы конечно осторожнѣе и

благоразумнѣе въ семъ дѣлѣ, которое, въ настоящемъ видѣ своемъ, должно всякому показаться нелѣпою выдумкою. Мы видимъ письмо Графа Лильскаго, но не видимъ ни письма, ни отвѣта Консулова. Зная, какъ Англійское Министерство съ нѣкотораго времени ненавидитъ Пруссію за Францію, не удивляемся, что оно замѣшало тутъ и Короля Прусскаго, болѣе всѣхъ оскорбленнаго въ семъ случаѣ.

Съ какимъ намѣреніемъ Британскіе Министры выдаютъ явную ложь за истину? Употребляя остатки Бурбонскаго Дому въ слѣпое орудіе злобы своей на Францію, они подвергаютъ сихъ Принцовъ справедливому негодованію великодушнаго Монарха, который далъ имъ убѣжище въ областяхъ своихъ.

Характеръ и положеніе нещастнаго Графа Лильскаго также весьма не сообразны съ смѣшнымъ самохвальствомъ, ему приписаннымъ. Святый Лудовикъ, *котораго примѣру онъ хочетъ слѣдовать*, зналъ коварство Англичанъ, одержалъ надъ ними побѣду и прекратилъ мятежи, ими издревле питаемые во Франціи. Сей великодушный Король могъ ли бы спокойно видѣть, какъ потомство его служитъ нынѣ вѣчнымъ врагамъ Франціи?

Надобно также замѣтить, что историческія воспоминанія Графа Лильскаго относятся къ чести Перваго Консула. Бонапарте отмстилъ въ Египтѣ за тѣнь Святаго Лудовика и за его храбрыхъ товарищей; загладилъ также своими побѣдами и память бѣдствій, претерпѣнныхъ Францискомъ I въ Италіи.

Но по всей вѣроятности не должно обвинять Лильскаго Графа симъ непристойнымъ и нехитрымъ романомъ. Многіе почтенные люди увѣряютъ, что онъ не имѣлъ въ томъ участія, и что все дѣло выдумано Графомъ д'Артуа, слѣдственно Дютелемъ Епископомъ Араскимъ и другими. Такимъ образомъ оно ясно; но какъ сіи бумаги напечатаны для пользы и чести Британцевъ, то удивительно, что въ нихъ не упоминается о дняхъ Пуатьерскомъ и Дазинкурскомъ.

Графъ д' Артуа лучше другихъ можетъ судить объ искренности Англійскаго Министерства, будучи его орудіемъ. Ему извѣстны желанія Сент-Джемскаго Кабинета. Письма обнародованы нѣсколько мѣсяцевъ послѣ числа, въ нихъ означеннаго, въ то время, когда война снова начиналась, и единственно съ намѣреніемъ возбудить умы во Франціи противъ законнаго Правительства. Впрочемъ дѣло

Бурбоновъ чуждо сему Макіавельскому Кабинету: ихъ ласкали, когда они могли быть полезны для честолюбивыхъ видовъ Британскаго Министерства, и забыли, когда они сдѣлались ненужными. И теперь конечно не вспомнили бы о Бурбонахъ, естьли бы Французское Правительство хотѣло уступкою голой скалы на Средиземномъ Морѣ купить миръ и стыдъ свой. Сіи *потомки Святаго Лудовика* увѣрены въ томъ; однакожь измѣняютъ имени своему и отечеству! . . . Можемъ ли думать объ нихъ хорошо, когда они всѣми способами изощряли оружіе чужестранцевъ противъ Французовъ, озарившихъ блескомъ славы Домъ Бурбоновъ и великихъ предковъ ихъ? . . . Впрочемъ нужно ли тревожить прахъ могилъ и ссылаться на усопшихъ Героевъ, въ такомъ случаѣ, въ которомъ самая обыкновенная честь ясно предписываетъ намъ должность?

(*Съ Нѣм.*)

IV.

Письмо изъ Корфу.

Новое волненіе Европы не лишаетъ насъ выгоды видѣть конечное образованіе Республики Семи Острововъ подъ защитою Россіи. На всѣхъ островахъ спокойно и въ тишинѣ собралися Депутаты — въ Корфу также, подъ именемъ *Синклита Коркирскаго* или *Корфіотскаго.* Первое его засѣданіе открылось чтеніемъ слѣдующаго письма Министра Россійскаго, Графа Мочениго, который управляетъ теченіемъ дѣлъ нашихъ, именемъ великодушнаго Императора АЛЕКСАНДРА.

„Новый порядокъ вещей собираетъ васъ въ сей щастливый день, Патриціи Коркирскіе, долго разсѣянные и чуждые другъ другу, хотя заключенные въ однѣхъ стѣнахъ, хотя соединенные узами отечества, Религіи, воспитанія и крови. Да будетъ сіе первое собраніе щастливымъ знакомъ для будущаго, а не суетнымъ обрядомъ! да будетъ истиннымъ соединеніемъ умовъ, чувствъ, намѣреній, и да откроетъ вамъ вѣрныя средства утвердить и возвести новую Республику на высочайшую степень благоденствія! Предайте забвенію всѣ бывшія эпохи отечественныхъ лѣтописей! да назовется сія

послѣдняя зарею вашего бытія республиканскаго — эпоха, въ которую, подъ защитою моего Августѣйшаго Монарха, вы можете насладиться свободою, не страшась угнетенія людей сильныхъ; можете имѣть Правленіе, не боясь, что дерзкое безначаліе присвоитъ себѣ его священное имя; можете воскресить правосудіе, зная, что вѣсы онаго не утратятъ своей вѣрности отъ частныхъ выгодъ или ложной политической системы. Настало время снова пользоваться тѣмъ, чего вы лишились уже за нѣсколько вѣковъ передъ симъ — время исполнить желаніе гражданъ, ввѣрившихъ вамъ первую надежду свою вступить въ братскій союзъ вольныхъ народовъ, и думающихъ, что вы будете средоточіемъ всѣхъ добродѣтелей, нужныхъ для успѣха дѣлъ общихъ и частныхъ. Августѣйшій Монархъ Россійскій, который въ награду отъ согражданъ вашихъ ожидаетъ только ихъ спокойствія и благоденствія — другіе Государи, ваши защитники великодушные — наконецъ всѣ народы, смотрящіе на васъ окомъ внимательнымъ, да видятъ отнынѣ что вы, Патриціи Коркирскіе, пробудились отъ глубокаго сна своего, который столь долгое время ослабчалъ души гражданъ.

„Любить отечество единственно такъ, какъ любятъ его малодушные: только на словахъ, безъ всякихъ дѣйствій; объявлять свое мнѣніе о благѣ общемъ голосомъ слабымъ и въ собраніяхъ частныхъ; или оплакивать бѣдствія ложныя; дерзко осуждать Правительство во внутреннемъ убѣжищѣ семействъ, подъ защитою тайны и мрака; разсказывать ужасныя басни о будущихъ перемѣнахъ; вымышлять нелѣпости, чтобы избавиться отъ патріотическаго бремени налоговъ; уважать всякія ничтожныя привычки болѣе общественной пользы; наконецъ томиться въ безчувственномъ усыпленіи: — на сію горестную долю осуждаютъ васъ, можетъ быть, наблюдатели чужеземные, обманутые наружностію; но я не боялся объявить вамъ, граждане Коркирскіе, сего мнѣнія, требуя, чтобы вы опытомъ доказали его несправедливость. Не такъ о васъ думаю, особливо нынѣ, видя гражданъ покорныхъ закону безпристрастному, священному, который утверждаетъ на вѣчномъ основаніи политическую систему Республики, долженъ оживить ваше гражданское правительство, и перемѣнить нѣкоторымъ образомъ самые семейственные навыки. Какъ скоро будетъ обнародована ваша Конституція, вы почув-

спвуете, граждане Коркирскіе, необходимость быть дѣятельными безъ всякаго неустройства и соединить ваши силы; сдѣлаетесь умѣренны, трудолюбивы: ибо Республика Семи Острововъ не имѣетъ обширнаго поля для честолюбія; роскошь не находитъ въ ней пищи и праздность существовать не можетъ.

„Радуюсь вашему жребію, благородные Патриціи: въ краткое время можете достигнуть до великой цѣли и пожать лавры. Таланты и достоинство, нещастными обстоятельствами лишенные дѣятельности, оживутъ снова; они пробудятся вмѣстѣ съ вами и съ народомъ. Да существуетъ же народъ сей! да представитъ намъ зрѣлище дѣтства скромнаго, но здраваго! да изъявитъ свою чувствительность! да вѣдаетъ зло, которое онъ терпѣлъ при своемъ рожденіи, и которое едва не ввергнуло его въ бездну стыда и нещастія! Монархъ великій, Спаситель Республики Семи Острововъ, да утѣшается ея твердо-основаннымъ щастіемъ, и жители, чувствуя драгоцѣнность сего благотворенія, да увѣряются, что цѣлію всѣхъ трудовъ безчисленныхъ были только истинная свобода и блаженство народовъ Іоническихъ!

„Знаменитый Синклитъ Коркирскій! способствуй такому великому дѣлу, избирая достойнѣйшихъ изъ Патриціевъ въ Члены Совѣта Законодательнаго и Сената Республики. Посвяти себя щастію народа, который долженъ видѣть тебя образцемъ своимъ. Единственнымъ предметомъ трудовъ твоихъ да будетъ снискать любовь его и признательность! Такимъ образомъ заслужишь благоволеніе моего великодушнаго Императора.

Графъ Мочениго.

V.

Извѣстія и замѣчанія.

Уже бури давно свирѣпствуютъ на морѣ, и Британскіе корабли нѣсколько разъ удалялись отъ Французскихъ гаваней; но Республиканцы все еще не садятся на свои безчисленныя лодки для переѣзда черезъ каналъ. Европа всякую минуту съ безпокойствомъ ожидаетъ *важнаго извѣстія*. . . Консулъ ѣздилъ въ Булонь, жилъ нѣсколько дней въ лагерѣ, училъ войско какимъ-то ночнымъ манёврамъ, при свѣтѣ факеловъ, съ утра до вечера былъ въ гавани — и возвратился въ Сен-

Клу. Увѣряютъ, что въ окрестностяхъ Булони собрано около 150, 000 человѣкъ: такое великое число кажется невѣроятнымъ; но отъ Бреста до Голландїи берега усѣяны войскомъ, готовымъ для дерзкаго предпрїятїя завоевать Великобританнїю. На берегахъ Англїи видимъ такое же зрѣлище: многочисленное войско, презирая холодъ и зимнюю непогоду, стоитъ въ лагерѣ и безпрестанно ожидаетъ Французовъ.

Между тѣмъ носятся слухи о переговорахъ: къ нещастїю, сїи слухи происходятъ только отъ общаго пламеннаго желанїя мира; не видимъ ихъ основательности. Говорили, что Англїя отправляетъ въ Парижъ Лорда Голланда; но до сего времени она посылаетъ во Францїю не Министровъ, а только одни ядра и бомбы.

Слѣдующее извѣстїе, напечатанное въ *Монитёрѣ*, важно въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ:

„На вчерашней дипломатической аудїенцїи Г. Марковъ, полномочный Министръ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, Императора Россїйскаго, вручилъ Первому Консулу отзывное письмо свое и представилъ ему Секретаря Посольства, Г. Д' Убриля, который будетъ отправлять должность

повѣреннаго въ дѣлахъ до назначенія Министра. Г. Марковъ сказалъ, что Императоръ *дозволилъ* ему возвратиться въ отечество, но повелѣлъ снова увѣрить при семъ случаѣ Консула, что ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО намѣренъ во всѣхъ обстоятельствахъ наблюдать систему дружества и согласія, которыя нѣсколько уже лѣтъ существуютъ между обоими государствами. — Консулъ съ своей стороны поручилъ Господину Маркову, по его пріѣздѣ въ Петербургъ, изъявить ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ особенное высокопочитаніе, которое онъ питаетъ въ душѣ своей къ сему Монарху, и твердое его намѣреніе пользоваться всякимъ случаемъ для утвержденія связей дружества, которое нѣсколько лѣтъ столь благополучно соединяетъ обѣ земли."

Въ Лондонѣ снова открылись засѣданія Парламента. Король въ рѣчи своей изъявилъ ему признательность за усердіе къ отечеству и за готовность ко всѣмъ жертвамъ въ настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ; исчислилъ новыя Британскія завоеванія на моряхъ; хвалилъ великодушіе народа, который столь поспѣшно вооружился для отраженія непріятеля — и безъ сомнѣнія отразитъ его; сказалъ, что Ирландцы, обманутые нѣ-

которыми мятежниками и Французами, чувствуютъ уже свое заблужденіе, и что сія земля скоро должна совершенно успокоиться; примолвилъ, что ему жаль видѣть народъ Британскій обремененный податями, но что спасеніе отечества есть главный законъ великодушныхъ. — Графъ Аммерикъ въ Верхнемъ Парламентѣ, совѣтуя Лордамъ изъявить благодарность Королю, сказалъ: „Великобританнія представляетъ теперь зрѣлище *милліона* вооруженныхъ защитниковъ. Не знакомые съ ужасомъ, можемъ веселиться и грозить пламенемъ гаванямъ Франціи. Непріятель именуетъ Британцевъ *народомъ лавошниковъ*: теперь онъ видитъ, что мы не только съ нимъ, но и со всѣми можемъ вести войну. . . Похвалимъ, Милорды, дѣятельность Военнаго Департамента, который своими чрезвычайными стараніями въ нѣсколько мѣсяцевъ вооружилъ весь народъ и выдалъ 800000 ружей. Надобно отдать также справедливость мудрой системѣ, утверждающей безопасность Англіи прежде внѣшнихъ завоеваній, для которыхъ будетъ время. Скорое усмиреніе Ирландскаго мятежа радуетъ всякаго добраго сына отечества. Я увѣренъ, что заговорщики раздѣлялись на двѣ партіи: одна ожидала помощи отъ

Французовъ; а другая, ослѣпленная злобою, надѣялась и безъ сей внѣшней помощи успѣть въ своемъ адскомъ намѣреніи. Милорды! изъявимъ благодарность Королю, хотящему дѣлить опасности съ его вѣрными подданными." — Въ Нижнемъ Парламентѣ долѣе всѣхъ говорилъ Г. Борлендъ. „Кто, взглянувъ на положеніе Европы, обратитъ взоръ свой на Англію, (сказалъ онъ) — на Англію, которая гордо возвышаетъ главу свою и не боится ни самовластія, ни рабства — тотъ конечно признаетъ нынѣшнія обстоятельства безпримѣрными въ лѣтописяхъ міра. Въ самую сію минуту, можетъ быть, дерзкій непріятель плыветъ уже къ берегамъ нашимъ: согласіе и духъ братства необходимы для вѣрныхъ Британцевъ. Многіе думаютъ, что опасность наша существуетъ единственно въ воображеніи, и что Французы въ самомъ дѣлѣ не хотятъ отважиться на высадку, желая только изнурить Англію чрезвычайными мѣрами защиты и великими издержками. Но я прошу сихъ людей помыслить о характерѣ Французовъ и вспомнить, что Бонапарте донынѣ производилъ въ дѣйство всѣ угрозы свои. Такимъ образомъ онъ жертвовалъ тысячами для завоеванія Египта. Нѣтъ!

будемъ ожидать его съ твердостїю. Уже армїя наша многочисленные Французской. Граждане свободные спѣшатъ вооружиться и стремятся на встрѣчу къ непрїятелю, будучи готовы умереть за Короля, Конституцїю и Вѣру свою." — Фоксъ изъявилъ сожалѣнїе, что въ рѣчи Королевской не сказано ни слова о посредствѣ Россїи, которая одна можетъ даровать миръ Европѣ. Онъ жалѣлъ также, что Правительство для усмиренїя Ирландїи не хочетъ взять истинныхъ мѣръ, то есть, удовлетворить справедливымъ требованїямъ Ирландцевъ, которые совсѣмъ не пользуются благодѣянїями Англїйской Конституцїи. — Аддингтонъ отвѣчалъ, что Министры съ благодарностїю приняли великодушное посредство Россїи, но что оно не имѣло желаемаго дѣйствїя. „Теперь, сказалъ онъ, не могу я сообщить Парламенту Министерскихъ бумагъ, имѣющихъ отношенїе къ сему предмету; однакожь надѣюсь со временемъ болѣе удовлетворить любопытству почтеннаго Оратора (Фокса). Что касается до Ирландїи, то мѣры, взятыя Правительствомъ для успокоенїя сей земли, кажутся мнѣ наилучшими." — Виндамъ сказалъ: „Министры хвалятся своею мудрою системою защиты; но мнѣ кажется она вред-

ною и безразсудною. Министры хвалятся нашими завоеваніями въ Вест-Индіи; но мнѣ кажутся они болѣе постыдными, нежели славными. Я увѣренъ, что гибель Англіи неизбѣжна, когда такіе слабоумные люди будутъ управлять ею." — Верхній и Нижній Парламентъ единодушно опредѣлили изъявить Его Величеству благодарность. — Въ день открытія Парламента Король былъ въ мундирѣ.

Вопреки всему, что говорятъ Философы, люди, и самые не глупые, склонны къ суевѣрію. Въ Дуврѣ и въ другихъ мѣстахъ Англіи народъ съ ужасомъ видѣлъ ночныя воздушныя явленія или метеоры, которыя, ярко освѣтивъ землю, исчезли съ трескомъ и оставили въ воздухѣ сѣрный запахъ. Въ самую ту минуту, когда Георгъ возвратился изъ Парламента во Дворецъ, сдѣлалась страшная гроза, совсѣмъ необыкновенная въ зимнее время. Сіи случаи произвели ужасъ въ душахъ слабыхъ. Многіе вспомнили о страшныхъ чудесахъ, такъ живо описанныхъ Поэтомъ Луканомъ, и бывшихъ предтечами паденія Римской свободы. Съ другой стороны Парижскіе Журналисты съ торжествующимъ видомъ объявили Европѣ, что на самомъ томъ

мѣстѣ, гдѣ стоялъ въ Булонскомъ лагерѣ раздвижной домикъ Консула, нашли медаль Юлія Цесаря, завоевателя древней Британніи: слѣдственно — Бонапарте завоюетъ Англію!! — Здѣсь не нужны никакія философическія разсужденія.

Изъ Парижа увѣдомляютъ, что Сенаторы Гара и Сіесъ съ нѣкотораго времени часто бываютъ у Консула. Къ сему извѣстію прибавимъ еще другое, гораздо любопытнѣйшее: „балы, кофейные домы и спектакли нынѣ пусты въ столицѣ Франціи. Многочисленныя и шумныя собранія выходятъ изъ моды: жители Парижскіе начинаютъ любить семейственныя, дружескія общества и благонравіе.“ Шутка довольно пріятная!

Въ Парижѣ находится 130,000 бѣдныхъ, которые имѣютъ пропитаніе только отъ общественной благодѣтельности. Къ нещастію, это извѣстіе не есть шутка! Революція, разоривъ дворянство, не обогатила народа.

Докторъ Горнеръ и Физикъ Тилезіусъ, которые отправились въ Японію съ Господиномъ Рязановымъ, пишутъ изъ Санта-Круцъ отъ 22 Октября, что наши два корабля благополучно доплыли до островов Канарскихъ, гдѣ Гишпанскій Начальникъ принялъ ихъ со всѣми

знаками дружества. Онъ самъ показывалъ Рускимъ сады свои, въ которыхъ растутъ любопытныя, рѣдкія травы. Г. Рязановъ выпросилъ у него множество сѣменъ, чтобы отправить ихъ въ Петербургъ.

Издатель долженъ былъ на нѣсколько времени отказаться отъ работы, и для того онъ рѣшился теперь выдать вдругъ два нумера, вмѣстѣ переплетенные. Число листовъ то же, которое бывало въ двухъ книжкахъ. — Смѣю надѣяться, что снисходительные Читатели *Вѣстника* извинятъ сію невольную неисправность. Нумера 23й и 24й выдутъ также вмѣстѣ.

ОПЕЧАТКИ

въ сихъ двухъ нумерахъ.

Стран.	Стр.	*Налечат.*	*Читай.*
11	10	съ Англичанами	ни съ Англичанами
63	10	ту	эту
97	12	и велѣлъ	велѣлъ
100	6	въ рощѣ,	въ рощѣ:

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ДЕКАБРЬ 1803.

№ 23 и 24.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Девятая Демосѳенова Филиппика (*).

Почти во всѣхъ вашихъ собраніяхъ, Аѳиняне, говорятъ вамъ о преступленіяхъ Филипповыхъ, какъ въ разсужденіи васъ, такъ и другихъ Грековъ, вопреки миру и торжественнымъ условіямъ. Вы сами чувствуете, что намъ совокупными силами должно искать средствъ остановить и наказать дерзость сего Монарха. Но видя, до чего довело васъ небреженіе ваше, осмѣлюсь сказать съ чувствомъ прискорбія, что естьли бы Ораторы ваши и вы

(*) И лучшая естьли не ошибаюсь. По крайней мѣрѣ всякой, прочитавъ ее, въ самомъ слабомъ переводѣ, можетъ судить о талантѣ, краснорѣчіи и слогѣ Греческаго Оратора.

согласились: *они* давать вамъ самые гибельные совѣты, а *вы* избирать самые гибельные способы, то положенїе наше не могло бъ быть хуже настоящаго. — Найдемъ многїя причины сему нещастїю; но разсматривая ихъ въ подробности, и судя, какъ должно, увидимъ, что главная есть лицемѣрїе вашихъ чиновниковъ, которые болѣе льстятъ, нежели служатъ вамъ. Одни, довольствуясь талантомъ своимъ и прїобрѣтенною ими довѣренностїю, ни о чемъ иномъ не думаютъ, и хотятъ, чтобы вы также ни о чемъ не думали; другїе, безпрестанно судя и обвиняя людей, входящихъ въ дѣла, вооружаютъ только гражданъ противъ гражданъ, отводятъ ваше вниманїе отъ истиннаго предмета, и чрезъ то даютъ Филиппу свободу дѣлать, что ему угодно. — Сїе злоупотребленїе есть главный источникъ вашихъ заблужденїй и бѣдствїй.

Именемъ боговъ заклинаю васъ, Аѳиняне! заклинаю не осуждать моей искренности, но размыслить и почувствовать истину. Издревле Аѳины были отечествомъ вольности; не только иностранцамъ, живущимъ въ нашихъ стѣнахъ, но и самымъ невольникамъ дали вы право говорить свободно — право, которому и граждане въ другихъ земляхъ могутъ

завидовать. Въ однихъ вашихъ собраніяхъ не терпится вольность; по гордому самолюбію хотите вы, чтобы вамъ льстили и говорили только пріятное; хотите, не думая о пагубныхъ слѣдствіяхъ. Естьли и теперь таковы будете, то мнѣ остается молчать; но естьли откровенность вамъ не противна, то я готовъ сказать истину.

Такъ, граждане: не взирая на бѣдствіе Республики, которому виною ваша безпечность, вы еще можете все поправить. Скажу, хотя бы и назвали такое мнѣніе страннымъ — скажу, что самая вина бѣдствій нашихъ въ прошедшемъ должна быть для насъ главною надеждою въ разсужденіи будущаго. Зло произошло отъ того, что вы не взяли ни одной изъ надлежащихъ мѣръ; естьли бы мы не могли обвинять себя безпечностію, а Республика была всегда въ нещастномъ положеніи, въ такомъ случаѣ не оставалось бы намъ никакой надежды вывести ее изъ онаго. Но Филиппъ обязанъ торжествомъ своимъ не изнуренію силъ Аѳинскихъ, а вашей нѣгѣ, вашему бездѣйствію. И какъ было ему побѣдить васъ? Вы съ нимъ не сражались!

Когда бы всѣ мы согласно думали, что сей Государь нарушаетъ миръ и ве-

детъ съ нами войну, тогда оставалось бы только искать лучшихъ средствъ остановить его дерзость. Но въ то самое время, какъ онъ беретъ города, занимаетъ своими войсками принадлежащія намъ мѣста, и всѣхъ Грековъ угнетаетъ — въ то самое время легкомысленные люди слушаютъ здѣсь Ораторовъ, безпрестанно твердящихъ, что мы сами хотимъ возобновить войну. И такъ прежде надобно объяснить заблужденіе и перемѣнить ваши мысли, чтобы ревностнаго гражданина, совѣтующаго вамъ обороняться, не назвали когда нибудь виновникомъ напраснаго кровопролитія.

Вопервыхъ изслѣдуемъ, зависитъ ли отъ насъ избраніе войны или мира? можемъ ли въ настоящемъ положеніи сохранить миръ? Кто скажетъ: *можемъ*, пусть представитъ ясныя доказательства, не обольщая насъ пустою надеждою. Но естьли Монархъ, вооруженный мечемъ, ведя за собою сильное войско, только говоритъ намъ о мирѣ, а въ самомъ дѣлѣ воюетъ съ нами: то не должно ли Аѳинамъ обороняться? Развѣ и мы, слѣдуя его примѣру, скажемъ, что Республика въ мирѣ? Согласимся; но когда человѣкъ, играя словами, подходитъ ближе и ближе къ нашимъ стѣ-

намъ, а нѣкоторые люди говорятъ, что онъ не имѣетъ злаго умысла, въ такомъ случаѣ утверждаю, что они безумствуютъ, и хотятъ, чтобы не Филиппъ съ нами, а мы съ Филиппомъ были въ мирѣ. Вотъ дѣйствїе его золота! Монархъ купилъ выгоду напасть на безоружныхъ. Терпѣливо ждать времени для обороны — ждать, чтобы Филиппъ объявилъ намъ свой злой умыселъ, есть верхъ безумїя. Нѣтъ, никогда онъ не объявитъ его; не объявитъ и тогда, когда войдетъ въ Аттику и въ Пирей. Какъ поступилъ сей Царь съ другими народами? Будучи только за сорокъ стадїй отъ Олинѳа, Филиппъ объявилъ жителямъ, что изъ двухъ надобно быть одному: или имъ оставить городъ, или ему лишиться Македонской короны. До того времени онъ молчалъ; — сердился, когда приписывали ему пагубное намѣренїе въ разсужденїи Олинѳїйцевъ, и старался посольствами разсѣять такїе слухи. И къ Фокеянамъ шелъ онъ, говоря о дружбѣ и союзѣ; самые ихъ посланники были съ нимъ, и многїе изъ насъ утверждали, что сей походъ можетъ имѣть опасныя для Ѳивянъ слѣдствїя. Не давно еще Филиппъ овладѣлъ Ферами, вошедши въ Ѳессалїю, какъ другъ и союзникъ; а нещастнымъ Ореянамъ говорилъ,

что онъ по своей милости посылаетъ къ нимъ войско; что, узнавъ о ихъ домашнихъ распряхъ, хочетъ возстановить миръ и тишину въ ихъ городѣ; что ему, какъ нѣжному другу и вѣрному союзнику, не должно оставлять ихъ въ такомъ случаѣ. И вы еще думаете, что онъ, употребивъ хитрость съ такими народами, которые не могли быть ему вредны, но которые могли осторожностїю защититься отъ вреда съ его стороны — думаете, говорю, что Филиппъ съ вами одними не будетъ воевать безъ торжественнаго объявленїя войны; что онъ не захочетъ обмануть васъ, когда вы сами хотите обманываться? Ошибаетесь.

Безъ сомнѣнїя не будетъ онъ такъ малоуменъ, и — между тѣмъ, какъ вы, отвращая глаза отъ его несправедливостей, взаимно обвиняете другъ друга — не вздумаетъ самъ прекратить вашихъ споровъ, извѣстить васъ объ истинной опасности съ его стороны, вооружить всѣхъ противъ себя, и наложить молчанїе на своихъ подкупленныхъ рабовъ, которые, желая усыпить насъ, доказываютъ, будто Царь Македонской не врагъ Республикѣ! Но какой благоразумной человѣкъ судитъ по словамъ, а не дѣламъ, съ кѣмъ мы въ войнѣ, съ кѣмъ въ мирѣ!

Прежде нежели Діопитъ принялъ начальство надъ вашимъ войскомъ, прежде отправленія нашей колоніи въ Херсонесъ, Филиппъ овладѣлъ Серріею и Дорискомъ, выгналъ Аѳинскій отрядъ, оставленный нашимъ военачальникомъ въ Серріи и на Горѣ Священной — и въ какое время? когда онъ торжественно заключилъ миръ. Никто, не говори мнѣ: „для чего упоминать о сихъ мѣстахъ? для чего думать о такихъ неважныхъ предметахъ?“ Естьли вы не хотите думать, мнѣ остается молчать; но то истина, что самое малѣйшее нарушеніе мира есть все нарушеніе. И посылая войско въ Херсонесъ, о которомъ ни Персидскій Царь, ни Греки никогда съ нами не спорили; помогая тамъ мятежникамъ, признаваясь въ томъ откровенно въ письмѣ своемъ, что говоритъ Филиппъ? Утверждаетъ, что не думаетъ быть нашимъ врагомъ! Но я, видя его умышленіе противъ Мегары; видя, что онъ вводитъ тиранское правленіе въ Эвбеѣ, вступаетъ во Ѳракію, тайно питаетъ раздоры въ Пелопонезѣ, силою оружія достигаетъ во всемъ до своей цѣли — видя то, говорю, что онъ ведетъ съ вами войну. Приготовляются осаждать городъ; но только машины еще не подвезены къ стѣнѣ: скажете ли, что на-

добно ихъ дожидаться и называть непріятеля другомъ, пока онъ не разрушилъ стѣнъ градскихъ? Нѣтъ конечно; и человѣкъ, умышляющій погубить меня, есть мой непріятель, хотя еще и не язвитъ меня ни копьемъ, ни стрѣлами. Что будетъ, естьли Филиппъ успѣетъ? Вы лишитесь Геллеспонта; Эвбея и Мегара отворятъ ему ворота; весь Геллеспонтъ возметъ его сторону. И человѣкъ, имѣющій такое намѣреніе, есть другъ Аѳинской Республики? Нѣтъ, нѣтъ! Онъ объявилъ вамъ войну въ самый тотъ день, какъ возсталъ противъ нещастныхъ Фокеянъ; и вамъ должно, должно обороняться, или будетъ поздно; захотите, но не найдете уже способовъ.

Мысли мои совсѣмъ не согласны съ мыслями другихъ Ораторовъ. Мнѣ кажется, что, не теряя времени въ спорахъ о Херсонесѣ и Византіи, мы должны летѣть къ нимъ на помощь, привести ихъ въ безопасное состояніе, доставить все нужное нашимъ войскамъ, тамъ находящимся; однимъ словомъ, взять мѣры для спасенія Греціи отъ величайшаго бѣдствія. Я скажу вамъ причину моего страха. Когда найдете, что мысли мои справедливы, то воспользуйтесь ими для собственнаго вашего блага, естьли благо

другихъ васъ не занимаетъ. Когда же мои чаянія покажутся вамъ ложными и слѣдствіемъ разстроеннаго воображенія, то не слушайте меня ни теперь, ни послѣ, и скажите, что я не имѣю права называться здравомыслящимъ человѣкомъ.

Не буду говорить о томъ, что силы Филипповы, въ началѣ столь ограниченныя и слабыя, безпрестанно возрастали и возрастаютъ; что Греки нынѣ въ страхѣ, въ безпокойствѣ, въ раздорѣ; и что ему не мудрено покорить теперь и остатокъ Греціи, когда онъ изъ ничего умѣлъ возвыситься до такой степени. Оставляю сіе, чтобы говорить объ одномъ предметѣ. Всѣ Греки, начиная съ васъ, дали Филиппу то право, которое искони было источникомъ войны: право дѣлать все, что ему угодно — брать города, земли, порабощать народы. Вы, Аѳиняне, были властелинами Греціи въ теченіе семидесяти трехъ лѣтъ; Спартанцы господствовали около тридцати лѣтъ; Ѳивяне имѣли нѣкоторый перевѣсъ въ наше время, послѣ Левктрскаго сраженія. Однакожь ни вамъ, ни Спартанцамъ, ни Ѳивянамъ, народы не давали безпредѣльной власти. Напротивъ того всѣ Греки, и даже не имѣвшіе никакихъ при-

чинъ жаловаться на Аѳины, вооружились вмѣстѣ съ тѣми, которые почитали себя оскорбленными — вооружились противъ васъ или отцевъ вашихъ, не дружелюбно поступавшихъ съ нѣкоторыми городами. Когда же Лакедемонцы, лишивъ насъ власти, присвоили ее себѣ, тогда всѣ Греки противъ нихъ возстали, и тѣ, которымъ они не сдѣлали никакого зла; для того, что Лакедемонъ хотѣлъ вводить новыя правленія въ Республикахъ. Но то, чѣмъ обвиняли Спартанцевъ въ ихъ тридцатилѣтнее, а вашихъ предковъ въ семидесятилѣтнее господство, было совсѣмъ не важно, было ничто въ сравненіи съ насильственными поступками тирана Филиппа въ теченіе его тринадцатилѣтнихъ успѣховъ: что въ немногихъ словахъ могу доказать ясно.

Я не говорю о Меѳонѣ, Олинѳѣ, Аполлоніи, о тридцати двухъ Ѳракійскихъ городахъ, имъ разрушенныхъ, такъ что и мѣсто ихъ едва примѣтно; не говорю о Фокеянахъ, сильномъ народѣ, разоренномъ Филипповою жестокостію: но въ какомъ состояніи теперь Ѳессалійцы? Не разграбилъ ли онъ ихъ городовъ? не перемѣнилъ ли законовъ? не отдалъ ли во власть своимъ Тетраркамъ? не ввелъ ли въ Эвбеѣ тиранскаго правленія? Какая гордость видна въ

его письмахъ! *Я въ мирѣ единственно съ тѣми, которые мнѣ повинуются*: вотъ точныя слова его! Должно признаться, что Филиппъ говоритъ правду. Онъ идетъ къ Геллеспонту; нападалъ на Амвракїю, завладѣлъ Элидомъ, городомъ весьма важнымъ въ Пелопонезѣ, и не давно хотѣлъ взять Мегару. Однимъ словомъ, ни Грецїя, ни земли варварскїя не могутъ насытить его властолюбїя. Всѣ, сколько насъ есть Грековъ — всѣ мы видимъ, знаемъ, и ничего не дѣлаемъ! Вмѣсто того, чтобы воспламениться ревностїю и гнѣвомъ, отправить пословъ къ другимъ Грекамъ, заключить общїй союзъ противъ общаго непрїятеля, мы даемъ ему полную волю умножать силы свои, думая, кажется, что время, употребляемое Филиппомъ на погибель иныхъ народовъ, есть выигранное нами время! Но кому не извѣстно, что Филиппъ, подобно эпидемической болѣзни или язвѣ, внезапно умерщвляетъ и тѣхъ, которые по видимому были далѣе всѣхъ отъ опасности?

Греки, терпя иногда отъ Аѳинъ и Лакедемона, терпѣли по крайней мѣрѣ отъ истинныхъ дѣтей Грецїи; и вину нашу можно было уподобить безразсудности законнаго, расточительнаго сына,

который хотя и во зло употребляетъ полученное имъ наслѣдство, однакожь свое, а не чужое имѣнїе проживаетъ. Но естьли рабъ презрительный, сынъ ложный расточаетъ не принадлежащее ему имѣнїе: то сносно ли его безстыдство? Съ чѣмъ же лучше сравнять поступки Филипповы и самого Филлиппа, который вопервыхъ совсѣмъ не Грекъ, вовторыхъ и между варварами не можетъ хвалиться знатнымъ происхожденїемъ; который есть ничто иное, какъ бѣдный Македонецъ, родомъ изъ такой земли, откуда и хорошихъ невольниковъ не привозятъ? До какой неслыханной крайности доходитъ его дерзость! Не буду уже говорить о Греческихъ городахъ, имъ разоренныхъ; но не предсѣдаетъ ли онъ на Пиѳїйскихъ играхъ, собственно принадлежащихъ всей Грецїй? Не посылаетъ ли вмѣсто себя даже рабовъ своихъ, быть тамъ главными судїями? Овладѣвъ Термопилами и другими важными мѣстами въ Грецїи, не поручилъ ли хранить оныя наемнымъ воинамъ? Не присвоилъ ли себѣ *священныхъ правъ* (*), отнявъ ихъ у Фокеянъ — правъ, которыми не всѣ Греки

(*) Фокеяне имѣли право прежде всѣхъ входить во святилище Оракула.

пользуются, и которыхъ онъ не хочетъ уступить намъ, Ѳессалїйцамъ, Дорїянамъ и другимъ Амфиктїонамъ? Не предписываетъ ли Ѳессалїйцамъ образъ правленїя? Не посылаетъ ли войска и въ Портмосъ, чтобы выгнать оттуда народъ Эретрїйской, и въ Орею, чтобы возстановить тамъ власть тирана Филистида? Греки, какъ праздные зрители, смотрятъ на его дѣла, подобно тѣмъ людямъ, которые видятъ падающїй изъ облаковъ градъ, и сложивъ руки, молятъ боговъ, чтобы онъ упалъ не на ихъ землю. Никто не вступается за другихъ; никто и за себя не вступается: вотъ крайняя степень безчувственности! Не нападалъ ли Филиппъ на Амѳракїю и на Левкадъ, Коринѳскїе города? Не отнялъ ли Навпакта у Ахеянъ, и не обѣщалъ ли его Этолїйцамъ? Не отнялъ ли Эсхины у Ѳивянъ, и не идетъ ли теперь противъ Византїи, союзнаго съ нами города? Умалчиваю о прочемъ. Не завладѣлъ ли онъ еще Кардїею, одною изъ важнѣйшихъ Херсонесскихъ крѣпостей? Всѣ равно оскорбленные, мы медлимъ, боимся дѣйствовать, смотримъ другъ на друга, другъ другу не довѣряемъ, между тѣмъ, какъ Филиппъ готовитъ общую погибель. Естьли сей человѣкъ презираетъ всю Грецїю,

что будетъ тогда, какъ онъ поработитъ насъ каждаго въ особенности?

Что же виною сего безпорядка? Ибо не безъ причины всѣ Греки, нѣкогда ревностные любители свободы, расположены теперь къ рабству. Тогда, о сограждане! тогда въ сердцѣ народовъ пылало чувство, нынѣ охладѣвшее; чувство, которое торжествовало надъ Персидскимъ златомъ, хранило вольность Греціи, дѣлало ее побѣдоносною на землѣ и на морѣ, и съ которымъ исчезла ея слава. Какое же было сіе чувство? Не слѣдствіе утонченной Политики, но общая ненависть къ тѣмъ людямъ, которые принимали дары отъ тирановъ Греціи, хотѣвшихъ властвовать, угнетать ее. Тогда надлежало единственно обличить виновнаго; не было извиненія, не было прощенія! Ни Ораторы, ни военачальники не продавали тогда выгодъ своего отечества, ни внутренняго согласія, ни того недовѣренія, которое всѣ Греки должны имѣть къ тиранамъ и варварамъ; однимъ словомъ, ничего утверждающаго свободу нашу. Теперь все продается; завидуютъ тому, кто болѣе получаетъ; смѣются, когда недостойный гражданинъ самъ признается во взяткахъ; прощаютъ, когда другіе облича-

ютъ его; досадуютъ на тѣхъ, которые возстаютъ противъ общаго развратa; подлое корыстолюбїе боготворимо Греками. Когда состоянїе Республики было лучше нынѣшняго? У насъ довольно и войска, и кораблей, и денегъ, и всего нужнаго для войны; но (благодаря гнусному корыстолюбїю нашихъ изимѣнниковъ!) все сїе остается безъ дѣйствїя и безъ пользы для Республики.

Нѣтъ нужды изчислять: вы сами видите всѣ опасныя злоупотребленїя нынѣшняго времени. Но я докажу вамъ, что отцы наши думали не такъ, какъ мы; докажу надписью, вырѣзанною ими на мѣдномъ столпѣ въ нашей крѣпости, не для оживленїя той добродѣтели, которая обитала въ ихъ сердцахъ, но для примѣра потомству. Сїя надпись гласитъ: *Да будетъ вѣчно въ поношенїи имя Аремїя, сына Пиѳонаксова, родомъ изъ Зелїи, объявленнаго непрїятелемъ Аѳинъ и союзниковъ ихъ за то, что онъ привезъ въ Пелопонезъ Персидское золото.* Именемъ Юпитера и всѣхъ боговъ заклинаю васъ войти въ самихъ себя и почувствовать мудрость нашихъ предковъ. Нѣкто Аремїй, житель Зелїи, рабъ Царя Персидскаго (ибо Зелїя въ Азїи), объявленъ врагомъ Аѳинянъ и союзниковъ ихъ за то, что онъ,

по волѣ своего Государя, привезъ золото къ Грекамъ, и не въ Аѳины, а въ Пелопонезъ! Не довольно, что имя его было предано общему поношенію (ибо житель отдаленнаго города могъ бы и не уважить того), но по силѣ закона всякой имѣлъ право умертвить человѣка, объявленнаго врагомъ Республики. — Сіе доказываетъ, что отцы наши пеклись о благѣ всей Греціи; иначе какая нужда была имъ до золота, которымъ иностранецъ хотѣлъ развратить Пелопонесскихъ гражданъ? За то, въ ихъ время, въ славные дни Аѳинской добродѣтели, варвары страшились Грековъ, а не Греки варваровъ; въ наши дни видимъ противное, ибо мы не слѣдуемъ правиламъ отцевъ нашихъ. Какъ же поступаемъ? нужно ли сказывать? И однихъ ли васъ укорять должно, когда другіе Греки столь же слабы, столь же безпечны? Скажу единственно то, что обстоятельства наши требуютъ величайшаго вниманія, и что вы имѣете нужду въ полезномъ совѣтѣ. Угодно ли вамъ выслушать? не будете ли досадовать? — Писарь! читай мое предложеніе (*).

(*Читаютъ оное народу.*)

(*) Вѣроятно, что Демосѳенъ предлагалъ народу всеобщее вооруженіе.

Впрочемъ удивляюсь простотѣ Ораторовъ, говорящихъ для нашего успокоенія, что силы Филипповы не могутъ еще равняться съ силами Лакедемона, который, будучи въ союзѣ съ Царемъ Персидскимъ, не давно повелѣвалъ на сушѣ и на морѣ, но былъ усмиренъ Аѳинами.

Я думаю, что нынѣ все перемѣнилось; все стало не такъ, какъ было, особливо въ разсужденіи войны. Прежде Спартанцы и другіе Греки выходили въ поле только на четыре или на пять мѣсяцовъ, и то въ хорошее время года; вступали въ непріятельскую землю, сражались, побѣждали и распускали войско, состоявшее изъ гражданъ; каждый возвращался домой. Тогда явною силою и храбростію, а не деньгами, пріобрѣталась честь побѣды. Нынѣ, какъ вамъ самимъ извѣстно, все дѣлается измѣною, и сраженія не рѣшатъ ничего. Филиппъ, оставляя тяжелое войско свое, идетъ куда хочетъ съ конницею, легкою пѣхотою и чужеземными стрѣльцами. Является съ подвижнымъ станомъ своимъ подъ стѣною городовъ, которыхъ жители другъ съ другомъ несогласны; — естьли они не смѣютъ вытти, не смѣютъ сразиться, то велитъ дѣйствовать меха-

ническимъ орудїямъ, и беретъ города приступомъ. Не говорю о томъ, что ему нѣтъ нужды до времени; онъ въ полѣ зимою и лѣтомъ.

И такъ бойтесь впустить непрїятеля въ Аттику, и не думайте, что нынѣшняя война подобна древнимъ. Надобно предвидѣть вещи издалека, держать войско въ готовности, окружить Монарха со всѣхъ сторонъ въ его землѣ, но удаляться отъ рѣшительнаго сраженїя. Вообще имѣемъ мы многїя выгоды надъ Филиппомъ, — выгоды, которыми всегда можемъ воспользоваться: можемъ съ разныхъ сторонъ войти въ его государство и разорить оное; но за то имѣетъ онъ болѣе опытности въ сраженїяхъ.

Напрасно силою оружїя будете воевать съ Царемъ Македонскимъ, естьли не уймете прежде Ораторовъ, его помощниковъ. Вѣрьте, что не можете побѣдить внѣшняго врага, когда внутреннїе измѣнники остаются безъ наказанїя. Чудесное, непонятное ослѣпленїе! Мнѣ часто кажется, что Духъ злобы, какой нибудь враждебный Генїй непремѣнно хочетъ нашей погибели. Не знаю, сограждане, не знаю, что въ васъ дѣйствуетъ: вѣтреность, зависть, склонность къ сатирѣ или что другое; но вижу, что вы позволяете

всходить на каѳедру подкупленнымъ рабамъ, которые не могутъ отпереться отъ сего имени; даете имъ полную свободу говорить и смѣетесь ихъ ядовитымъ насмѣшкамъ надъ ревностными гражданами. Сего еще не довольно: людей безчестныхъ, явныхъ измѣнниковъ, судите вы въ общественныхъ дѣлахъ не такъ строго, какъ Ораторовъ благонамѣренныхъ! Вспомните, граждане, вспомчите, до какихъ бѣдствій доведены были народы коварными измѣнниками! Я буду говорить только объ извѣстныхъ примѣрахъ.

Въ Олинѳѣ многіе изъ народныхъ Ораторовъ защищали Филиппа, будучи на его сторонѣ; другіе, любя свободу, хотѣли удалить рабство. Которые погубили отечество, и предали Филиппу войско Республики? Защитники Царя Македонскаго, подлые, гнусные корыстолюбцы; они безпрестанно чернили истинныхъ друзей свободы, заставили народъ изгнать Аполлонида, храбраго, ревностнаго военачальника — и Олинѳъ не существуетъ!

Въ Эретріи (когда народъ, выгнавъ Плутарха съ чужеземцами, бывшими у него на жалованьи, снова овладѣлъ своимъ городомъ и Поремосомъ) нѣкоторые Ораторы держали нашу сторону, другіе сторону Царя Македонскаго. Нещастные

Эретрїйцы, слушая болѣе послѣднихъ, или, лучше сказать, ихъ однихъ слушая, выслали изъ отечества вѣрнѣйшихъ своихъ начальниковъ. Филиппъ, ихъ другъ и союзникъ, послалъ тогда въ Эретрїю отрядъ войска, велѣлъ срыть всѣ укрѣпленїя, и покорилъ жителей тремъ тиранамъ. Народъ хотѣлъ освободиться отъ ига сей беззаконной власти; но Монархъ нашелъ способъ снова поработить гражданъ, и чужестранными войсками выгналъ ихъ изъ отечества.

Нужны ли вамъ еще другїе примѣры? Въ Ореѣ властвуютъ теперь Филистидъ, Мениппъ, Сократъ, Аганей и Ѳеасъ; всѣ они явно служили Филиппу. Нѣкто Эвфрей ревностно стоялъ за вольность своего отечества; но вмѣсто благодарности, народъ ненавидѣлъ и гналъ его. За годъ до взятїя Ореи, преданной измѣною Филистида и его сообщниковъ, Эвфрей обнаружилъ ихъ злоумышленїе; но люди, подкупленные Монархомъ, назвали сего вѣрнаго гражданина нарушителемъ общаго покоя и заключили въ темницу. Народъ, свидѣтель сего насилїя, вмѣсто того, чтобы вступиться за Эвфрея и наказать его гонителей, хвалилъ ихъ, ругался надъ нимъ, и говорилъ, что онъ терпитъ за дѣло. Измѣн-

ники, ободренные успѣхомъ, дѣлали что хотѣли, и могли безъ всякаго противорѣчія губить свое отечество. Нѣкоторые видѣли ихъ умыселъ, но молчали, безъ сомнѣнія устрашенные примѣромъ нещастнаго Эвфрея, такъ, что наканунѣ величайшаго бѣдствія никто не смѣлъ говорить до самаго того часа, какъ непріятель окружилъ городъ. Тогда одни защищались, другіе измѣняли. Орея пала — рабы Монарховы присвоили себѣ правленіе, и будучи единственными властелинами, начали гнать тѣхъ, которые всѣмъ жертвовали и готовы были еще всѣмъ пожертвовать, чтобы спасти начальника ревностныхъ гражданъ и самихъ себя; одни изгнаны, другіе казнены. Что принадлежитъ до Эвфрея, то онъ произвольною смертію доказалъ свою добродѣтель и чистую любовь къ отечеству.

Но для чего Олинѳійцы, Эретріяне, Орейцы слушали прислужниковъ Филипповыхъ охотнѣе, нежели друзей отечества? Вы, можетъ быть, съ удивленіемъ ищете причины; но она и въ Аѳинахъ дѣйствуетъ. Ораторы, имѣющіе въ виду благо отечества, не могутъ всегда говорить пріятное, ибо имъ надобно предлагать иногда жестокія средства для от-

вращенія бѣдствій. Напротивъ того измѣнники, служащіе непріятелю, стараются всячески льстить народу. Одни, на примѣръ, хотѣли новыхъ налоговъ; другіе говорили, что ихъ не надобно. Одни совѣтовали готовиться къ войнѣ; другіе, до самой минуты нещастія, доказывали блаженство мира и возможность наслаждаться онымъ. И такъ одни ласкали слабостямъ, а другіе давали совѣты, которые могли бы спасти отечество, не не могли нравиться. Что сдѣлали народы? Наконецъ все оставили, отъ всего отказались, не по необходимости и невѣжеству, но отъ слабодушнаго отчаянія. Боюсь, чтобы и вы не дошли до такого состоянія, когда увидите истину, но не найдете уже средствъ избавиться отъ бѣды. Для того ненавижу, проклинаю тѣхъ, которые по вѣроломству или безразсудности хотятъ привести васъ въ отчаяніе. Да сохранятъ насъ боги отъ такой крайности! Лучше тысячу разъ умереть, нежели въ угодность Филиппу пожертвовать хотя однимъ изъ вашихъ вѣрныхъ Ораторовъ! Ореяне достойнымъ образомъ награждены за то, что они вѣрили слугамъ Царя Македонскаго, и презрѣли совѣты Эвфреевы! Эретрійцы много вы-

играли отъ того, что не приняли вашихъ пословъ и отдались тирану, который обходится съ ними какъ съ рабами, сѣчетъ ихъ и пытаетъ! Олинѳійцы весьма довольны тѣмъ, что выгнали Аполлонида и поручили войско Ласѳену! Безумно для насъ уподобиться въ разсужденіи сего другимъ народамъ, не брать нужной осторожности, и думать, что Аѳинская Республика не должна ничего бояться. Постыдно будетъ вамъ въ случаѣ нещастія сказать: *кто могъ вообразить, кто могъ предвидѣть! надлежало бы поступить иначе, чтобы избѣжать бѣдствія!* Олинѳійцы знаютъ теперь, что должно, и чего не должно было имъ дѣлать для своего спасенія; знаютъ и Фокеяне, знаютъ всѣ погибшіе народы. Но къ чему служитъ такое знаніе? Плаватели должны думать о цѣлости корабля своего тогда, какъ онъ еще можетъ сражаться съ волнами; когда море поглотитъ его, не время будетъ спасаться. Такъ и мы должны дѣйствовать, пока существуемъ, имѣемъ достаточныя силы, способы, славное имя! Какъ же дѣйствовать? можетъ быть нѣкоторые хотятъ то слышать въ сію же минуту. И такъ я предложу свое мнѣніе, чтобы вы, въ случаѣ одобренія, могли исполнить нужное.

Прежде всего надобно вооружиться, снарядить флотъ, собрать войско, приготовить деньги: ибо Аѳины должны сражаться за вольность и тогда, когда всѣ другіе Греки согласятся рабствовать. Явивъ сей примѣръ Греціи, возбудимъ другіе народы; отправимъ всюду пословъ, объявить наше намѣреніе въ Пелопонезѣ, жителямъ острова Хіо, Царю Персидскому, для котораго такъ же, какъ и для насъ, опасенъ Царь Македонской. Естьли ваши причины найдутся основательными, то у насъ будутъ союзники, которые въ случаѣ нужды раздѣлятъ съ нами опасность и всѣ убытки; а естьли нѣтъ, то выиграете хотя время. Вашъ непріятель дѣйствуетъ одинъ, исполняетъ все гораздо скорѣе, нежели Республика, медленно собирающая силы свои; отсрочка будетъ намъ полезна. Въ прошедшемъ году видѣли вы успѣхъ нашего посольства въ Пелопонезѣ, гдѣ я, Поліевктъ, сей рѣдкій гражданинъ, Эгесипъ, Клитомахъ, Ликургъ и другіе наши товарищи возбудили Грековъ противъ Филиппа, не дали ему взять Амвракіи и напасть на самый Пелопонезъ.

Однакожь не совѣтую вамъ возмущать другихъ, естьли вы сами не хотите ничего дѣлать: ибо смѣшно безпо-

коиться о постороннихъ дѣлахъ, когда о своихъ не думаемъ, и страшать другихъ будущимъ временемъ, когда мы сами о настоящемъ не заботимся. Но я говорю, что вамъ должно отправить жалованье и помощь нашему Херсонесскому войску, вооружиться первымъ, быть образцемъ, и потомъ уже сказать другимъ Грекамъ: *слѣдуйте нашему примѣру! спасайте отечество!* Вотъ дѣло достойное Аѳинской славы! Не думайте, чтобы Халкида и Мегара (*) защитили Грецію. Хорошо, естьли сіи два города могутъ и себя защитить! Вамъ должно мыслить о благѣ и спасеніи Греціи; вы наслѣдовали честь сію отъ нашихъ предковъ; для васъ они пріобрѣли ее многими славными побѣдами. Когда сами будемъ праздны въ роскоши и нѣгѣ, то никто не будетъ за насъ дѣйствовать. Впрочемъ боюсь, чтобы скоро необходимость не принудила васъ къ тому, что теперь вамъ не нравится. Естьли бы другіе Греки хотѣли взять на себя вашу должность, то они давно бы уже явились на ратномъ полѣ; но желающихъ нѣтъ!

(*) Мегара и Халкида двѣ крѣпости, которыя защищали входъ въ Аттику.

Аѳиняне! я все сказалъ, что, какъ мнѣ кажется, должно поправить наши дѣла. Кто можетъ предложить лучшій совѣтъ, пусть говоритъ! На что бы вы ни рѣшились, желаю вамъ успѣха; желаю блага и славы моему любезному отечеству!

II.

О Геттингенскомъ Университетѣ.

(Сочиненіе одного изъ молодыхъ Россіянъ, которые нынѣ тамъ учатся.)

Естьли Вольтеръ сказалъ справедливо, что жизнь великихъ Писателей находится въ ихъ произведеніяхъ: то въ томъ же смыслѣ можно сказать еще справедливѣе, что Исторія Университетовъ находится въ сочиненіяхъ мужей славныхъ, которые были ихъ Членами. Исторія Геттингенскаго Университета доказываетъ,

Qu' aux ames bien nées
La vertu n'attend pas le nombre des années.

Судя о древности его по числу важныхъ услугъ, оказанныхъ имъ Наукамъ и Словесности, мы подумали бы, что онъ существуетъ уже нѣсколько вѣковъ, хотя

въ самомъ дѣлѣ основанїе его было въ 1734 году.

Въ сїе время Ганноверскїй Домъ утвердился на тронѣ Великобританскомъ. Желая озарить лучемъ Королевскаго Величества наслѣдственныя свои владѣнїя, Георгъ II рѣшился основать въ Курфиршествѣ своемъ Университетъ, достойный могущественнаго Государя, и, въ знакъ особеннаго къ нему благоволенїя, объявилъ себя начальникомъ его подъ именемъ *Великаго Ректора.*

Благому намѣренїю Его Величества достойно споспѣшествовалъ тотъ мужъ, которому поручено было исполнить оное. — Имя Г. Мюнхенгаузена, впрочемъ извѣстное въ Европѣ, вѣчно будетъ любезно и священно сердцамъ Ганноверскихъ жителей вообще, и въ особенности Геттингенскому Университету.

Одно положенїе сего города оправдываетъ уже то славное преимущество, которое дано ему предъ многими другими, завидующими его Университету. — Геттингенская долина могла бы служить прелестнымъ украшенїемъ для всякой страны, какъ бы она впрочемъ ни была обогащена дарами Натуры. Сїя долина представляетъ множество видовъ столь разнообразныхъ, что самому искусному

живописцу трудно прибавить еще что нибудь къ красотѣ ея ландшафтовъ.

Желая дать идею о плодородіи Геттингенскихъ окрестностей, скажу единственно то, что верстахъ на трехъ отъ города, въ разныя стороны, считается 60 мѣстечекъ и селъ: картина живая, всегда занимательная и прелестная для глазъ и воображенія гуляющихъ, которые, послѣ умственной дѣятельности, желаютъ отдохнуть въ объятіяхъ Натуры!

Прежде думали, что вода рѣки Лены, которая по сей живописной долинѣ извивается съ юга на сѣверъ, не весьма здорова; но ея химическое раздѣленіе доказало, что она не только не вредна, но имѣетъ еще особенную силу предохранять человѣка отъ каменной болѣзни.

Впрочемъ долголѣтняя жизнь многихъ Геттингенскихъ гражданъ, изъ числа которыхъ упомяну только о Гольманнѣ, Кестнерѣ, Гейне и Путтерѣ, и бо́льшее число раждающихся, нежели умирающихъ, также опровергаютъ сей предразсудокъ, которой могъ бы имѣть вредное слѣдствіе, естьли бы укоренился: ибо *primo vivere, deinde philosophari* (*сперва надобно жить, а послѣ философствовать*).

Я не намѣренъ говорить здѣсь о древней исторіи Геттингена, которая на-

печатана подобно многимъ другимъ. Исторія городовъ безъ сомнѣнія пріятна для ихъ жителей; но другіе не могутъ брать въ ней живаго участія. Маловажныя подробности единственно тогда бываютъ занимательны, когда изображаютъ любимый предметъ. Чтобы любить, надобно знать; а чтобы знать Геттингенъ, надобно въ немъ жить.

Сей городъ достоинъ замѣчанія по своему правильному расположенію. Съ сѣвера на югъ идутъ въ немъ три большія улицы, которыя перерѣзываются также прямо тремя или четырмя, довольно широкими улицами, хорошо выстланными дикимъ камнемъ и обведенными по краямъ *троттуарами* или *намостомъ* для пѣшихъ: большая выгода для семи или осьми сотъ студентовъ, которые нѣсколько разъ въ день должны переходить изъ одной коллегіи въ другую, то есть отъ одного Профессора къ другому, для слушанія лекцій.

Домы почти всѣ новые, и лучше всякой книги прославляютъ Государей, основателей и покровителей сего Университета, равно какъ и достойныхъ Профессоровъ, которыхъ громкія имена способствовали распространенію города, и доставили жителямъ средство помѣщать

у себя болѣе 1200 студентовъ въ хорошихъ комнатахъ, такъ, что самые знаменитые Принцы могли здѣсь жить сообразно съ ихъ величїемъ (*).

Сей небольшой городъ (въ которомъ половина садовъ) кромѣ площадей и улицъ, въ окружности своей имѣетъ полмили. Прекрасной видъ домовъ, смотрѣнїе Полицїи за чистотою и всеобщая безопасность, не смотря на множество людей: все способствуетъ къ тому, чтобы сдѣлать Геттингенъ самымъ прїятнымъ мѣстомъ. Вниманїе къ малѣйшимъ удобностямъ доказываетъ, что предметы, еще достойнѣйшїе уваженїя, не могли быть забыты.

Геттингскїй Университетъ былъ основанъ однимъ, такъ сказать, разомъ и въ такое время, когда частныя выгоды и неудобства подобныхъ заведенїй, находившихся тогда въ Европѣ, были столько извѣстны, что требовали новаго благоразумнѣйшаго учрежденїя, достойнаго быть примѣромъ для будущихъ. Съ другой стороны Августѣйшїй Учредитель назначилъ ему великїе доходы, чтобы привлечь сюда многихъ ученыхъ мужей Германїи. Георгъ II основалъ Геттингенской

(*) На примѣръ, дѣти Короля Англїйскаго, Курфирстовъ, и проч.

Университетъ такъ точно, какъ Лудовикъ XIV соорудилъ очаровательной Версальской дворецъ. — Версалія и Геттингенской Университетъ при самомъ началѣ своемъ привлекли множество иностранцевъ: одна для прельщенія взоровъ величественнымъ зрѣлищемъ, а другой для образованія и украшенія ума познаніями въ школѣ знаменитыхъ мужей, такихъ, какъ *Альбрехтъ Галлеръ*, Членъ всѣхъ почти ученыхъ Европейскихъ обществъ, котораго одно имя служитъ похвальнымъ словомъ. Извѣстный въ юности своей по стихотворству, онъ съ Лейбницомъ былъ величайшимъ Полигисторомъ и Полиграфомъ (*) новѣйшихъ временъ. Галлеръ особенно безсмертенъ по своей Физіологіи — сочиненію, происшедшему отъ 50-лѣтнихъ опытовъ и наблюденій, — и по наукѣ своей *о раздражительности мускуловъ*: что, вмѣстѣ съ таблицами луны Товія Меера, распространило славу Геттингенскаго Университета за предѣлы Германіи. Ему одолженъ сей Университетъ Ботаническимъ заведеніемъ и Амфитеатромъ Анатомическимъ. Онъ училъ

(*) Полигисторъ — человѣкъ имѣющій обширныя познанія; Полиграфъ — о многомъ пишущій.

17 лѣтъ въ Геттингенѣ, и наконецъ — что достойно любопытства — хотѣлъ уступить мѣсто свое Линнею.

Бишингъ извѣстенъ по сочиненіямъ; на примѣръ по своей классической Географіи. Онъ долженъ быть незабвеннымъ для Россіи, потому что основалъ въ Петербургѣ *школу Св. Петра. Тобій Мейеръ* безсмертенъ по своимъ таблицамъ луны, которыя служатъ для опредѣленія долготы мѣстъ — произведеніе, за которое фамилія его получила отъ Англіи 3000 фунтовъ стерлинговъ.

Сихъ знаменитыхъ мужей должно, послѣ Георга II и Г. Мюнхенгаузена, назвать вторыми основателями Геттингенскаго Университета; и тѣ, которые заступили ихъ мѣсто, не менѣе извѣстны въ ученомъ свѣтѣ.

Славный Кестнеръ соединялъ въ себѣ въ превосходной степени двѣ способности, которыя очень рѣдко бываютъ вмѣстѣ: способность къ Математикѣ и Поэзіи.

Лихтенбергъ былъ одинъ изъ превосходнѣйшихъ Геніевъ Нѣмецкой земли: что доказываютъ остроумныя и тонкія мысли его о различныхъ физическихъ матеріяхъ; онѣ разсѣяны въ сочиненіяхъ другихъ и въ *Астрономическихъ* его *Эфемеридахъ* (на примѣръ въ Геттингенскомъ

Календарѣ, которой издавалъ онъ по смерти Эрклебена), и содержатъ въ себѣ неоцѣненныя сокровища истинъ, не многими замѣчаемыхъ. Онъ еще извѣстнѣе публикѣ по остроумному и пріятному изъясненію Гогартовыхъ каррикатуръ.

Имена нынѣшнихъ Членовъ доказываютъ, что Университетъ въ семъ отношеніи хранитъ свою знаменитость.

Геттингенской Университетъ, названный по основателю своему, Georgia Augusta, состоитъ по общему раздѣленію, всѣми вообще принятому, изъ четырехъ Факультетовъ: Богословскаго, Юридическаго, Медицинскаго и Философскаго. — Въ каждомъ Факультетѣ есть Деканъ, а главный Чиновникъ Проректоръ. Онъ по очереди избирается изъ Ординарныхъ Профессоровъ каждаго Факультета, и перемѣняется ежегодно.

Слѣдующее извѣстіе о Профессорахъ, какъ Ординарныхъ, такъ и Экстраординарныхъ, находящихся при Геттингенскомъ Университетѣ, доказываетъ, что онъ можетъ славиться великимъ числомъ отличныхъ Ученыхъ. Превосходныя сочиненія, которыми они обогатили и еще ежедневно обогащаютъ ученый свѣтъ, служатъ матеріалами не

только для ихъ лекцій, но и для многихъ другихъ Профессоровъ Европейскихъ Университетовъ.

Богословскій Факультетъ.

Г. *Планкъ*, одинъ изъ первыхъ Нѣмецкихъ Богослововъ. Онъ занимаетъ первое мѣсто въ семъ Факультетѣ.

Его лекціи заключаютъ въ себѣ особенно исторію Церкви и догматическую Богословію — руководства его и другія сочиненія считаются классическими.

Штейдлинъ имѣетъ рѣдкое достоинство. Онъ первый примѣнилъ Кантову Философію къ Богословіи. Въ лекціяхъ своихъ изъясняетъ Новый Завѣтъ, и проходитъ философическимъ и историческимъ образомъ догматическую часть Богословіи. Его сочиненіе *о духѣ Скептицизма* давно прославило его между Философами.

Аммонъ, съ предшественниками своими Морецолемъ, Реингардомъ и Гуфнагелемъ, изъ числа первыхъ проповѣдниковъ Нѣмецкихъ. Онъ первый далъ эстетическую форму превосходнымъ своимъ проповѣдямъ. Проходитъ догматическую часть Богословіи, и есть начальникъ Института Проповѣдниковъ.

Юридическій Факультетъ.

Г. *Путтеръ*, Тайный Совѣтникъ, занимаетъ первое мѣсто въ семъ Факультетѣ, и считается вообще всѣми первымъ Юрисконсультомъ въ Германіи, которая одолжена ему многими Профессорами своихъ Университетовъ, и большая часть государственныхъ людей поставляютъ себѣ за честь, что были его учениками. Можетъ быть, нѣтъ ни одной части Юриспруденціи, которой бы онъ не распространилъ или не изъяснилъ. Не говоря о множествѣ важныхъ судебныхъ дѣлъ, Путтеръ рѣшилъ различныя дѣла многихъ самодержавныхъ Принцевъ; и хотя уже давно обучаетъ съ похвалою практическому Законоискусству, но все еще продолжаетъ, будучи 77 лѣтъ, сообщать свои знанія молодымъ людямъ, сколько ему здоровье дозволяетъ. Онъ примѣромъ своимъ доказываетъ, что душевныя силы могутъ замѣнять тѣлесную крѣпость.

Совѣтникъ Клапротъ проходитъ практическій курсъ судопроизводства, котораго основаніемъ служитъ его *Руководство.*

Совѣтники: Вальденъ, Рунде, Мейстеръ, — Профессоры Гуго, Лейстъ, Шпангенбергъ, Мартенъ, читаютъ съ успѣхомъ начальныя основанія Римскаго Права,

Право гражданское, уголовное и феодальное.

Профессоръ Шпангенбергъ окончилъ великое дѣло, начатое Гебауеромъ — собраніе законовъ.

Что касается до Г. Лейста, то онъ показываетъ себя достойнымъ ученикомъ Г. Путтера.

Надворный Совѣтникъ Г. Мартенсъ очень извѣстенъ по многимъ хорошимъ своимъ сочиненіямъ, и по тому, что былъ посыланъ на Регенсбургской Конгрессъ. Онъ не имѣетъ нужды въ особенной похвалѣ для тѣхъ, которые пріѣзжаютъ въ Геттингенъ учиться Дипломатикѣ.

Дипломатической курсъ его содержитъ:

1. Исторію мирныхъ договоровъ.
2. Право народное.
3. Отношеніе государствъ.
4. Право морское.
5. Два практическіе курса Дипломатики.

Онъ читаетъ иногда на Нѣмецкомъ, иногда на Французскомъ языкѣ.

Медицинской Факультетъ.

Совѣтникъ Врисбергъ занимаетъ въ немъ первое мѣсто, и по анатомической части равняется съ Земмерингомъ и Ло-

деромъ. Онъ съ великимъ успѣхомъ трудился для усовершенствованія Анатоміи Нервъ. Проходитъ Анатомію и Физіологію. —

Совѣтникъ Рихтеръ соединилъ Медицину съ Хирургіею. Успѣхи въ глазныхъ операціяхъ и важныя сочиненія прославили его имя. Рихтеръ одолженъ образованіемъ хирургическихъ способностей своихъ славной Парижской Хирургической Школѣ. Обширныя познанія, тонкой вкусъ и способность пріятно изъясняться, дѣлаютъ лекціи его столько занимательными для учениковъ, сколько онѣ пріятны для всѣхъ любителей сей науки; изъ числа учениковъ его считаются многіе извѣстные Медики, между прочими

Совѣтникъ Гимли, недавно призванный, и нынѣ занимающій мѣсто Г. Арнеманна. По щастливымъ успѣхамъ своимъ въ практикѣ, онъ получилъ названіе Директора Клиники, и исполняетъ должность съ ревностію и знаніемъ; читаетъ Патологію и Хирургію.

Совѣтникъ Блюменбахъ. — Естьли разсмотрѣть, сколь разнообразны и обширны предварительныя знанія, какая неутомимость и остроуміе потребны для наблюденій, дѣлающихъ наконецъ великаго Натуралиста: то не удивительно, что

всѣ люди единодушно, и во всякое время, соединяли высокое понятіе съ симъ славнымъ названіемъ. Кажется, что Натура, предлагая безчисленныя чудеса свои взору каждаго, открывала только не многимъ особеннымъ людямъ причины сихъ чудесъ. Натуралисты 18 вѣка, будучи въ семъ щастливѣе предшественниковъ своихъ, показали надежной путь, по которому впредь должны итти всѣ, желающіе отличиться въ сей превосходной Наукѣ. Между нынѣшними Натуралистами Европа справедливо отличаетъ Совѣтника Блюменбаха. Его сочиненія превосходны: чему несомнительнымъ доказательствомъ служитъ то, что они переведены на всѣ почти живые языки, и во многихъ Нѣмецкихъ Университетахъ приняты за лучшее руководство въ преподаваніи Натуральной Исторіи.

Г. Блюменбахъ читаетъ Натуральную Исторію, и въ особенности Минералогію, Остеологію, сравнительную Анатомію и Физіологію.

Точность и ясность особенно отличаютъ сочиненія великихъ Натуралистовъ: ибо понявъ хорошо, мы ясно выражаемъ идеи.

Г. Блюменбахъ въ преподаванїи лекцїй, такъ какъ и въ сочиненїяхъ своихъ, служитъ новымъ доказательствомъ сей истины. Никто не имѣетъ лучшей способности изъясняться съ благородною простотою.

Совѣтникъ Гмелинъ, родственникъ тѣхъ Гмелиновъ, которымъ много одолжена Россїя; знающїй Химикъ. Онъ читаетъ Химїю, Минералогїю и *Materiam Medicam.*

Г. Штромейеръ, Совѣтникъ и Докторъ Королевскїй, очень извѣстный въ Геттингенѣ по леченїю, которымъ онъ ежедневно занимается. Онъ посвятилъ себя совершенно облегченїю страждущаго человѣчества; благодѣтельныя его занятїя едва оставляютъ ему нѣсколько времени на то, чтобы учить, или изустно, или на бумагѣ.

Директоръ превосходнаго заведенїя, извѣстнаго подъ именемъ Школы повивальнаго искусства — учрежденїя подлинно Царскаго — есть Г. Озїандеръ, признанный вообще однимъ изъ первыхъ Акушёровъ Германїи. Но сїе отличное право, быть въ числѣ благотворителей человѣчества, доставили ему собственныя его достоинства; онъ первый уничтожилъ нѣкоторыя операцїи, оскорби-

тѣльныя для сей науки — такъ, на примѣръ, онъ не хотѣлъ слышать о изрѣзываніи на части младенцевъ въ утробѣ матерей — операція, нѣкогда бывшая въ употребленіи — на которую и теперь еще иные отваживаются съ жестокостію, постыдною для человѣчества. Благополучнымъ избавленіемъ младенцевъ, которыхъ число превышаетъ 500, онъ довольно доказалъ, что употребленіе изобрѣтеннаго имъ инструмента замѣняетъ сіи жестокія дѣйствія почти во всѣхъ случаяхъ. Г. Озіандеръ также ограничилъ тѣ операціи, въ которыхъ вырѣзываніе младенцевъ (l'operation césarienne) необходимо. Его щастливыя открытія, относительно къ сей части, не успѣли еще обратить на себя вниманія всякаго благоустроеннаго Правленія.

Слава Г. Озіандера, основанная такимъ образомъ на теоріи, подтвержденной практикою, привлекаетъ къ его лекціямъ не только молодыхъ слушателей, но даже многихъ его товарищей.

Г. Профессоръ Гофманъ занимаетъ отличное мѣсто въ числѣ Ботаниковъ. Его разсужденія о тайно-брачныхъ растѣніяхъ содѣлали имя его весьма извѣстнымъ въ ученомъ свѣтѣ, а особливо въ Англіи. Онъ прославился своею Flora

Germanica и своими plantae Lichenosae. Геттингенскіе сады ему одолжены умноженіемъ деревъ и украшеніемъ своимъ. На лекціяхъ отличается тѣмъ, что говоритъ просто и ясно. Естьли, какъ слышно, его звали въ Москву быть Профессоромъ Ботаники, то Московскій Университетъ долженъ радоваться пріобрѣтенію.

Профессоръ Шредеръ довольно извѣстенъ по той же части.

Профессоръ Каппель пользуется рѣдкимъ уваженіемъ въ его лѣта. Онъ читаетъ Броунову Систему.

Философскій Факультетъ.

Г. Тайный Совѣтникъ Гейне, столько прославившійся ученостію, и столь достойный называться ученымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Вкусъ классической Литтературы долго колебался въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, и даже въ другихъ мѣстахъ; но онъ поддержалъ его. Превосходныя его изданія Гомера, Виргилія и Аполлодора, хорошо оцѣнены тѣмъ, кто сказалъ, что они дѣлаютъ безполезными всѣхъ Комментаторовъ, прежде его бывшихъ. Франція и Англія единодушно предложили ему знаменитыя въ учености титла.

Г. Гейне читаетъ вообще всѣхъ Греческихъ и Латинскихъ Авторовъ. Во время

лѣтнихъ шести мѣсяцевъ онъ проходитъ курсъ Археологіи въ Библіотекѣ, которая, какъ извѣстно, имѣетъ великое собраніе сочиненій сего рода. Г. Гейне обремененъ должностями: у него на рукахъ Библіотека, Филологической Институтъ; онъ безсмѣнной Секретарь Академіи Наукъ, и сверхъ того Издатель *Журнала ученыхъ*.

Среди столь важныхъ его занятій, можно сказать ему то, что сказалъ Горацій Августу:

Quum tot ſuſtineas & tanta negotia ſolus
— — in publica commoda, peccem,
Si longe ſermone morer tua tempora... (*)

Но время коротко единственно для тѣхъ, кои не умѣютъ имъ пользоваться. Г. Гейне находитъ еще время для разговоровъ пріятныхъ и занимательныхъ, которыми всѣ вообще нетерпѣливо желаютъ наслаждаться. О естьли бы Геттингенскій Университетъ могъ долгое время сохранить сего драгоцѣннаго человѣка, къ которому можно еще отнести другой Горацієвъ стихъ:

(*) Когда одинъ ты столь многія и столь важныя дѣла отправляешь для общаго блага, то безстыдно было бы многословіемъ занимать твое время.

Dignum laude virum Musa vetat mori (*).

Совѣтникъ Шлецеръ. Кто не знаетъ, сколько одолжена ему Россійская Исторія? Онъ оживилъ почтеннаго Нестора, отца Россійской Исторіи. Воспитанникъ Геттингенскаго Университета, Шлецеръ сначала хотѣлъ путешествовать по восточнымъ землямъ, какъ самъ говоритъ въ описаніи своей жизни. . . .

Но къ щастію, обстоятельства привели его въ Россію, гдѣ полюбилъ онъ ея Исторію. Въ Статистикѣ, съ методическимъ вступленіемъ, которое почитается единственнымъ въ своемъ родѣ, и въ политическомъ курсѣ его виденъ обширный Геній. Его критика, предложеніе, слогъ, столь пріятны, что мы и слушаемъ и читаемъ Шлецера съ равнымъ удовольствіемъ, съ равнымъ почтеніемъ къ достойному истолкователю истины.

Послѣднее сочиненіе, имъ изданное, есть его Несторъ, столь благосклонно принятый Императоромъ АЛЕКСАНДРОМЪ.

Совѣтникъ Бекманъ, окончивъ курсъ Наукъ въ Геттингенѣ, путешествовалъ по Нидерландамъ для распространенія

(*) Муза достойнаго похвалы человѣка защищаетъ отъ смерти.

знаній своихъ въ мануфактурахъ и коммерціи.

Въ 1763 году Бекманъ отправился въ Петербургъ, гдѣ училъ въ Школѣ Св. Петра; оттуда ѣздилъ въ Швецію, гдѣ слушалъ лекціи Линнеевы, которой полюбилъ его. Въ Копенгагенѣ онъ пріобрѣлъ новыя познанія въ библіотекахъ и въ мануфактурахъ.

Наконецъ, возвратившись въ Геттингенъ, читалъ нѣсколько лѣтъ Физику, Математику и пр. Теперь проходитъ только Технологію, по самымъ лучшимъ руководствамъ, и посѣщаетъ съ слушателями своими мануфактуры, фабрики и заводы, находящіеся въ городѣ и не далеко отъ него. Онъ учитъ также Минералогіи; особенно же примѣняетъ ее къ Технологіи, Экономіи домашней и деревенской (пользуясь для сего послѣдняго экономическимъ садомъ), Коммерціи и Камералистикѣ, или наукѣ о доходахъ. Сей великой человѣкъ имѣетъ рѣдкую способность проходить методическимъ образомъ Экономію и Технологію: въ чемъ можно увѣриться, читая его *Compendium*. Можно также поставить въ числѣ классическихъ сочиненій его Исторію и нѣсколько томовъ его физико-экономической Библіотеки. Мнѣ позволятъ конечно при-

бавить здѣсь, что Г. Бекманъ чувствуетъ нѣжную любовь къ моему отечеству, и старается при всякомъ случаѣ доказать ее.

Совѣтникъ Мейнерсъ, обильнѣйшій Писатель Германіи, извѣстный по Исторіи и Философіи. Онъ читаетъ Исторію, Религію, Психологію, Исторію человѣчества и нравственную Философію.

Совѣтникъ Эйхгорнъ очень извѣстенъ по учености. Его сочиненія переведены на древніе языки. Онъ изъясняетъ Ветхій и Новый завѣтъ, написалъ краткую Исторію древнюю и новую; но особливо извѣстенъ по важному сочиненію, обьемлющему Исторію Наукъ и Литтературы, со времени ихъ возстановленія. Каждая часть описана однимъ изъ превосходныхъ ученыхъ мужей Германіи: на примѣръ Математика Г. Кестнеромъ, Химія Г. Гмелиномъ, Философія Г. Буле.

Совѣтникъ Мейеръ, достойный сынъ Товія Мейера. Изъ сочиненій его особенно отличается практическая Геометрія; онъ проходитъ Смѣшенную Математику и Опытную Физику. Видя, сколь удачны его опыты, можно увѣриться, что онъ совершенно знаетъ теорію, которая необходима для удачной практики.

Профессоръ Тибо, ученикъ и преемникъ великаго Кестнера, заблаговременно показалъ себя достойнымъ заступить его мѣсто.

Совѣтникъ Рейссъ, любезной ученой человѣкъ. Будучи Библїотекаремъ Университетскимъ, онъ показываетъ любопытнымъ сїе драгоцѣнное сокровище и всѣхъ обязываетъ своею прїятною учтивостїю. Имъ издано сочиненїе, подъ названїемъ: *Repertorium commentationum a societatibus litterariis editarum.*

Профессоръ Тихзенъ, подобно другому Ученому сего же имени въ Ростокѣ, весьма свѣдущъ въ восточныхъ языкахъ.

Профессоръ Митшерлихъ, извѣстный Филологъ, послѣднїй и лучшїй издатель Горацїя и нѣкоторыхъ Овидїевыхъ творенїй.

Профессоръ Грельманъ, Надворный Совѣтникъ Россїйской, и сдѣланный нынѣ Профессоромъ Московскаго Университета. Онъ славенъ своими историческими и статистическими познанїями. Московской Университетъ будетъ имѣть въ немъ достойнаго Сочлена.

Профессоръ Буле. Его *Исторїя Философїи*, изданїе Аристотеля, которое еще не полно, и разныя его сочиненїя доставили ему отличное мѣсто между Учеными.

Онъ читаетъ Логику, Метафизику, Право Натуры и Исторію догматической Философіи; говоритъ свободно и ясно.

Профессоръ Геренъ, отличный ученый мужъ и весьма извѣстный по мыслямъ своимъ о Коммерціи древнихъ народовъ. — Его можно по справедливости включить въ число Классиковъ; нѣкогда онъ занимался множествомъ предметовъ, но теперь на публичныхъ лекціяхъ проходитъ только Исторію древнюю и новѣйшую: къ чему присоединяетъ еще Этнографію.

Г. Сейферъ, Профессоръ Астрономіи, смотритъ за Обсерваторіею и учитъ Смѣшенной Математикѣ.

Профессоръ Сарторіусъ особенно отличается въ Статистикѣ, Политикѣ и Исторіи. Впрочемъ онъ не изъ числа тѣхъ, которые въ кабинетѣ своемъ видятъ все чужими глазами. Объ немъ можно сказать, какъ о мудромъ Улиссѣ: *Qui mores hominum multorum vidit et urbes* (*). Недавно еще онъ возвратился изъ путешествія, котораго плоды безъ сомнѣнія будутъ важны для ученаго свѣта.

(*) Которой видѣлъ города и нравы многихъ людей.

Профессоръ Боутервекъ, Авторъ многихъ творений, хорошо обдуманныхъ и пріятно писанныхъ. Онъ есть сильной защитникъ своей Аподиктической системы противъ всѣхъ другихъ философическихъ системъ нашего времени. Легкія стихотворенія и философскіе романы, между которыми отличается *Графъ Донамаръ*, сдѣлали извѣстнымъ имя его въ Литтературѣ. Главнымъ предметомъ лекцій его есть Натуральная Философія, Эстетика и слогъ Нѣмецкой.

Ассессоръ Рейнгардъ старается помогать ему въ нѣкоторыхъ родахъ. Онъ пишетъ стихи и пріятные романы; читаетъ Эстетику.

Профессоръ Вильдсъ извѣстенъ по многимъ сочиненіямъ.

Докторъ Рейссъ, нынѣ сдѣланный Профессоромъ Московскимъ, прославился химическими и Гальваническими опытами надъ тѣлами животныхъ.

Докторъ Идъ, достойный воспитанникъ славнаго Кестнера, доказалъ таланты свои сочиненіемъ о Смѣшенной Математикѣ, Механикѣ и солнечной системѣ Лапласа. Онъ также избранъ въ Профессоры Московскаго Университета, и можетъ распространить славу его.

Профессоръ Фіорилло весьма знающъ въ теоріи живописи; учитъ Архитектурѣ Греческой и Римской; читаетъ также исторію живописи.

Докторъ Форкель извѣстенъ по своей исторіи музыки, и есть Директоръ ея въ Геттингенѣ.

Докторъ Лангебекъ изъясняетъ чередословіе Галя. Публика слушаетъ его съ великимъ любопытствомъ, ожидая сочиненія, въ которомъ сія система должна быть изъяснена самимъ Авторомъ.

Не нужно сказывать, что въ такомъ Университетѣ, каковъ есть Геттингенской, молодые люди находятъ всѣ способы учиться живымъ языкамъ и Свободнымъ Искусствамъ. Драгоцѣннѣйшимъ изъ сихъ способовъ должно назвать Библіотеку, которая по справедливости считается первою въ Европѣ, не столько по числу книгъ, въ ней находящихся (ихъ около двухъ сотъ тысячь), сколько по выбору важнѣйшихъ сочиненій на мертвыхъ и живыхъ языкахъ.

Хотя можно тамъ найти классическія творенія во всѣхъ родахъ, сочиненія самыя любопытныя и самыя рѣдкія изданія; но часть историческая и филологическая полнѣе всѣхъ.

Зданіе, въ которомъ хранится сіе великое сокровище познаній человѣческихъ, занимаетъ средину такъ называемой Университетской площади. Оно огромно и пріятно для глазъ. Расположеніе комнатъ весьма удобно, и порядокъ во всѣхъ частяхъ Библіотеки достоинъ удивленія.

Библіотекарь, Г. Совѣтникъ Рейссъ, о которомъ мы говорили выше, имѣетъ многихъ Секретарей, которые, сообщая другимъ сокровища знаній, ввѣренныя ихъ смотрѣнію, стараются и сами пользоваться ими наилучшимъ образомъ.

Рускіе, посѣщая Геттингенскую Библіотеку, къ чрезвычайному удовольствію своему находятъ собраніе Рускихъ книгъ, которыми Университетъ одолженъ благотворителю своему, Барону Ашу.

Безъ сомнѣнія приближается время, когда Литература моего отечества распространится по всей Европѣ, и когда языкъ нашъ будетъ одною изъ существенныхъ принадлежностей хорошаго воспитанія.

Dimidium facti, qui bene coepit, habet (*).

(*) Кто хорошо началъ, тотъ совершилъ половину дѣла.

Благородная ревность, воспламеняющая нынѣ духъ многихъ Россіянъ; милостивѣйшее ободреніе, котораго нашъ Августѣйшій Монархъ удостоиваетъ таланты и успѣхи ихъ; мудрыя и благія мѣры, принятыя Имъ со времени вступленія на Престолъ, дабы въ обширной и могущественной Имперіи Своей видѣть плоды Генія Искусствъ и Наукъ, составляющаго славу и щастіе гражданскихъ обществъ — все увѣряетъ, что скоро могущественная Россія достигнетъ такой же степени въ ученомъ Свѣтѣ, какой достигла она въ политической системѣ.

При Библіотекѣ есть Музеумъ, достойный замѣчанія не по обширности своей, но по любопытнымъ предметамъ, въ немъ находящимся. Вообще всѣ заведенія Геттингенскаго Университета отличаются рѣдкимъ вкусомъ. Щедрость Основателя даровала ему всѣ нужныя средства избирать лучшее и пріятнѣйшее во всѣхъ родахъ.

Любопытные путешественники всѣхъ народовъ съ великимъ удовольствіемъ видятъ въ Музеумѣ драгоцѣнныя рѣдкости, собранныя славнымъ мореплавателемъ Кукомъ, во время трехъ путешествій по Южному морю. Руские съ особеннымъ участіемъ разсматриваютъ тамъ одежды, домашнюю

посуду, оружїе Рускихъ Азїятскихъ народовъ и Сибирскїя фоссилїи (ископаемыя), найденныя Капитаномъ Биллингсомъ и подаренныя Барономъ Ашемъ.

Сїи рѣдкости получаютъ новую цѣну, когда ГГ. Блюменбахъ и Гернъ пользуются ими въ своемъ курсѣ Натуральной Исторїи и описанїи различныхъ народовъ.

Въ ихъ щастливыхъ рукахъ и мѣдь творится
златомъ.
Боало.

Библїотека и Кабинетъ вездѣ представляютъ драгоцѣнные залоги признательности Борона Аша, ученика великаго Галлера. Равнымъ образомъ и Университетъ изъ благодарности поставилъ портретъ его возлѣ портретовъ Георга II. и Г. Мюнхгаузена, дабы любопытные могли видѣть черты лица того человѣка, котораго слышатъ имя, столь часто произносимое съ усердїемъ и почтенїемъ. Портретъ его тѣмъ занимательнѣе, что онъ написанъ славною Анною Доротеею Тербутъ.

Что касается до Физическаго Кабинета, то довольно сказать, что онъ составленъ изъ двухъ: изъ кабинета Товїя Мейера, къ которому присоединенъ еще другой Г. Лихтенберга.

Въ залѣ Моделей отличается особенно одна рѣдкость — Англійской корабль *Побѣда* о 110 пушкахъ. Модель совершенная, и въ надлежащей соразмѣрности всѣхъ частей.

Галлерея живописи находится подъ смотрѣніемъ Г. Фіорилло; она не можетъ считаться изъ первыхъ въ Европѣ, но достойна любопытства.

Нынѣшняя Обсерваторія не есть великолѣпное зданіе; но теперь строится другая по изящному плану славнаго Астронома Г. Цаха. Англійской Король опредѣлилъ на сіе строеніе 40000 талеровъ. Между инструментами достоинъ примѣчанія телескопъ Невтоніанской, показывающій предметы чрезъ отраженіе лучей, сдѣланный Г. Гершелемъ и подаренный Е. В. Англійскимъ Королемъ.

Близь Обсерваторіи находится экономической садъ, которымъ пользуется Г. Бекманъ для своихъ лекцій.

Ботаническій садъ заведенъ Г. Галлеромъ, которой такъ же, какъ Цанъ и Муррай, издалъ его описаніе. Въ немъ находятся почти всѣ растѣнія *Геттингенской Флоры.* Профессоръ Гофманъ, преемникъ Муррая, умножилъ и украсилъ его; теперь считается въ немъ болѣе 7000 растѣній.

Лѣсокъ, насаженный Галлеромъ и Мурраемъ, состоящій изъ 300 старыхъ и молодыхъ деревъ, очень любопытенъ.

Подлѣ Ботаническаго сада находится Анатомическій амфитеатръ, заведенный Галлеромъ, которой былъ Профессоромъ Анатоміи и Ботаники. Г. Урисбергъ проходитъ нынѣ тамъ Анатомію по препаратамъ великаго Галлера и своимъ.

Школа повивальнаго искусства есть заведеніе, котораго одно имя показываетъ, сколь оно важно. Мы говорили выше о Г. Озіандерѣ, подъ управленіемъ котораго она находится. Сіе зданіе хотя еще не совсѣмъ окончано, но лучше всѣхъ въ Геттингенѣ. Беременныя женщины принимаются туда за нѣсколько недѣль до родовъ, и выходятъ единственно тогда, когда уже нѣтъ ни малѣйшей опасности для ихъ здоровья. Сіе заведеніе столь же благодѣтельно для человѣчества, сколь оно полезно для успѣховъ въ сей важнѣйшей Наукѣ.

Въ виду сей Школы находится гошпиталь, ввѣренная старанію Г. Гимли, которой всякой день учитъ тамъ Клиникѣ.

Для открытія новаго пути къ славѣ, Георгъ II. основалъ въ 1751 году ученое общество. Оно раздѣляется на три части: *Физическая* заключаетъ въ себѣ Анато-

мїю, Химїю, Ботанику и всѣ отрасли Натуральной Исторїи; часть *математическая*, и часть *историческая* и *филологическая*. Въ немъ находятся Члены ординарные, экстраординарные и чужестранные. Члены, живущїе въ Геттингенѣ, бываютъ въ собранїи каждый мѣсяцъ. Г. Тайный Совѣтникъ Гейне есть безсмѣнный Секретарь сего общества, которое всякой годъ выдаетъ книгу своихъ записокъ.

Мнѣ бы очень хотѣлось распространиться о средствахъ, представляемыхъ Геттингенскимъ Университетомъ какъ молодымъ, такъ и старымъ питомцамъ Музъ; но я довольно сказалъ для того, чтобы видѣть, какїя обширныя познанїя могутъ они получить, обращаясь три или четыре года совсѣмъ тѣмъ, что наиболѣе прославляетъ Науки и Словесность.

Греки опредѣлили мѣсто Музамъ на горѣ: въ окружности Геттингена есть горы; но подъ 52 градусомъ широты — сѣверной или южной, все равно — онѣ обыкновенно бываютъ покрыты снѣгомъ долѣе четырехъ мѣсяцевъ. Впрочемъ мы видимъ, что города вообще основываются на берегахъ рѣкъ, протекающихъ по долинамъ. Таково, какъ мы сказали, положенїе Геттингена, на берегу канала, про-

веденнаго изъ Лены, небольшой рѣки, которой прежній токъ находится въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города. Стѣны, которыми онъ окруженъ, составляли нѣкогда его защиту; но съ тѣхъ поръ, какъ онъ заключаетъ въ нѣдрахъ своихъ Палладіумъ, святѣйшій Троянскаго (*), стѣны служатъ ему только внѣшнимъ украшеніемъ. Студенты каждой день гуляютъ тамъ съ удовольствіемъ и пріятностію. Прекрасная террасса возвышается на нѣсколько саженъ отъ мостовой, откуда спокойной взоръ пріятнымъ образомъ устремляется на живописныя и разнообразныя картины. Вокругъ зеленѣются поля, луга, сады; здѣсь рѣка извивается въ берегахъ своихъ, а тамъ видны каналы и бассеины, сдѣланные для уменьшенія нечистоты въ городѣ и для гашенія пожаровъ; въ нѣкоторомъ раз-

(*) Въ то самое время, когда я пишу, Курфиршество Ганноверское занято Французами, въ другой разъ со времени основанія Геттингенскаго Университета; и въ другой разъ ихъ Генералы оказываютъ величайшее уваженіе къ сему городу, изъ почтенія къ ученымъ мужамъ, въ немъ находящимся. Бонапарте избавилъ сей городъ отъ Французскаго гарнизона.

стоянїи рощи, деревни, въ долинахъ и на горахъ, коихъ цѣпь перерывается въ иныхъ мѣстахъ, какъ бы нарочно для того, чтобы взоръ могъ обнимать всю отдаленность и перспективу живописной долины.

Кто, послѣ сего описанїя, вообразитъ, что окрестности Геттингена весьма прїятны, тотъ безъ сомнѣнїя не ошибется. Изъ числа тѣхъ мѣстъ, гдѣ Студенты любятъ гулять и наслаждаться успокоенїемъ послѣ работы умственной, наименую здѣсь только Плессъ и Глейхенъ. . . .

Нѣтъ, думаю, человѣка, которому бы не было прїятно всходить на холмы, откуда видишь у себя подъ ногами всѣ окрестности. Будучи выше другихъ, мы воображаемъ себя какими - то превосходными существами. Къ тому же на горахъ воздухъ бываетъ чище; ускоряя обращенїе крови и расширяя сердце, онъ усиливаетъ дѣйствїе органовъ физическихъ и моральныхъ. Такъ Ученый, размышлявъ нѣсколько дней о Наукахъ, стремится на вершину горы, гдѣ надѣется увидѣть новые предметы — подобно юношѣ, который, окончавъ Науки, стремится на степени почестей, которыя обѣщаютъ ему наслажденїя и щастїе, истинное или ложное! . . . .

Естьли вершина горы украшена какимъ либо памятникомъ, или извѣстна по какимъ нибудь случаямъ, историческимъ или баснословнымъ; естьли громы оставили на ней слѣды свои, или, по древнимъ преданїямъ, жилъ тамъ нѣкогда страшной волшебникъ — то сїе обстоятельство еще болѣе возбуждаетъ любопытство.

Горы, Плесская и Глейхенскїя, имѣютъ сїю выгоду. На вершинѣ первой и теперь еще видны развалины древнихъ башенъ, гдѣ жили нѣкогда Рыцари, бывшїе, по старинному преданїю, ужасомъ всѣхъ сосѣдственныхъ деревень. Наконецъ страшное имя ихъ исчезло, и съ сего щастливаго времени жители Бовенденскїе и Геттингенскїе ходятъ наслаждаться прїятностями весны на томъ мѣстѣ, которое нѣкогда устрашало ихъ предковъ, и о которомъ разсказывали имъ самимъ, въ дѣтствѣ ихъ, всякїе ужасы.

Впрочемъ прекрасное мѣстоположенїе и разнообразные виды могутъ прїятнымъ образомъ занимать Философа, друга простыхъ, но величественныхъ красотъ Натуры. Уединенїе раждаетъ мысли, особенно же тамъ, гдѣ были нѣкогда происшествїя, любопытныя для современни-

ковъ, а нынѣ забытыя вмѣстѣ съ ихъ Героями.

Глейхенскими — какъ самое имя показываетъ — называются двѣ горы одинакой величины и одинакаго вида; на вершинѣ каждой изъ нихъ видны развалины древней крѣпости. Онѣ, будучи далѣе отъ Геттингена, нежели Плесская, не менѣе достойны любопытства по тѣмъ же причинамъ.

Вообще вокругъ Геттингена считается 20 такихъ мѣстъ, которыя могутъ служить пріятными гульбищами, и къ которымъ ведутъ большія алеи.

Прогулки за городомъ составляютъ лѣтомъ главную забаву Геттингенскихъ Студентовъ. Зимою замѣняютъ ихъ собранія, концерты, публичные или частные, особливо катанье въ саняхъ, когда позволяетъ время.

Во время публичныхъ увеселеній царствуетъ удивительный порядокъ, подъ благоразумнымъ присмотромъ исправной, но не излишно строгой полиціи, — такой однимъ словомъ, какая прилична мѣсту ученому.

Университетъ, составляя отдѣльной корпусъ отъ города, имѣетъ свои законы, свое судебное мѣсто и свою частную полицію.

Когда есть такое общество, въ которомъ бы *чувство справедливаго и честнаго* могло быть закономъ, то безъ сомнѣнія надобно искать его между Учеными, или по крайней мѣрѣ между людьми, желающими быть учеными. Но самые мудрые — все еще люди, и слѣдственно могутъ ошибаться неумышленно.

Уставъ или статуты Геттингенскаго Университета, которыхъ экземпляръ дается всякому Студенту, доспойны мудрой опытности людей, сочинившихъ оные.

Въ случаѣ преступленія дѣло начинается въ Университетскомъ судебномъ мѣстѣ, въ которомъ присудствуютъ Проректоръ, Синдикъ и всегдашній Ассесоръ; они судятъ гражданскія и уголовныя дѣла, которыя можно переносить на аппелляцію въ Королевское - Курфирспское Ганноверское Правленіе.

Благодаря дѣятельности Университетской Полиціи, дѣла по большой части касаются только до денежныхъ требованій со стороны городскихъ жителей на Студентовъ, или до другихъ маловажныхъ преступленій. Большая часть Студентовъ думаютъ только, какъ бы самымъ лучшимъ образомъ воспользоваться превосходными лекціями, занимающими

ихъ безпрестанно съ утра до вечера. — Любопытно видѣть, какъ всякой часъ переходятъ 3 или 4 улицы 800 молодыхъ людей, по большой части молча и размышляя о томъ, что слышали.

Сія прилѣжность тѣмъ похвальнѣе, что вообще въ Университетахъ Нѣмецкихъ — выключая только не многихъ учениковъ, особенно препорученныхъ кому нибудь отъ родственниковъ или благодѣтелей — Профессоры не имѣютъ никакого права испытывать Студентовъ на публичныхъ лекціяхъ, и просто изъясняютъ только матерію, которою обязаны заниматься въ теченіе шести мѣсяцевъ. Впрочемъ сіе обыкновеніе принято почти вообще во всѣхъ главныхъ Училищахъ въ Европѣ. Испытанія, относящіяся до свѣдѣній и способностей, бываютъ посредствомъ публичныхъ актовъ единственно въ то время, когда Студенты желаютъ получить какую нибудь степень требующую познаній.

Впрочемъ самымъ лучшимъ средствомъ къ поощренію Геттингенскихъ Студентовъ къ успѣхамъ въ Наукахъ служатъ многія частныя общества; на примѣръ: Общество Фитографическое (*),

(*) Занимающееся описаніемъ растѣній.

которое основалъ Професоръ Гофманъ, и въ которомъ онъ Директоромъ. Оно имѣетъ предметомъ успѣхи Ботаники, и выдаетъ всякой годъ листы, извѣстные подъ именемъ Фитографическихъ. Между Членами его считаются Гете, Блюменбахъ, Шреберъ, Тунбергъ, Жакень, и пр.

Профессоръ Озїандеръ учредилъ общество повивальнаго искусства, а Г. Мелинъ физическое.

Между многими частными собранїями рѣдкостей отличаются:

Собранїе Г. Блюменбаха, состоящее изъ головныхъ череповъ и составляющее часть его Кабинета Натуральной Исторїи, обильнаго рѣдкостями трехъ царствъ, и собраннаго чрезъ сообщенїе съ чужими землями, а особливо съ Барономъ Ашемъ и Баронетомъ Банксомъ.

Собранїе Г. Бекмана состоитъ изъ минераловъ, лучшихъ моделей и машинъ, служащихъ для различныхъ художествъ и фабрикъ, о которыхъ онъ говоритъ, проходя курсъ Технологїи.

Г. Озїандеръ показываетъ анатомическїе препараты и зародышей младенцевъ. Сїе собранїе единственно въ своемъ родѣ.

Г. Урисбергъ собралъ множество Географическихъ картъ, плановъ, видовъ, кар-

тинъ и пр., которыхъ болѣе 40000. — Наконецъ Геттингенскій Университетъ употребляетъ еще два способа къ поощренію талантовъ, употребляемые и во всѣхъ другихъ ученыхъ мѣстахъ.

Общество Наукъ каждой годъ предлагаетъ вопросъ о Физикѣ, Математикѣ, Исторіи и проч. Имя получившаго награжденіе возглашается въ торжественномъ собраніи, которое всякой годъ бываетъ 10 Ноября, то есть, въ день учрежденія сего общества. Въ семъ же засѣданіи предлагается вопросъ и для слѣдующаго года. Награжденіе бываетъ цѣною въ 50 червонцевъ. Всѣ Ученые мужи, выключая Членовъ, могутъ писать отвѣты. Сочиненія должны быть на Латинскомъ языкѣ и присылаются всегдашнему Секретарю въ Сентябрѣ мѣсяцѣ.

Сверхъ сего награжденія даются еще въ Іюлѣ и въ Ноябрѣ двѣ золотыя медали, каждая цѣною въ 12 червонцевъ, за лучшіе отвѣты на два экономическіе вопроса.

Для ободренія развивающихся способностей Его Величество, Король Великобританскій, опредѣлилъ для Студентовъ всѣхъ четырехъ Факультетовъ награжденіе — золотую медаль въ 25 червонцевъ. Ежегодное торжественное собраніе

бываетъ 4 Іюля — день, въ которой празднуютъ рожденіе Георга III.

Наконецъ, слѣдуя аксіомѣ, о которой прежде спорили съ жаромъ, но которая теперь всѣми принята: Nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu (*), небогатые Студенты, долженствующіе, по волѣ Провидѣнія, искать щастія своими талантами, вмѣстѣ со многими великими людьми во всѣхъ родахъ, находятъ въ Геттингенѣ выгоду, извѣстную подъ именемъ *вольныхъ столовъ*.

Исторія общихъ или вольныхъ столовъ, школъ, биржъ и другихъ подобныхъ заведеній, можетъ быть весьма любопытна, полезна и ободрительна для всѣхъ званій въ обществѣ: сколько людей, которыхъ никто не думалъ замѣчать тамъ, послѣ возвысились или на первыя ученыя степени или заняли важнѣйшія мѣста въ государствѣ! Славная Госпожа Ментенонъ, которая въ дѣтствѣ питалась безденежно монастырскимъ супомъ, въ старости своей воздвигла величественное зданіе Сенъ-Сиръ, гдѣ 500 дѣвицъ воспитывались наилучшимъ образомъ.

(*) Нѣтъ ничего въ умѣ нашемъ такого, что бы не подлежало прежде чувствамъ.

Кажется, что эпиграфомъ для сей исторіи могъ бы служить Горацїевъ стихъ:

Non fumum ex fulgore, sed ex fumo dare lucem.

И такъ можно увѣрить, что Геттингенской Университетъ во всѣхъ отношеніяхъ достоинъ той славы, которую онъ имѣетъ въ Европѣ — по числу отличныхъ Профессоровъ и полезныхъ заведеній, по его устройству во всѣхъ частяхъ, удовольствіямъ и выгодамъ, находимымъ тамъ Студентами и согласнымъ съ главнымъ предметомъ, для котораго живутъ они въ семъ городѣ.

Строгость Профессоровъ нужна для успѣха Студентовъ, подобно какъ строгость Генераловъ нужна для успѣховъ арміи. Нѣкоторые критики укоряютъ всѣ Нѣмецкіе Университеты излишнею вольностію: надобно вспомнить, что самое политическое состояніе Германіи не позволяетъ — по причинѣ множества Государей, Принцевъ и разныхъ Властителей — ввести въ Университетахъ такіе общіе и строгіе законы, какіе могутъ быть въ государствѣ, послушномъ

(*) Не дымъ изъ молніи, но свѣтъ летитъ изъ дыму.

волѣ одного человѣка. Впрочемъ тѣ, которые по своему рожденію могутъ пользоваться нѣкоторыми преимуществами, бываютъ воспитываемы такъ, чтобы они не употребляли ихъ во зло. Съ ними же посылаютъ обыкновенно людей, которые наставленіями, примѣромъ и стараніемъ удаляютъ отъ нихъ всѣ опасности, гибельные для Студентовъ молодыхъ, неопытныхъ и лишенныхъ присмотра.

Въ нынѣшнемъ состояніи Европы, когда удивительные успѣхи Наукъ въ теченіе одного вѣка имѣли чудесное вліяніе на благоденствіе государствъ, Училища всего болѣе заслуживаютъ вниманіе Монарховъ. И такъ не безъ причины АЛЕКСАНДРЪ I, желая довершить щастливое твореніе Своихъ великихъ Предшественниковъ, и ревностно занимаясь всѣми частями правленія, особенно печется объ Университетахъ, распространяетъ уже существующіе, заводитъ новые, ободряетъ и награждаетъ ученыхъ мужей во всѣхъ земляхъ. Такое великодушіе достойно ЕГО, достойно Наукъ и Талантовъ. Да будетъ ЕГО царствованіе столь же славно, какъ царствованіе Августа, но несравненно продолжительнѣе! да помогутъ ЕМУ ученые мужи, ИМЪ уваженные и милостями ЕГО осыпанные, совершить великій

подвигъ: просвѣтить Россію и сдѣлать ее щасіпливою!

Alterius fic
Altera poſcit opem res et conjurat amice (*).

Блаженъ и я, когда, при всеобщей радости, видя сіе чудо, могу сказать нѣкогда:

Et quorum pars, ſin magna, ſaltem quaecumque fui (**)!

Вильгельмъ Фрейгангъ,

Переводчикъ Импер. Росс. Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, Членъ Академіи Дрейсигакерской, Фитографическаго общества въ Геттингенѣ и Минералогическаго въ Енѣ (**).

(*) Съ другой стороны, другъ мой, надобно заняться другими дѣлами, которыя призываютъ меня и требуютъ.

(**) И я споспѣшествовалъ тому, хотя не во многомъ, но по крайней мѣрѣ въ чемъ нибудь.

(***) Молодой Авторъ сего сочиненія прислалъ его ко мнѣ изъ Геттингена, желая, чтобы оно сдѣлалось извѣстно Читателямъ *Вѣстника* и всѣмъ, которые хотятъ имѣть понятіе объ одномъ изъ славнѣйшихъ Университетовъ въ Свѣтѣ. —

III.

Письмо къ Издателю.

Вы помните, можетъ быть, что Маркиза Дюшатле, въ прекрасный Майскій вечеръ гуляя по саду съ Вольтеромъ, хвалила огромное міроздание, и сказала, что оно стоило бы Поэмы. — „Поэмы!" отвѣчалъ Вольтеръ: „нѣтъ, это слишкомъ трудно; а можно написать четыре стиха" . . . Подумалъ и сказалъ — или написалъ карандашемъ: все равно — слѣдующіе стихи:

Tout ce vaste Océan d'azur & de lumière,
Tiré du vuide même, & formé sans matière,
Arrondi sans compas & tournant sans pivot,
A peine a-t-il coûté la depense d'un mot.

Я восхитился ими, и просилъ Михайла Матвѣевича Хераскова перевести ихъ на Руской. Онъ исполнилъ мое желаніе и

Издатель осмѣливается сказать при семъ случаѣ, что молодые Россіяне, которые нынѣ тамъ учатся, дѣлаютъ честь нашему отечеству, какъ своимъ поведеніемъ, такъ и прилѣжаніемъ. Наименую здѣсь ГГ. Тургенева, Гусятникова и Сочинителя сей пьесы. — К.

перевелъ Вольтеровы стихи, зимою, въ глубинѣ Сѣвера, въ трескучїе морозы и сидя въ своемъ кабинетѣ. Вотъ они. Напечатайте ихъ въ *Вѣстникѣ*. . .

Весь этотъ Океанъ лазури и сіянья
Составленъ безъ существъ, изъятъ изъ ничего;
Безъ цыркуля скругленъ, вертясь безъ основанья,
Едва ли стоилъ онъ лишь слова одного!

N. N.

IV.

Каретныя лошади.

Басня.

Двѣ лошади везли карету;
Оселъ, увидя ихъ, сказалъ:
„Съ какою завистью я вижу пару эту!
Нѣтъ дня, чтобъ гдѣ нибудь ее я не встрѣчалъ;
Все вмѣстѣ: видно очень дружны!“ —
„Дуракъ, дуракъ при всей длинѣ своихъ ушей!“
Сказала въ слѣдъ ему одна изъ лошадей:
„Ты только лишь глядишь на признаки наружны:
Диковинкаль всегда въ упряжкѣ быть одной,
А розно жить душой?

Увы! не намъ чета — живутъ на насъ похоже!" — Вчера мнѣ Хлоинъ мужъ шепнулъ съ *Собраніи* то же.

* * *

V.

ПУТЕШЕСТВІЕ.

Начать до свѣта путь и ощупью итти,
На каждомъ шагѣ спотыкаться,
Къ полднямъ уже за треть дороги перебраться, —
Тутъ съ бурей и грозой бороться на пути
И льстить себя вдали какою-то мечтою;
Опомясь подъ вечеръ вздохнуть,
Искать пристанища къ покою,
Найти его, прилечь, и наконецъ уснуть...
Читатели! загадки въ модѣ:
Хотитель ключь къ моей имѣть?
Все это значитъ въ переводѣ:
Родиться, жить и умереть.

* * *

VI.

Вадимъ Новогородскій (*).

Безмолвныя дубравы, тихія долины, обители меланхоліи! къ вамъ стремлюсь душею, пѣвецъ Природы, незнаемый славою! Сокройте меня, сокройте! Радости міра не прельщаютъ моего сердца! радости міра тлѣнны; быстры какъ тѣни облака, носимаго вихремъ! — Подъ кровомъ неизвѣстнымъ, на лонѣ Природы, пускай расцвѣтетъ и увянетъ жизнь моя! Гордый и славный не посѣтятъ моей хижины; взоръ ихъ отвратится съ презрѣніемъ отъ скромной обители пустынника; но бѣдный и гонимый рокомъ приближатся къ ней съ тихимъ восторгомъ благодарности; но сирота забвенный благословитъ ее; но добрый, чувствительный мечтатель, другъ міра и добродѣтели, найдетъ въ ней щастіе, неизвѣстное гордымъ и славнымъ. Благословляю тебя, жилище спокойствія и свободы! Теките мирно, дни моей жизни! да грозная буря не помрачитъ васъ;

(*) Молодой Авторъ этой піесы и мой пріятель, Г. Жуковскій, извѣстенъ Читателямъ *Вѣстника* по Греевой Элегіи, имъ переведенной. — К.

будьте ясны какъ чистое небо въ красотѣ весенней; цвѣти веселіе по слѣдамъ вашимъ; ваши слѣды да не будутъ ужасны, какъ слѣды льва разъяреннаго на пескахъ пустынной Сары! —

Божество сердецъ непорочныхъ, уединеніе! да осѣнятъ меня твои кипарисы! задумчивый мракъ ихъ да погрузитъ мою душу въ маланхолію! Здѣсь, на брегѣ рѣки, медленно ліющейся и шумящей, воздвигну тебѣ олтарь изъ дерна, и въ часы торжественнаго безмолвія Природы буду мечтать о жизни, смотря на тихія волны, угасающія съ вечернимъ солнцемъ. Здѣсь моя скромная Муза робко будетъ звучать на лирѣ, обвитой цвѣтами, посвященной свободѣ и добродѣтели. Здѣсь воображеніе будетъ воспламенять мою душу, и ночь въ угрюмомъ величіи непримѣтно пролетать надъ главою моею! Здѣсь радостный образъ мирнаго щастія плѣнитъ меня своимъ призракомъ, и пепелъ протекшихъ радостей оживится моими слезами сладкими, посвященными воспоминанію; и тѣни сокрытыхъ во гробѣ, услышавъ мой голосъ, ихъ призывающій, покинутъ безмолвныя жилища праха, соединятся со мною оставленнымъ, и будутъ сопутниками, друзьями души моей въ уединенномъ странствіи.

О ты, незабвенный! ты, увядшій в цвѣтѣ лѣтъ, какъ увядаетъ лилія, прелестная, благовонная! гдѣ слѣды твои въ семъ мірѣ? Жизнь твоя улетѣла, какъ туманъ утренній, озлащенный сіяніемъ солнца. Ахъ! гдѣ обитаетъ безсмертная, преображенная душа твоя? Куда унесенъ ты смертію неизъяснимою? Гдѣ, гдѣ искать тебя? Восхищенный, щастливый тобою, обнималъ я одну тѣнь минутную. Руки мои не опустились еще, а тебя нѣтъ; и уже гробъ твой, безмолвный, непроницаемый, передо мною! Священная тайна Провидѣнія! чье око дерзнетъ въ сію бездну? Смертный исчезаетъ во мракѣ! Ему ли вступить во святилище Безконечнаго? ему ли вопрошать Неизъяснимаго? — Но горесть, сія жестокая, сія непреклонная, вырываетъ стоны изъ слабаго сердца! — Да не оскорбится Милосердіе безпредѣльное: вся душа моя устремлена къ сему невозвратному, навсегда улетѣвшему щастію! Ахъ! гдѣ сіе время наслажденій мирныхъ и безмятежныхъ? Куда дѣвалось сердце, которое любило меня любовію чистѣйшею, мучилось моимъ страданіемъ, восхищалось моимъ блаженствомъ! Гдѣ мой товарищъ на пути неизвѣстномъ? Гдѣ другъ мой, съ которымъ я шелъ рука въ руку, безъ робо-

сти, безъ трепета, съ безпечнымъ, веселымъ спокойствіемъ? — — Все исчезло! Никогда, никогда не встрѣтимся въ семъ мірѣ. О другъ мой! ты не усыплешь цвѣтами уединеннаго пути моего; твой милой голосъ не прольетъ отрады въ мою душу. Вотще потусклые взоры мои будутъ искать тебя въ минуту страшную, когда смерть повлечетъ меня ко гробу; вотще буду простирать холодную руку, чтобы въ послѣдній разъ ощутить біеніе твоего сердца: тебя не будетъ! не примешь моего вздоха, не отпустишь меня съ миромъ — ты упредилъ меня, щастливецъ! Рука утѣшительной дружбы закрыла глаза твои; рука нѣжная благословила тебя охладѣвшаго и безчувственнаго. А я, нещастный, я разлученный съ тобою въ рѣшительной часъ сей — не слыхалъ твоихъ стоновъ, не облегчилъ боренія твоего съ смертію; не зрѣлъ, какъ посыпалась земля на безвременный гробъ твой и навѣки тебя сокрыла! Покойся, милый, священный пепелъ! Не уже ли рука Провидѣнія, милосердая, благодатная, могла угасить навѣки свѣтило души прелестной? Ахъ, нѣтъ! пускай отецъ и друзья терзаются надъ гробомъ нечувствительнымъ; пускай умоляютъ его возвратить свою добычу! Тѣнь веселая

и мирная! ты наслаждайся безпримѣснымъ блаженствомъ; носись невидимо надъ нами; простирай къ намъ руки съ высотъ эѳира — — — мы твои, твои несомнѣнно!

Въ сей тихой обители сокроется жизнь моя; въ сей тихой обители воздвигну памятникъ тебѣ незабвенному. Я не зрѣлъ твоей могилы; въ отдаленномъ краю осыпаетъ ее весна цвѣтами — но тѣнь твоя надо мною; она собесѣдница безмолвныхъ часовъ моихъ, незримый хранитель моего сердца! — Такъ! въ ея священномъ присутствіи, прахомъ твоимъ любезнымъ, драгоцѣннымъ остаткомъ милой жизни, клянусь быть другомъ добродѣтели. Грознымъ и разъяреннымъ да узрю тебя предъ собою, естьли порокъ услышитъ хвалу мою, и гордый возвеселится моимъ униженіемъ. Тихая Муза моя непорочна, какъ сама Природа: не броситъ цвѣтовъ на стезю недостойнаго; въ вѣнцѣ изъ розъ и вѣтвей дубовыхъ, она скитается по тихимъ дубравамъ и съ томнымъ журчаніемъ потоковъ соединяетъ свои пѣсни простыя, нестройныя.

Тебѣ, увядшій на зарѣ прелестной, тебѣ посвящаетъ она первый звукъ своей

лиры (*)! Тихой мѣсяцъ таится въ дымѣ облаковъ прозрачныхъ. Рѣка шумитъ. Все покойно! Задумавшись, опирается Муза на камень, обросшій мохомъ, и легкою рукою играетъ на лирѣ. Я пою: эхо раздается; рощи, одѣтыя мракомъ, пробуждаются, и робкая лань трепещетъ на брегѣ рѣки, невидимо журчащей въ кустарникѣ.

Книга Первая.

Оживись, пепелъ протекшаго! Тѣни Героевъ и великихъ, возстаньте изъ гробовыхъ развалинъ! Явитесь, явитесь при блескѣ мѣсяца въ грозномъ величіи! Дерзаю пѣть вашу славу; дерзаю сыпать цвѣты на мшистые камни могилъ вашихъ.

Осенній вечеръ ниспускался на землю. Солнце среди разорванныхъ тучь катилось въ шумящее озеро Ладоги. На древней вершинѣ чернаго бора сіялъ послѣдній лучь его. Вѣтеръ былъ; озеро вздымалось;

(*) Сія трогательная дань горестной дружбы принесена Авторомъ памяти Андрея Ивановича Тургенева, недавно умершаго молодаго человѣка рѣдкихъ достоинствъ. — К.

мрачныя облака летѣли; сѣдые туманы дымились. —

На скатѣ скалы, заросшей кустарникомъ и глубоко вдавшейся въ пространное озеро, стояла хижина; дымъ вылеталъ изъ трубы и разносился бурнымъ вѣтромъ. На порогѣ уединенной хижины сидѣлъ старецъ. Потусклый взоръ его неподвижно устремился на волны; задумчиво склонялъ онъ голову, какъ лунь сѣдую, на правую руку, опирающуюся на колѣно; въ лѣвой держалъ арфу; борода его и длинные волосы, всклокоченные вѣтромъ, развѣвались. Часто во взорахъ его мелькало быстрое пламя, и лице мрачное являлось грознымъ и ужаснымъ; часто глубокіе вздохи тѣснили грудь его, лице опять омрачалось, и взоры снова потухали — онъ ударилъ по струнамъ арфы — сильный, величественный звукъ раздался — струны затрепетали — долго слышалось ихъ томное, умирающее звучаніе — утихли — пустынникъ вздохнулъ, посмотрѣлъ на вечернее, сумрачное небо, на арфу; вздохнулъ опять — заигралъ и запѣлъ:

„Шумите, шумите осенніе вѣтры, чада угрюмаго Позвизда (*)! Обнажайтесь

(*) *Борей* Славянскій.

холмы, обнажайтесь дубравы! подымайся, листъ изсохшій, столбомъ съ долины! Стелитесь густые туманы! Улети, сокройся, веселое лѣто, какъ улетѣло и скрылось мое щастіе! — Давно бѣлѣетъ зима на главѣ слабаго старца; давно исчезла крѣпость его мышцы, и охладѣвшая кровь не волнуется. Нѣтъ мирной тѣни подъ дубомъ, разбитымъ стрѣлою Перуна; нѣтъ жизни и радости въ моемъ сердцѣ, увядшемъ какъ листъ осенній!

Пронеслось оно — пронеслось и сокрылось мое щастіе. Слава дней моихъ улетѣла, какъ дымъ, унесенный вѣтромъ. Гдѣ вы, любимцы души моей, чада мужества и брани? Разсѣяны по лицу земному, или въ могилахъ покоитесь! — Ахъ! блаженны почившіе сномъ безмятежнымъ: обитель ихъ тиха и безмолвна, какъ часъ полуночи въ долинѣ уединенной. Миръ вамъ, сыны праха!

Но горе, горе мнѣ, страннику! Одни вѣтры пустынные, однѣ волны шумящія со мною бесѣдуютъ. Сокрылись любимцы души моей, — сокрылись, какъ ясные дни лѣта. Мечь мой и палица закоснѣли въ праздности; пыль на щитѣ моемъ и шлемѣ. Угасаю, какъ заря на западѣ, какъ уголь истлѣвающій!

А ты, моя отчизна! ты, незабвенная и въ дикой пустынѣ и на краю гроба! куда дѣвалось твое величїе? Почто утратился блескъ твоей славы? Печаль, какъ туманъ, покрываетъ тебя своимъ мракомъ. Не вижу храбрыхъ сыновъ твоихъ: пали могущїе, или сокрылись. Иноплеменники ругаются надъ твоимъ безсилїемъ; иноплеменники терзаютъ тебя, какъ волки хищные свою добычу. Къ тебѣ, обожаемая, къ тебѣ летятъ мои вздохи. По тебѣ унываю; но кто услышитъ мои стенанїя? кто прольетъ отраду въ изсохшее сердце?

Посреди скалъ уединенныхъ и безплодныхъ увяну въ горестномъ одиночествѣ; земля не покроетъ костей моихъ; другъ славы не посѣтитъ моей могилы. Набѣжитъ горный вѣтеръ, и прахъ мой разсѣется; пропадутъ слѣды мои, какъ лучи вечернїе на облакахъ летящихъ!" — — —

Старецъ замолчалъ; звуки арфы его исчезли въ пространномъ воздухѣ — мракъ всюду царствовалъ, и озеро невидимо шумѣло. Долго, уныло задумавшись, сидѣлъ пустынникъ, и слушалъ свисты вѣтра; наконецъ всталъ и ушелъ въ хижину. Яркой огонь, пылавшїй на очагѣ,

освѣщалъ ея стѣны, почернѣвшія отъ дыму, и багровое сіяніе проливалось сквозь узкое окно и отверстія худой двели на мрачную зелень и кустарники, со всѣхъ сторонъ окружавшіе хижину. Старецъ повѣсилъ арфу на стѣну, подлѣ доспѣховъ военныхъ — щита, панцыря, меча и шлема — покрытыхъ ржавчиною и паутиною; придвинулъ къ огню сосновой отрубокъ, служившій ему стуломъ, сѣлъ и началъ грѣть свои руки. Дымъ волновался какъ паръ и выходилъ въ узкое отверстіе, на срединѣ потолка оставленное. Старецъ былъ задумчивъ, мраченъ; молчаніе царствовало въ хижинѣ; только изрѣдка прерывалось оно шумомъ вѣтра и печальнымъ крикомъ сверчка. — Вдругъ послышался шорохъ — дверь застучала. — „Впустите странника, потерявшаго дорогу!“ сказалъ голосъ. Вся внутренность старца содрогнулась: языкъ незабвенной, языкъ милой родины, поразилъ слухъ его, долго внимавшій однимъ волнамъ и вѣтрамъ. Со всею живостію молодыхъ лѣтъ, онъ бросился къ двери, оттолкнулъ ее — и незнакомый юноша, прелестный какъ Дагода, величественный какъ Свѣтовидъ, съ лукомъ въ рукѣ, съ колчаномъ за спиною, предстановился

его взорамъ (*). Изумленный, долго не могъ онъ произнести ни одного слова, и быстрыми глазами смотрѣлъ на пришельца. Позволь, добрый пустынникъ — сказалъ юноша такимъ голосомъ, отъ котораго запылала вся душа старца — позволь провести ночь въ твоей хижинѣ. Я заблудился; на дворѣ темно и холодно. — „Благословляю приходъ твой, незнакомецъ! войди, согрѣйся. Никогда еще голосъ человѣка не веселилъ меня въ сей дикой пустынѣ. Давно сердце мое не трогалось разговоромъ дружелюбнымъ. Благословляю тебя, странникъ! прижмись къ моей груди!“ — Молодой незнакомецъ кинулся обнимать его съ такимъ живымъ, искреннимъ чувствомъ, что пустынникъ на минуту забылся — вообразилъ себя въ объятіяхъ милаго сына. — „Сядь къ огню, доброй юноша! сказалъ онъ: мой ужинъ простъ и невкусенъ, постеля жестка и неспокойна; но ты усталъ и голоденъ“ — и юноша, ослабивъ тетиву своего лука, и снявъ съ плечь колчанъ, туго набитый стрѣлами, сѣлъ подлѣ очага, на которомъ блестящее пламя раз-

(*) *Дагода* Зефиръ, *Свѣтовидъ* богъ свѣта и брани, которому покланялись Славяне острова Рюгена.

вѣвалось и дрова трещали. Старикъ между тѣмъ приготовилъ простый ужинъ, изъ плодовъ лѣсныхъ и сушеной рыбы составленной; разослалъ на полу медвѣжью кожу, и сказалъ своему посѣтителю: „Вотъ все, чѣмъ богата моя хижина. „Утоли свой голодъ и успокойся.“ Незнакомецъ поблагодарилъ гостепрїимнаго пустынника, насытился, пожелалъ ему доброй ночи, и бросясь на медвѣжью кожу, скоро заснулъ глубокимъ сномъ. —

Старикъ сидѣлъ задумавшись надъ спящимъ незнакомцемъ; душа его была въ волненїи; сладкїя, долго молчавшїя струны въ ней оживились. Очарованный взоръ его не могъ отвратиться отъ сонного полубога, небрежно передъ нимъ простертаго. Сїе лице выразительное, запечатлѣнное добродушїемъ; сей взглядъ быстрый, пылающїй; темнорусые волосы, мягкїе какъ шелкъ, и кудрями по плечамъ разсыпанные; величественный станъ; высокая, бѣлая грудь; нѣжный и мужественный голосъ — все вмѣстѣ производило неизъяснимое дѣйствїе надъ сердцемъ пустынника. Темное воспоминанїе минувшаго погружало его въ тихую меланхолїю; казалось, что вся протекшая слава, всѣ протекшїя радости и горести заключены были въ одномъ очаровательъ-

номъ образѣ, въ образѣ незнакомца, которой такъ безмятежно покоился. Онъ пожиралъ его глазами; сердце его трепетало и слезы градомъ катились. Время быстро и непримѣтно мчалось. Огонь на очагѣ погасъ, мерцали одни уголья, и блѣднымъ, трепещущимъ блистанїемъ озаряли мрачную хижинку — то гасли, то опять оживлялись — наконецъ все исчезло; глубокая тьма и безмолвїе воцарились, и погруженный въ мысли старецъ ничего не чувствовалъ: душа его летала надъ безднами протекшаго. Вдругъ мелькнула заря: онъ опомнился, осмотрѣлся — незнакомецъ еще спалъ, но утро уже цвѣло на восточномъ небѣ и ночь стремилась къ западу.

Онъ вышелъ изъ хижины — все блистало, все было великолѣпно. Не осталось ни одного слѣда ночной непогоды. Утихшее озеро алѣло; берега, озаренные и спокойные, изображались въ немъ, какъ въ зеркалѣ, и трепетали, какъ скоро мгновенный вѣтерокъ пролеталъ надъ тихою водою, и къ ней прикасался. На востокѣ парило солнце; голубые, отдаленные лѣса, возвышаясь одинъ надъ другимъ, подобно огромному, необозримому амфитеатру, были покрыты свѣтлымъ, прозрачнымъ туманомъ. —

Съ мирною, обновленною душею стоялъ пустынникъ на утесѣ, и безмолвно восхищался великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Изумленный, растроганный, онъ долго искалъ причины сей непонятной радости, которая такъ быстро пролилась въ его сердце, — искалъ напрасно. Сей незнакомый, величественный странникъ своимъ явленіемъ очаровалъ всѣ предметы, передъ нимъ разсѣянные; чувство новаго, сильнаго бытія пробудилось въ немъ и пылало.

Наконецъ отворилась дверь хижины — полубогъ явился, оживленный, украшенный мирнымъ спокойствіемъ. Юношеское пламя играло на щекахъ его; смятые, густые волосы вились и развивались; на быстрыхъ глазахъ мелькали еще легкіе оттѣнки сна. — — Онъ подошелъ къ пустыннику съ онымъ яснымъ плѣняющимъ взоромъ, которой потрясаетъ сердце, и подалъ ему руку. Они обнялися; пожелали другъ другу пріятнаго утра. „Сонъ твой былъ сладокъ и спокоенъ, молодой незнакомецъ,“ сказалъ пустынникъ: „живость и свѣжесть блистаютъ на лицѣ твоемъ. Я внутренно веселился, когда ты спалъ — такъ тихо и безпечно. Печаль и заботы неизвѣстны твоему сердцу. Завидная участь! А я, пустынный

итатель утесовъ, я въ первой разъ еще жу *красное* утро въ семъ безмолвномъ диненіи. Семь лѣтъ, продолжительныхъ мрачныхъ, сокрылись, не оставивъ ни ного слѣда радости въ душѣ моей. Приидъ твой, странникъ, оживилъ ее, какъ чь весенній изсохшее дерево. Давно, давно не былъ такъ щастливъ, такъ веселъ!"

Юноша, которой совсѣмъ уже изготовился въ путь, опершись на лукъ ой, пристально смотрѣлъ на старца, нѣжное состраданіе въ глазахъ его блипало. Ты ошибся, пустынникъ — сказалъ онъ: — и мнѣ достался мой удѣлъ ечали; молодость не защитила меня тъ горя; пасмурно утро моей жизни! акъ же, какъ и ты, скрываюсь въ путынѣ; какъ и ты, оставленъ я міромъ! единенной гробъ отца, изгнанника, битаго печалью, составляетъ все мое огатство. Не зови меня щастливцемъ; е завидуй моему щастію. — —

Но кто ты, неизъяснимый? воскликулъ пустынникъ съ видимымъ безпоойствомъ. — *Я — Вадимъ*. . .

„Вадимъ? О Перунъ!... Вадимъ!" — *Развѣ ты меня знаешь?* — „Мнѣ не знать пебя? Сердце мое не обманулось — не обманулось!" повторялъ старецъ, прижимая ко груди молодаго человѣка, и смо-

тря ему въ глаза съ восторгомъ: теперь понимаю, отъ чего такая радость, такое волненїе въ душѣ моей; отъ чего во всю ночь глаза мои не смыкались. Ты, нещастный! ты въ моей хижинѣ, въ моихъ объятїяхъ! — Но знаешь ли, кто передъ тобою? Знаешь ли, кто далъ тебѣ пристанище? кто утолилъ твой голодъ, тебя успокоилъ? . . . Гостомыслъ!" —

Вадимъ содрогнулся. „Ты Гостомыслъ!" воскликнулъ онъ, упавъ на колѣна. „Ты Гостомыслъ!" повторилъ онъ, рыдая и прижавъ лице къ ногамъ пустынника: — „о жребїй человѣческїй!"

Нѣсколько минутъ продолжилось унылое молчанїе. Старецъ, прижавъ ко груди Вадима, осыпалъ поцѣлуями лице его. — „Такъ, юноша!" говорилъ онъ: „Гостомыслъ передъ тобою! Славянскїй вождь убогїй, оставленный, покрытый рубищемъ, передъ тобою! Обними меня, обними какъ сынъ отца обнимаетъ. Твой образъ оживилъ мою душу. Тайное предчувствїе потрясло ее, когда ты вошелъ въ мою хижину, когда устремилъ на меня взоры. Ахъ! мнѣ казалось, что самъ Радегастъ, товарищъ моей славы, отецъ твой, со всѣмъ очарованїемъ юныхъ лѣтъ и красоты цвѣтущей, стоялъ передо мною! Мечта не обманула меня. Это

димъ — живый, украшенный образъ роя, любимца души моей!"

Вадимъ, безмолвный и горестный, ıачными глазами смотрѣлъ на пустынıка. Сердце его разрывалось. Образъ сего ловѣка, пораженнаго рокомъ, но велиственнаго на самыхъ развалинахъ вечїя, приводилъ его въ трепетъ. „Ты ıстомыслъ?" повторялъ онъ — „ты ıугъ отца моего? въ сей пустынѣ, въ мъ бѣдномъ рубищѣ?" — И слезы его ıпились градомъ; и пламенныя уста ıвольно прижимались къ рукѣ старца. — — Успокойся, Вадимъ! успокойся, сынъ ой! Тебѣ ли проливать слезы? Меня и оплакивать? Вадимъ! пощади Гостоысла! Твое сожалѣнїе да не оскорбитъ го! Кто выше бѣдъ и нещастїй, тотъ ожетъ ли быть жалокъ? — Скажи, что жаснетъ мою душу въ сей дикой пусıынѣ, гдѣ узы ея всѣ разорваны и дѣ самая слава для нее не существуетъ? ı сынъ мой! уже нѣтъ будущаго въ ıоей жизни: оно исчезло; желанїя, наежды не волнуютъ моего сердца — но ıамять протекшаго для меня священна; му иногда посвящаю горестные вздохи. Іогибшая слава, отчизна горестная, и ы, сокрывшїеся друзья мои, по васъ уныаю, по васъ льются мои слезы и по васъ

терзаюсь сердцемъ. Но дамъ ли пасть моему духу? Погибнетъ ли мое мужество? Нѣтъ, Вадимъ! нѣтъ, другъ мой! Среди утесовъ я свободенъ; среди утесовъ не знаю властелина: кто дерзнетъ пожалѣть о судьбѣ моей?"

Священный ужасъ таился въ груди Вадима, и взоръ его неподвижно покоился на лицѣ старца, которое пылало. Въ сію минуту Госпомыслъ, подъ рубищемъ пустынника, подъ сѣдинами лѣтъ, казался божественнымъ и грознымъ.

„Сядемъ" — продолжалъ старецъ — сядемъ на сей гранитный отломокъ. Утро ясно и тихо: посвятимъ его сладкимъ воспоминаніямъ. Вадимъ! говори мнѣ объ отцѣ твоемъ! — Гдѣ покоится прахъ великаго Радегаста? Въ какой странѣ потухла жизнь его, славная и нещастная? Какимъ случаемъ заведенъ ты въ сію пустыню?" —

„Ахъ!" — сказалъ Вадимъ, устремивъ задумчивый взоръ на южной берегъ Ладожскаго озера: — „давно покрыты землею кости отца моего. Тихая могила Радегаста заросла травою и скрыта отъ взоровъ человѣческихъ. Тамъ, на сей высокой горѣ, окруженной соснами, опѣняемой шумящимъ озеромъ, жилъ и угасъ старецъ, изгнанникъ, Герой Славянскій!

раченъ и печаленъ былъ вечеръ его изни. Съ веселымъ сердцемъ онъ встрѣилъ кончину.“ — — —

„Благословляю тебя, могила моего руга!“ воскликнулъ Гостомыслъ, подявшись съ гранита и простерши руки туту сторону, гдѣ находился гробъ адегастовъ. — Быстрый, чувствительй Вадимъ бросился на колѣна, и слезы о на прахъ покатились. Пролетѣла инута священной горести. Пустынникъ рижалъ ко груди пылкаго юношу; они ли опять на камень, и Вадимъ продолалъ:

„Тамъ гнїетъ опустѣвшая хижина адегастова. Старецъ, лишенный отчизны, ишенный силъ тѣлесныхъ и наконецъ рѣнїя, совершалъ путь свой, не слабѣя ухомъ. Протекли пять лѣтъ, и ни одна калоба не вырвалась изъ души его. Три ода тому, какъ земля приняла въ свое лоно его странника, бѣдами не побѣжденнаго. — Рука моя закрыла померкшїе глаза Радегаста; рука моя украсила дерномъ священную его могилу. — Мирный сонъ безмолвному праху!“ — Вадимъ умолкъ, снова отеръ слезы, блеснувшїя на щекахъ его, и потомъ продолжалъ:

„Будучи двенадцати-лѣтнимъ младенцемъ, я скрылся въ пустыню съ от-

домъ моимъ. Тамъ, гдѣ шумящій Волховъ съ пѣною ввергается въ озеро, и въ немъ исчезаетъ, на крутой горѣ, во мракѣ сосенъ, построили мы хижину. Съ трудомъ питала насъ рыбная ловля. Радегастовъ мечь, нѣкогда врагамъ ужасный, рубилъ дрова; на щитѣ раскладывали огонь, а въ шлемѣ варили пищу; время текло, и силы мои развивались. Я стрѣлялъ изъ лука, прежде въ цѣль, потомъ въ птицъ, а наконецъ мои стрѣлы, мѣткою, сильною рукою пускаемыя, сдѣлались гибельны для звѣрей свирѣпыхъ. Рѣдко безъ добычи возвращался я къ отцу моему слабому, отягченному болѣзнію и лѣтами.

Онъ угасалъ непримѣтно, угасалъ, какъ ясный вечеръ на тихомъ небѣ угасаетъ. Наконецъ глаза его померкли. Я пересталъ удаляться отъ хижины, покинулъ свой лукъ и стрѣлы, оставилъ охоту и посвятилъ все время свое немощному старцу. Примѣръ человѣка, непоколебимаго и твердаго среди волненій жизни; слова его, убѣдительныя и сильныя, образовали мое сердце: я трепеталъ и хватался за мечь, когда отецъ мой со всею живостію пылкаго юноши говорилъ о славѣ, о подвигахъ Славянъ храбрыхъ; изображалъ ихъ великодушіе, ихъ

ѣрность въ дружбѣ, святое почтеніе къ ѣтамъ и клятвамъ. Душа моя пламеѣла; въ восторгѣ я падалъ къ ногамъ адегаста, и орошалъ ихъ кипящими лезами. — О естьли бы ты могъ видѣть лѣпаго воина, простирающаго руки къ ыумящему Волхову — благословляющаго ıу землю, изъ которой изгнали его неагодарные! —

Часто согрѣтый, оживленный луами солнца, онъ леталъ мыслію въ ротекшее; думалъ о тебѣ, Гостомыслъ, восхищалъ мою душу плѣнительнымъ зображеніемъ твоихъ доблестей. Я боготворилъ тебя въ пустынѣ. Образъ великаго вождя Славянъ соединялся въ моемъ ердцѣ со всѣми совершенствами человѣка. Воображая Гостомысла, я воображалъ Іеруна въ его могуществѣ и блескѣ."

Тутъ невольный вздохъ вылетѣлъ изъ груди пустынника. Лице его измѣилось, и взоры, печально устремленные ъ землю, померкли. Вадимъ продолжалъ:

„Время текло, дни исчезали. Радеастъ сокрылся изъ моихъ объятій. Далеко отъ взоровъ человѣческихъ цвѣтетъ го могила. Мракъ и спокойствіе надъ ею; сонъ почившаго безмятеженъ.

Долго въ тоскѣ сердечной я плакалъ надъ мирнымъ гробомъ. Глыба земли, по-

крывшая нечувствительной пепелъ, казалась мнѣ оживленною: вечеръ и утро находили меня въ горести. Пустота хижины меня ужасала, безмолвїе лѣса приводило въ трепетъ; но я не могъ съ ними разстаться, не могъ покинуть того мѣста, въ которомъ все говорило мнѣ о незабвенномъ. Тѣнь его носилась надо мною; таинственное молчанїе ночи возвѣщало ея присутствїе. Въ шорохѣ листьевъ, потрясаемыхъ вѣтромъ, я слышалъ голосъ знакомый, трогающїй сердце: воображенїе оживляло передо мною всѣ предметы.

Прошелъ годъ, прошелъ другой: ничто не возмутило моей пустынной жизни. Мой лукъ и стрѣлы ужасали звѣрей; опасности меня веселили. Превозмогать трудности, взбираться на крутизны, прыгать съ утеса на утесъ, почиталъ я великою славою, и симъ ограничивалъ свое честолюбїе. Сердце мое было спокойно; я не думалъ, чтобы сїе спокойствїе когда нибудь могло исчезнуть — оно исчезло. Настала весна; Природа обновилась, а я увялъ. Скука, жестокая, несносная, мною овладѣла. Безпокойныя желанїя во мнѣ пробудились. Я хотѣлъ дѣйствовать, но прежняя дѣятельность казалась мнѣ слишкомъ слабою, едино-

разною. Слава отца моего, слава Героевъ лавянскихъ явилась предо мною во всемъ личіи. Сей образъ очаровалъ мою душу. е для меня исчезло. Вездѣ я видѣлъ иновъ, вездѣ встрѣчалъ побѣдителей. онимый воображеніемъ, я бѣгалъ изъ лѣса лѣсъ, по скаламъ, по долинамъ, безъ якой цѣли: только для того, чтобы не дѣть на одномъ мѣстѣ.

Вчера едва озарилось небо утреннимъ свѣтомъ, я вышелъ изъ хижины ъ лукомъ и стрѣлами. Гдѣ я бродилъ и акъ здѣсь очутился, не знаю. Мрачная, урная ночь застала меня среди утесовъ. Звуки арфы поразили слухъ мой — опомнился, оглянулся, увидѣлъ огонь, ижину, жилище человѣка. — — — Сердце ое затрепетало, кровь запылала — — — бѣжалъ, летѣлъ. — — — О Перунъ! остомыслъ обиталъ въ сей хижинѣ!

Мечты мои были прелестны, восхитительны. Я воображалъ себя гражданиномъ великаго Новаграда, воиномъ, побѣдителемъ; видѣлъ Гостомысла въ его величіи, грознымъ полководцемъ; видѣлъ Славянъ, благословляющихъ память изгнанника Радегаста — видѣлъ вѣнцы, летящіе къ ногамъ его сына — славу, благо-

денствіе могущаго народа — ужасъ враговъ его. — — — — Ты плачешь, Гостомыслъ?"

(*Продолженіе и конецъ будутъ напечатаны особливо.*)

В. Жуковскій.

VII.

Мысли Госпожи Жанлисъ о старости.

Всего непріятнѣе человѣку ѣхать далеко и на-долго, когда онъ не имѣлъ времени собраться въ дорогу, и принужденъ оставить все въ безпорядкѣ: старики безъ Религіи находятся въ положеніи еще непріятнѣйшемъ. Имъ необходимо и скоро надобно отправиться въ путь; нѣтъ возврата, и забвеніе нужныхъ приготовленій должно имѣть великія слѣдствія.... Всякой старикъ-вольнодумецъ бываетъ печаленъ въ уединеніи, естьли онъ не совершенной глупецъ. Мнѣ хвалятъ веселость нѣкоторыхъ распутныхъ стариковъ: должно видѣть ихъ дома, не въ гостяхъ. Они подобны слѣпымъ, которые очень веселы съ людьми, забывая на время свое положеніе въ пріятностяхъ разговора; но какъ они жалки въ уединеніи, занимаясь только собственными мы-

ями! . . . Одна набожность дѣлаетъ паросгь почтенною, доказывая жизнь обродѣтельную, или раскаяніе, которое агладждаетъ слабости и преступленія.

Никто изъ стариковъ не казался нѣ столь любезнымъ, какъ Маршалъ аленькуръ, умершій за нѣсколько лѣтъ ередъ симъ, на девяносто перкомъ году тъ рожденія. Долговременная жизнь его е запятналась никакимъ порокомъ; онъ ылъ всегда веселъ и спокоенъ. Мы видѣли въ немъ цѣлый вѣкъ щастія, воинкой славы и добродѣтели. Въ самой глуокой старости онъ наслаждался еще доровьемъ и крѣпостію силъ; имѣлъ строе зрѣніе, хорошую память, и не лишился ни одного зуба. Въ послѣдній годъ кизни его я провела въ Баленькурѣ чепыре мѣсяца и не могла наслушаться удраго старца, особливо же, когда онъ разговаривалъ съ другомъ и товарищемъ воимъ, старымъ Маркизомъ Камильякомъ.

Сіи два Героя воспоминали анекдоты, осады, сраженія, которыхъ отдаленное время изумляло молодыхъ людей; казалось, что мы слушали Исторію. Бесѣды ихъ походили также и на разговоры въ царствѣ тѣней, между людьми прошедшихъ вѣковъ. Я всегда удивлялась кроткой

веселости сего любезнаго Маршала. Онъ уже не занимался *сборами*: все было готово для дороги; ничто его не тревожило, и душевное спокойствіе мудраго старца ясно показывало, что онъ кончилъ всѣ дѣла свои. Добродѣтельная старость наслаждается досугомъ и покоемъ въ совершенной чистотѣ жизни. Что можетъ быть почтеннѣе набожнаго старца, просвѣщеннаго опытомъ, свободнаго отъ страстей, приводящихъ насъ въ заблужденіе — свободнаго отъ заботъ, терзающихъ молодость, и видящаго суету ложныхъ благъ, плѣняющихъ наше сердце! Вздыхая смотримъ мы на милую невинность дѣтства: ахъ! горестное предвидѣніе омрачаетъ сіе нѣжное удовольствіе! Глядя на любезнаго младенца, всякой долженъ вообразить опасности, ожидающія его въ свѣтѣ — и кого мысль сія не опечалитъ? кто безъ горести можетъ видѣть его веселіе и безпечность? Юная, трогательная жертва, украшенная цвѣтами!... Время влечетъ ее къ необходимымъ бѣдствіямъ жизни; жестокій приговоръ Судьбы неизвѣстенъ младенцу.... Всякой разъ, когда вижу дѣтей играющихъ, сіе любезное зрѣлище приводитъ меня въ глубокую меланхолію; но глаза мои съ нѣжнымъ и сладостнымъ умиленіемъ обращаются

величественное лице почтеннаго стар-
! Онъ знаетъ всю красоту, всю поль-
добродѣтели, и пороки уже не соблаз-
нютъ его. Удивляюсь ему безъ всякаго
зпокойства; знаю, что онъ не можетъ
:ремѣниться. Не имѣя уже честолюбія
дальнихъ намѣреній для будущаго,
парецъ освобождается почти отъ всѣхъ
ірскихъ связей, и душа его безъ уси-
ія стремится ко Всевышнему. По самой
лабости физическихъ силъ своихъ буду-
и уже существомъ едва тѣлеснымъ,
нъ ближе другихъ къ естеству боже-
твенному и къ Духамъ небеснымъ, и
е привязанный къ землѣ, остается на
ей какъ бы единственно для того, что-
ы учить насъ. . . Благополучно семей-
тво, когда оно слѣдуетъ мудрымъ совѣ-
памъ сего Ангела-хранителя! . . . Пра-
зда, что мысль о смерти неразлучна съ
мыслію о старости; но только преж де-
зременная смерть ужасна, будучи въ
нѣкоторомъ смыслѣ насильственною и
дѣйствуя противъ законовъ Натуры; вся-
кой непредвидѣнной случай имѣетъ въ
себѣ нѣчто разительное.

VIII.

Письмо Французскаго путешественника.

Намъ, жителямъ Парижа, гораздо извѣстнѣе владѣнія Великаго Могола, нежели Франція. Выѣхавъ изъ Парижа, думалъ ли я, что подъ сельскимъ кровомъ узнаю много новаго? Я нашелъ другихъ людей, совсѣмъ другія обычаи, упражненія, — однимъ словомъ, новой народъ. Аббатъ Галліани сказалъ, что земледѣльцевъ можно назвать *игроками*: я увѣрился въ справедливости словъ его, какъ въ собственномъ, такъ и въ аллегорическомъ смыслѣ; но ихъ должно отнести только не къ простымъ земледѣльцамъ, а къ умнымъ откупщикамъ.

Поля прекрасно обработаны. Земледѣльцевъ цѣлою четвертью меньше прежняго, но полевыя работы всѣ идутъ гораздо лучше. Сія загадка можетъ объясниться продажею церковныхъ земель, которыя достались въ разныя руки, и нынѣ съ большимъ стараніемъ обработываются: вотъ одно изъ первыхъ благодѣяній Революціи.

Здѣсь откупщикъ нанимаетъ землю за извѣстную цѣну, вмѣстѣ съ строеніемъ; все другое принадлежитъ ему: лошади, рогатой скотъ, хлѣбъ, собирае-

ный съ полей, и земледѣльческія орудія. Тотъ, у котораго мы останавливались, имѣетъ всего на все на 200000 ливровъ, хотя нѣтъ у него ни клочка земли въ собственности: отъ однихъ куръ и сыра получаетъ онъ 15,000 ливровъ годоваго дохода. Изобиліе и порядокъ его дома насъ порадовали. Въ конюшнѣ мы нашли 20 или 30 лошадей, сильныхъ, здоровыхъ и большихъ. Многочисленныя стада овецъ, Испанской породы, удабриваютъ землю. Надобно думать, что плодородіе послѣднихъ лѣтъ способствовало нынѣшнему благосостоянію откупщиковъ во Франціи.

Между ими есть такіе, которыхъ можно назвать Патриціями, по великому ихъ вліянію на цѣлыя округи. N —, у котораго я былъ, имѣетъ многихъ братьевъ, откупщиковъ и, подобно ему, зажиточныхъ. Дѣти ихъ конечно не оставятъ отцовскаго состоянія и будутъ въ немъ безъ сомнѣнія также щастливы. Сія фамилія происходитъ отъ старинныхъ откупщиковъ. Изъ нее давно уже избираются деревенскіе начальники, которые имѣютъ большую власть надъ крестьянами — такъ, что она пользуется всѣми правами Аристократіи. Нѣтъ ничего страннѣе воспитанія сихъ людей. Всякой десятилѣтній мальчикъ отсылается

отцемъ въ Гимназїю, учится по-Латинѣ и Реторикѣ, возвращается домой, женится, дѣлается откупщикомъ и никогда не заглядываетъ уже въ книгу. Я объѣздилъ больше 15 миль въ окружности, но ни одна книга не попадалась мнѣ въ глаза. Знанїе Латинскаго языка, прїобрѣтенное въ училищѣ, остается, такъ сказать, заключеннымъ въ ихъ памяти; часто изумляли они меня цѣлыми мѣстами изъ Горацїя, приводимыми кстати и съ умомъ. Нелюбовь ихъ ко чтенїю, вѣроятно, происходитъ отъ того, что они слишкомъ ограничиваютъ себя исполненїемъ должностей своихъ: пашутъ землю; естьли время хорошо, ходятъ на охоту; естьли дурно, сбираются, садятся въ кружокъ, разговариваютъ, судятъ о посѣвѣ хлѣба, о жатвѣ и тому подобномъ, или берутся за карты, играютъ въ *бульйотъ* и всегда въ большую игру. Дочери и жены рѣдко бываютъ вмѣстѣ съ ними: онѣ стряпаютъ на кухнѣ, смотрятъ за курами, и прочее. Люди сїи не знаютъ печали. Веселость съ ними не разстается. Ни одинъ обѣдъ не проходитъ безъ пѣсней шумныхъ, веселыхъ и по большей части вольныхъ. И я долженъ былъ спѣть что нибудь въ свою очередь. Не зная никакой пѣсни по ихъ вкусу, я запѣлъ *романсъ*. Такая но-

ость сначала полюбилась моимъ хозяевамъ, но скоро излишняя нѣжность Парижскихъ Анакреоновъ имъ прискучила, и меня прозвали *Господиномъ Романсомъ*. Принужденъ былъ учиться ихъ пѣснямъ.

Съ крестьянами у нихъ вѣчная ссора: первые безпрестанно требуютъ больше и больше, а другїе хотятъ давать какъ можно менѣе. Вообще кажется мнѣ, что революцїя не сдѣлала пользы крестьянамъ. Ихъ хижины бѣдны и смрадны, а лица отвратительны.

Можно изъ сего заключить, что сельскїе откупщики не слишкомъ нѣжны въ своихъ чувствахъ. Они обходятся просто, непринужденно, часто грубо, но въ дѣлахъ своихъ тонки и хитры.

Все, что касается до нихъ непосредственно, что представляетъ имъ какой нибудь выигрышъ, дѣйствуетъ на нихъ очень сильно; все постороннее для нихъ какъ бы не существуетъ. Самый прелестный вечеръ, самое ясное утро, самое картинное мѣстоположенїе не имѣютъ ничего привлекательнаго для ихъ взоровъ. Они хотятъ дичи, а не ландшафтовъ!

Я нашелъ на дорогѣ прекрасные сады, и видѣлъ замокъ Бель съ его паркомъ. Онъ принадлежалъ бывшей Принцессѣ Монако, прелестной любовницѣ Принца Конде —

очаровательное мѣсто, которому не найдешь подобнаго въ окрестностяхъ Парижа. Все величественно; во всемъ совершенная гармонія; высокія тѣнистыя деревья прекрасны. Здѣсь разсказали мнѣ анекдотъ достойный замѣчанія. Онъ дастъ вамъ понятіе о прихотливости знатныхъ господъ того времени. Пустой эрмитажъ могъ бы наскучить Принцессѣ Монако. Что же сдѣлали? отгадайте. Увѣрили одного простяка, что ему являлся Святой Діонисій; что онъ, въ угодность ему, долженъ отказаться отъ свѣта и поселиться въ Бельской пустынѣ. Принцессѣ Монако хотѣлось имѣть настоящаго Анахорета, и для украшенія сада вскружили голову бѣдному человѣку, который, со времени Революціи, постится гораздо болѣе, нежели сколько нужно для его спасенія. Этотъ нещастный, котораго я видѣлъ, совершенно помѣшенъ, говоритъ нелѣпости и самъ себя не понимаетъ.

Я заѣзжалъ и въ Морфонтень, дачу Іосифа Бонапарте, одно изъ лучшихъ мѣстъ во всей Франціи. Въ самый сильный жаръ, когда изсохшіе листья сыплются съ деревъ, трава блекнетъ, цвѣты исчезаютъ и ручьи скрываются, Морфонтень цвѣтетъ и благоухаетъ какъ въ Маѣ. Осень въ немъ не замѣтна, и не усту-

этъ самой лучшей веснѣ. Всѣ сіи чуса дѣлаются человѣкомъ: чтожь остатся для садовъ волшебныхъ?

Прелестнѣе Морфонтеня и лучшеѣхъ садовъ на свѣтѣ Эрменонвиль. Одно эльно грубое сердце не почувствуетъ арованія, которымъ все здѣсь наполсно. Единство, первый законъ изящго, сохранено въ точности. Все трогательно, уныло, величественно, спокойно.

не стану описывать Эрменонвиля. рирода не производила другой пустыни, поль привлекательной и плодоносной. дѣсь всякой вѣтерокъ, потрясающій истья или струящій воду, погружаетъ ердце въ меланхолію и сладкое забвеніе.

Слѣды Жанъ-Жака не исчезли въ рменонвилѣ. Еще цѣла та хижина, которую посѣщалъ онъ ежедневно. Я наслаился прелестнымъ видомъ, которымъ нѣкогда Руссо наслаждался въ этомъ нѣстѣ. При концѣ жизни своей не хотѣлъ нъ имѣть сообщенія ни съ кѣмъ, кромѣ оселянъ; останавливалъ тѣхъ, которыхъ лица ему нравились; говорилъ съ ними ло-нѣсколько часовъ и платилъ имъ деньги за потерянное время въ разговорѣ.

Жаль, что, по смерти Жанъ Жака, Эрменонвиль достался въ худыя руки. Обыкновенные люди не умѣютъ обходиться

съ изящнымъ, и не знаютъ ни въ чемъ мѣры. Они *заговариваются*, желая все *выговорить*. Эрменонвиль испещренъ глупыми надписями. Гдѣ Природа великолѣпна и прекрасна, тамъ не нужны украшенія искусства: они оскорбляютъ ея дѣвственныя прелести. Господинъ Жирарденъ и его предшественники загромоздили Эрменонвиль храмами, олтарями, фигурами. Всего глупѣе стихи, вездѣ написанные. Конечно владѣльцы боялись забыть, что садъ принадлежалъ точно имъ. Здѣсь не гуляешь, а тебя водятъ на веревкѣ, и на всякомъ шагу говорятъ: „тутъ ты долженъ *спать*, тамъ *плакать*, а тамъ *смѣяться* и пр. Признаюсь, такое тиранство уменьшило пріятность моей прогулки. Но больше всего разсердилъ меня одинъ олтарь, поставленный на такомъ мѣстѣ, которое Природою создано для мирныхъ размышленій и піитическихъ восторговъ. Не льзя быть въ немъ безъ сладкой сердечной меланхоліи — но у васъ передъ глазами гипсовый олтарь, съ надписью: *задумчивости*, à la rêverie — и все очарованіе исчезаетъ!

Одна только надпись мнѣ понравилась, на стѣнѣ, откуда видны прекрасные ландшафты:

Happy the man whose wish and care a few ternal acres bound, and who breathes his native r on his native ground.

Щастливъ человѣкъ беззаботный, ограниченный въ своихъ желаніяхъ; онъ дышетъ здухомъ своей родины и никогда не тавляетъ родительской хижины.

Одинъ простой памятникъ обратилъ а себя все мое вниманіе. Это гробъ неизвѣстнаго молодаго человѣка, который а 19 лѣтъ передъ симъ явился въ Эрменонвилѣ и жилъ въ немъ нѣсколько недѣль въ совершенномъ уединеніи, наслаждаясь красотами Природы. Въ одно утро нашли его мертваго: онъ прострѣлилъ себѣ голову. Въ карманѣ у него было письмо къ Г. Жирарденю, изъ котораго узнали, что горестная любовь заставила его возненавидѣть жизнь. Несчастнаго погребли на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ онъ умертвилъ себя; два камня лежатъ на его могилѣ. Прошедшимъ лѣтомъ видѣли здѣсь неизвѣстную дѣвицу. Она приходила на гробъ юноши, плакала, цѣловала камни и написала на одномъ изъ нихъ стихи, которые остались въ моей памяти. Вотъ они:

Оставленная всѣмъ, забытая судьбою,
Къ тебѣ, священный прахъ, иду я слезы лить! —
Когда откроется могила предо мною?
Ахъ! долголь жизнь сію влачить?
Мелькнули годы и сокрылись,
А горе вѣрное со мной!
Тоскою чувства изнурились;
Съ угасшей, мертвою душой,
Какъ блага, смерти ожидаю! —
Когда? — — когда? — увы, не знаю!

Перевелъ изъ Фр. Жур. В. Ж.

IX.

Куплеты изъ одной сельской Комедіи, игранной благородными Любителями Театра.

Хоръ земледѣльцевъ.

Какъ не пѣть намъ? Мы щасливы.
Славимъ барина - отца.
Наши рѣчи не красивы,
Но чувствительны сердца.
Горожане насъ умнѣе:
Ихъ искусство говорить.
Чтожь умѣемъ мы? Сильнѣе
Благодѣтелей любить.

Сельской любовникъ.

здѣсь сердца людей согласны
ъ ихъ нельстивымъ языкомъ;
аши милыя прекрасны
е раскрашеннымъ лицомъ,
природными чертами;
бмануть насъ не хотятъ
и глазами, ни словами:
ишь по чувству говорятъ.

Дѣвушка.

Какъ намъ, дѣвушкамъ, ни больно
Тайну сердца объявить,
Слово вылетитъ невольно:
Скажешь — поздно воротить!
Притворяться вѣкъ не можно;
Всѣ мы созданы любить:
Лишь держаться слова должно;
Стыдно, стыдно измѣнить.

Сельская любовница.

Я съ любовію играла
И съ любовію росла;
Съ нею горе я узнала,
Съ нею щастіе нашла;
И надѣюсь безъ искусства
Сердце друга сохранить;
Вѣрность, жаръ и нѣжность чувства
Мнѣ помогутъ милой быть.

Городской житель.

Естьли въ городѣ имѣютъ
Больше средствъ плѣнять мущинъ,
Лучше здѣсь любить умѣютъ.
Тамъ любовь есть цвѣтъ одинъ,
Здѣсь любовь есть цвѣтъ съ плодами.
Время нравиться пройдетъ,
И кокетка съ сѣдинами
Есть завялой пустоцвѣтъ.

Горожанка.

Тотъ живетъ благополучно,
Кто умѣетъ жить въ другомъ.
О себѣ лишь думать — скучно;
Щастье въ двухъ, а не въ одномъ.
Кто же бабочкой летаетъ
Съ василька на василекъ,
Тотъ любви еще не знаетъ;
Кто любилъ, тотъ любитъ ввѣкъ.

Горожанинъ.

Естьлибъ было въ нашей власти
Вѣчно бабочкой летать,
Не дивился бы я страсти
Съ тѣмъ любить, чтобъ разлюблять.
Время крылья подсѣкаетъ,
И придется сиднемъ быть.
Поздно вѣтреной узнаетъ,
Каково на вѣтеръ жить!

Госложа.

Можно въ самомъ шумѣ свѣта
Съ тихимъ сердцемъ вѣкъ прожить,
Святость брачнаго обѣта
И невинность сохранить.
Добродѣтель утѣшаетъ,
Страсть къ раскаянью ведетъ.
Пусть любовникъ насъ плѣняетъ:
Щастье лишь супругъ даетъ.

Горожанка.

Ахъ! во мракѣ заблужденья
Щастье ложная мечта.
Нѣтъ для сердца наслажденья,
Естьли совѣсть не чиста.
Что жена безъ доброй славы?
Мужу, дѣтямъ вѣчной стыдъ.
Какъ ни дурны въ свѣтѣ нравы,
Всякой добродѣтель чтитъ.

Староста.

Женихамъ, невѣстамъ должно
Въ пѣснѣ правду объявить.
Ввѣкъ прельщаться не возможно:
Что же можно намъ? Любить.
Съ другомъ жить, не съ красотою
Будешь молодъ не всегда.
Кто же милъ душѣ душею,
Въ томъ морщина не бѣда.

Бурмистръ.

Будемъ жить, друзья, съ женами,
Какъ живали въ старину.
Худо намъ быть ихъ рабами;
Воля портитъ лишь жену.
Дома имъ не посидится;
Все бы, все бы по гостямъ.
Это право не годится;
Приберите ихъ къ рукамъ.

Вахмистръ.

Нашъ бурмистръ несетъ пустое;
Не указъ намъ старина.
Воля дѣло золотое,
А законъ любовь одна.
Руской созданъ прославляться,
Государю вѣрнымъ быть,
Пули, смерти не бояться,
И красавицамъ служить.

Горожанка.

Можетъ быть не безъ причины,
Естьли правду говорить,
Вы браните насъ, мущины;
Но одни хотитель жить?
Вамъ даны Природой силы,
Намъ искусство васъ ловить;
Мы другъ другу право милы —
Будемъ спорить и любить!

X.

Два письма изъ Санто-Круцъ къ Издателю Вѣстника.

Читателямъ безъ сомнѣнія пріятно будетъ знать изъ сихъ писемъ о щастливомъ плаваніи кораблей нашихъ, *Невы* и *Надежды*. Любезные наши мореходцы обѣщаютъ впредь увѣдомлять насъ о славной и любопытной судьбѣ ихъ.

Островъ Тенериффа, 12 *Окт.* 1805.

Не имѣя удовольствія знать васъ лично, но бывъ нѣкогда однимъ изъ усердныхъ читателей вашего Журнала, въ которомъ вы изъявили участіе, принимаемое вами въ успѣхѣ нашей отдаленной экспедиціи, спѣшу извѣстить васъ о благополучномъ прибытіи *Невы* и *Надежды* къ островамъ Канарскимъ. Отъ Англійскаго Фальмутскаго порта до Тенериффы были мы въ пути 15 дней, и всѣ здоровы, отъ начальника экспедиціи, Господина Рязанова, до послѣдняго матроза. Уже любопытные Россіяне обозрѣли здѣсь величественную гору Пикъ... Вы знаете, что она считалась нѣкогда высочайшею въ цѣломъ свѣтѣ, но должна была наконецъ уступить сію честь горамъ южной Америки. Пикъ представилъ намъ разные

климаты. Сѣдая вершина его, покрытая вѣчнымъ снѣгомъ, напомнила мнѣ угрюмую зиму Норд-Капа; средина есть климатъ любезнаго нашего отечества; а подошва, усѣянная виноградными садами, доказываетъ нам, что мы въ жаркой странѣ. Тутъ лучи благотворнаго солнца приводятъ въ зрѣлость плоды безъ всякаго содѣйствія рукъ человѣческихъ, такъ, что лѣнивый Гишпанецъ не успѣваетъ собирать ихъ съ вѣтвей, висящихъ надъ окномъ бѣдной его хижины.... Завтра оставляемъ мы сей островъ, чтобы плыть въ Бразилїю, въ Rio genera или въ St. Catharina... Камчатка или островъ Кадьякъ есть то мѣсто, гдѣ всякой изъ насъ льстится получить письма изъ Россїи, отъ друзей и родственниковъ. Отечество живетъ въ нашемъ сердцѣ, и мысли наши безпрестанно къ нему обращаются; но, въ надеждѣ способствовать нѣкоторымъ образомъ славѣ его и благу, находимъ мы силу не тужить о долговременной съ нимъ разлукѣ. Я не говорю о возможныхъ бѣдственныхъ случаяхъ и опасностяхъ: мы Рускїе Офицеры, и слѣдственно объ нихъ не думаемъ. Простите.. Вы конечно насъ помните!.. конечно желаете намъ успѣха!.. Простите.

Фонъ-Ромбергъ, Флота Лейтенантъ.

2.

Санто - Круцъ, 10 *Окт.* 1805.

Экспедиція, отправленная изъ Россіи долженствующая окружить свѣтъ, сего ѣсяца 8 го числа прибыла благополучно ъ острову Тенериффѣ, выдержавъ проивный сильный *шторм*ъ. Здѣсь мы виимъ славную гору Пикъ, которая дѣйтвительно представляетъ глазамъ зрѣище необыкновенное и великое. Къ сожаѣнію моему, краткое наше здѣсь пребыаніе не дозволяетъ мнѣ отлучиться отъ олжности на нѣсколько дней, чтобы виѣть вершину Пика, вѣчными льдами и снѣами покрытую, и столь высокую, что рѣдія облака дерзаютъ подыматься выше ее.

Мы остановились на якорѣ въ Санто-Круцъ или Круче. Городъ довольно хорошъ. Въ немъ живетъ главный начальникъ или Губернаторъ всѣхъ Канарскихъ острововъ, Маркизъ Каза - каги - галь, человѣкъ умной, учтивой и гостепріимной. — На улицахъ по большой части встрѣчаются монахини: ибо на семъ островѣ находится 16 женскихъ монастырей. Жители говорятъ Гишпанскимъ, а многіе и Французскимъ языкомъ. Здѣсь поселились для торговли нѣкоторые Англичане и Французы; тѣ и другіе оказы-

ваютъ намъ великое дружелюбіе и всякія учтивости.

Съ нами пришли сюда Французскій тридцати-шести — пушечный фрегатъ л' *Ежипсьенъ* (который привелъ съ собою два богатые Англійскіе корабля, плывшіе изъ Ямайки) и Гишпанскій *бригъ*, доставляющій на Канарскіе острова депеши.

За десять дней до нашего сюда прибытія, на островѣ Мадерѣ свирѣпствовала такая ужасная буря, что разрушила до тысячи домовъ, и многіе жители погибли.

Отъ Канарскихъ острововъ отправляемся мы въ Бразилію, завтра или послѣзавтра; окружимъ Кап-Горнъ и приспанемъ къ которому нибудь изъ острововъ Сандвичскихъ: откуда обратимся къ Японіи и, держась широты, будемъ тамъ, гдѣ еще ни Лапейрузы, ни Куки не плавали.

Извините, милостивый государь мой, что я, не зная васъ лично, осмѣлился писать къ вамъ, въ надеждѣ на вашу благосклонность — *и проч.*

Макаръ Ратмановъ,
Флота Лейтенантъ и Кавалеръ.

X.

Можно вылечиться отъ страха.

Древнїе, которыхъ воображенїе одушевляло, даже боготворило всѣ дѣйствїя, для нихъ неизъяснимыя — — древнїе, говорю, включили страхъ въ число боговъ своихъ. Туллусъ посвятилъ ему статую, Римъ жертвенникъ, Спарта храмъ. Тезей, Александръ, молились сему божеству новаго рода. Сїи два Героя приносили жертвы страху! Одинъ посвятилъ ему своихъ воиновъ; другой молилъ, чтобы онъ овладѣлъ его непрїятелями... Не странно ли просить божество единственно о томъ, чтобы оно забыло васъ?

Мы, лишенные блестящихъ призраковъ Миѳологїи и болѣе Древнихъ любящїе истину, называемъ страхомъ то состоянїе души, въ которомъ мысль о какой нибудь опасности приводитъ ее въ безпокойство или ужасъ. Одни склоннѣе другихъ ко страху: ибо онъ есть нѣчто относительное (relatif). Бываютъ опасности существенныя и мнимыя. Человѣкъ, истинно великодушный, не уважаетъ первыхъ и не знаетъ вторыхъ, которыя, будучи дѣтьми мрака и заблужденїя, возрастаютъ по мѣрѣ слабости

органовъ, раждаются на всякомъ шагу, всякую минуту, особливо ночью, и безпрестанно возобновляются. Для человѣка, въ которомъ сія слабость дошла до высочайшей степени, воздухъ наполненъ призраками, ночь скрываетъ подъ своею мантіею безчисленное множество ужасныхъ чудовищь; громъ не есть только одинъ метеоръ; Натура страшна во всѣхъ своихъ феноменахъ; свистъ вѣтра обращается въ стонъ или вопль, и тѣнь не есть только отсутствіе свѣта, но дѣйствительное существо и предметъ важный, отъ котораго сей нещастный бѣжитъ съ ужасомъ.

И такъ должно истреблять въ человѣкѣ все, что можетъ произвести сіе слабость органовъ; а какъ она почти всегда бываетъ слѣдствіемъ первыхъ впечатлѣній дѣтства, то надобно стараться, чтобы младенецъ на всю жизнь не сдѣлался ихъ жертвою.

Кажется, что опытъ, гибельный для самыхъ любезныхъ мечтаній сердца не имѣетъ никакой власти надъ пустыми ужасами, слѣдствіемъ первыхъ впечатлѣній. Напрасно человѣкъ, созрѣвъ умомъ хладнокровно разсуждаетъ о своихъ чувствахъ: приходитъ ночь, мракъ обни

маетъ землю, и душа содрогается отъ невольнаго ужаса.

Разными средствами стараемся мы дѣлать послушными и малыхъ и большихъ дѣтей; но самое дѣйствительнѣйшее есть конечно страхъ. Чтобы унять крикъ или слезы упрямаго ребенка, мама стращаетъ его. Какое средство употребляютъ тираны Азїи? страхъ!

Кормилицы и няньки знаютъ обыкновенно множество ужасныхъ сказокъ, въ которыхъ дьяволы, оборотни и мертвецы играютъ важнѣйшїя роли. Дѣти слушаютъ съ величайшимъ любопытствомъ, вѣрятъ совершенно всякимъ нелѣпымъ вымысламъ, и такимъ образомъ занимаютъ память свою глупостями. Нѣжное сердце ихъ чувствуетъ живо; воображенїе пылаетъ и ночью представляетъ имъ ужасныя сновидѣнїя, которыя будятъ ихъ. Удивительнѣе всего то, что дѣти любятъ чувствовать страхъ, и жалѣютъ, когда няня доскажетъ сказку. Кто изъ насъ во младенчествѣ не прашивалъ, чтобы ему разсказали какую нибудь страшную, то есть нелѣпую исторїю? „О какомъ времени жизни вы всего болѣе жалѣете?“ спросилъ нѣкто у славнаго Попа. *О томъ* (отвѣчалъ

Стихотворецъ), *въ которое няня пугали меня своими сказками.*

И такъ не мудрено, что многїе люди которыхъ нѣжныя фибры были сильно потрясаемы въ дѣтствѣ, даже и въ совершенномъ возрастѣ остаются робкими и слабыми, не смотря на то, что свѣтильникъ ума разсѣялъ ужасныя привидѣнїя ихъ дѣтства. Во всякихъ лѣтахъ мы любимъ чудесное, и только одна великая дѣятельность ума, одно неутомимое вниманїе разсудка можетъ спасти насъ отъ заблужденїя чувствъ. Рѣдкїе молодые люди имѣютъ силу истреблять въ себѣ первыя впечатлѣнїя, полученныя ими въ дѣтствѣ. Однакожь я знаю одного изъ нихъ и съ удовольствїемъ разскажу его исторїю.

Сынъ человѣка славнаго не только въ нашемъ отечествѣ, но и во всей Европѣ, въ отсутствїе отца своего, служившаго въ армїи, былъ отданъ на воспитанїе людямъ не весьма благоразумнымъ, которые прїучили его вѣрить волшебникамъ, Феямъ и мертвецамъ. Имѣя живое, пламенное воображенїе, онъ трепеталъ при наступленїи ночи, и когда оставался одинъ въ потемкахъ, то чувствовалъ неописанной ужасъ.

Отецъ, извѣстный по его хладнокровному мужеству, нѣсколько разъ воз-

вращался изъ армїи для свиданїя съ сыномъ. Онъ разсуждалъ съ нимъ о его слабости, и наконецъ вздумалъ надъ нею смѣяться. Ребенокъ былъ самолюбивъ и гордъ: свойства, которыя благоразумный воспитатель можетъ всегда употребить въ пользу своего питомца! Узнавъ, что отецъ его бываетъ равнодушенъ въ самыхъ жаркихъ сраженїяхъ, спокойно слушаетъ свистъ ядеръ и не трогается съ мѣста, когда бомбы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него падаютъ на землю, Жакъ захотѣлъ быть ему подобнымъ: трудное предпрїятїе для человѣка, который ночью боялся вѣтерка, шума листьевъ и тѣни деревъ, освѣщаемыхъ луною! Первые опыты его не имѣли успѣха; но стыдясь самого себя, онъ рѣшился преодолѣть свою робость. Будучи двенадцати лѣтъ и находясь тогда въ пансїонѣ, маленькой рыцарь нашъ не хотѣлъ открыть своего намѣренїя никому изъ товарищей, не менѣе его робкихъ, но предложилъ одному изъ нихъ итти ночью въ большой глубокой погребъ, будто бы для того, чтобы наполнить карманы яблоками и грушами, которыя тамъ лежали. Товарищъ колебался, боролся нѣсколько времени со страхомъ, и наконецъ согласился, но съ тѣмъ усло-

вїемъ, чтобы Жакъ шелъ впередъ. Обидутъ медленно и робко. Кромѣ страх быть ночью въ глубокомъ погребѣ, он боятся и того, чтобы ключникъ не поїмалъ ихъ на воровствѣ. Свѣча въ фонарѣ угасла: новой ужасъ! Жакъ идет впередъ, но товарищъ заклинаетъ ег возвратиться. Первый не слушается говоря, что въ свѣчѣ нѣтъ нужды, что она не испугала бы мертвецовъ в погребѣ, когда они въ самомъ дѣлѣ живутъ тамъ. Черезъ полчаса рыцари наши пришли назадъ: одинъ былъ внѣ себ отъ ужаса, а другой веселился мыслїю что онъ можетъ казаться смѣльчаком

„Но естьли свѣча не защититъ от мертвецовъ, думалъ Жакъ, то и боязлі вый Пьеръ не спасетъ меня отъ нихъ.“ Онъ рѣшился итти одинъ, исходилъ ве погребъ и возвратился въ свою комнату будучи весьма доволенъ собою. Второй слѣдующїе опыты были уже гораздо легчі и Жакъ ходитъ теперь ночью безъ всякаі страха по церковнымъ оградамъ, кладбі щамъ и всѣмъ мѣстамъ, гдѣ, по мнѣнї суевѣрныхъ людей, являются мертвец и привидѣнїя.

(Изъ Фр. Журн.)

XII.

О публичномъ преподаваніи Наукъ въ Московскомъ Университетѣ.

Никогда Науки не были столь общеполезны, какъ въ наше время. Языкъ ихъ, прежде трудный и мистическій, сдѣлался легкимъ и яснымъ. Знанія, бывшія удѣломъ особеннаго класса людей, собственно называемаго *ученымъ*, нынѣ болѣе и болѣе распространяются, вышедши изъ тѣсныхъ предѣловъ, въ которыхъ они долго заключались. Великіе Геніи, убѣжденные въ необходимости *народнаго* просвѣщенія какъ для частнаго, такъ и для Государственнаго блага, старались и стараются заманить людей въ богатыя области Наукъ, сообщая имъ важныя истины и свѣдѣнія не только понятнымъ, но и пріятнымъ образомъ, и ведутъ ихъ къ сокровищамъ ума путемъ усѣяннымъ цвѣтами.

Въ сіе щастливое для Наукъ время мудрое наше Правительство размножило ихъ источники въ Россіи и открыло имъ новые способы дѣйствовать на умъ народа. Къ числу сихъ способовъ принадлежатъ и *публичныя лекціи* Московскаго Университета. Цѣль ихъ есть та, чтобы самымъ тѣмъ людямъ, которые не ду-

маютъ и не могутъ изключительно посвя тить себя ученому состоянїю, сообщать свѣдѣнїя и понятїя о Наукахъ *любопытнѣйшихъ.*

Двѣ изъ нихъ заслуживаютъ по справедливости имя *важнѣйшихъ* для человѣка *одна* представляетъ Натуру во всей безчисленности ея творенїй, описывая видъ образъ жизни или бытїя существъ; *другая* Наука знакомитъ насъ съ судьбою человѣческаго рода, изображая великїя картины Государствъ, и вникая въ причины ихъ славы, щастїя и паденїя. Я говорю объ Исторїи Естественной и еще ближайшей къ намъ Исторїи народовъ знанїе той и другой необходимо для человѣка и гражданина, естьли онъ желаетъ называться просвѣщеннымъ.

Къ симъ двумъ Наукамъ Московскїй Университетъ для публичныхъ лекцїй присоединилъ еще Опытную Физику и систематическое обозрѣнїе торговли. Первая самымъ прїятнымъ образомъ занимаетъ умъ изъясненїемъ любопытныхъ физическихъ открытїй, и представляетъ чудесное дѣйствїе силъ Натуры, о которыхъ не только Древнїе, но и самые ученые Физики седьмаго-надесять вѣка не имѣли понятїя. — Торговля, будучи связїю народовъ, мѣною ихъ промышлен

ности, доставленіемъ многихъ пріятностей жизни и способомъ какъ частнаго, такъ и государственнаго обогащенія, сдѣлалась нынѣ важною наукою для людей, которые посвящаютъ себя ея великимъ предпріятіямъ, и весьма любопытною для того, кто хочетъ имѣть ясныя идеи о политическомъ состояніи нынѣшнихъ Государствъ. Не только купцу или человѣку обязанному по своей гражданской должности знать основаніе, свойство и ходъ торговли, но и всякому другому пріятно имѣть свѣдѣніе о разныхъ родахъ коммерціи, о Государственныхъ выгодахъ, отъ нее происходящихъ, — о Государственныхъ правилахъ, которымъ въ разсужденіи торговли слѣдуютъ благоразумные Министры, — о Банкахъ, обращеніи денегъ, курсѣ, и проч.

Щастливое избраніе предметовъ для сихъ публичныхъ лекцій доказывается числомъ слушателей, которые въ назначенные дни собираются въ Университетской залѣ. Любитель просвѣщенія съ душевнымъ удовольствіемъ видитъ тамъ знатныхъ Московскихъ Дамъ, благородныхъ молодыхъ людей, Духовныхъ, купцовъ, студентовъ Заиконоспаской Академіи и людей всякаго званія, которые въ

глубокой тишинѣ и со вниманіемъ устремляютъ глаза на Профессорскую каѳедру

Можно было предвидѣть, что лекціи Опытной Физики привлекутъ болѣе слушателей, нежели другія. Не мое дѣло сравнивать таланты достойныхъ Господъ Профессоровъ; но феномены силы электрической, Гальванизма, опыты аэростатическіе и проч., сами по себѣ столь любопытны, и Господинъ Страховъ изъясняетъ ихъ столь хорошо, столь вразумительно, что публика находитъ отмѣнное удовольствіе въ слушаніи его лекцій. Такимъ образомъ и въ Парижѣ, гдѣ славнѣйшіе Ученые — Фуркруа, Вокеленъ, Вижье, Шарль и другіе — занимаютъ любопытныхъ преподаваніемъ Наукъ въ Лицеяхъ, Опытная Физика сдѣлалась *модною Наукою*. Любезнѣйшія свѣтскія женщины и лучшіе молодые люди составляютъ тамъ многочисленную аудиторію Профессора Шарля.

Вообще должно отдать справедливость ревности и талантамъ Господъ Московскихъ Профессоровъ, которые, не имѣвъ донынѣ случая преподавать Науки *публично*, столь успѣшно начали и продолжаютъ свои лекціи. — Господинъ Политковскій, слѣдуя Линнеевой Системѣ проходитъ царства Натуры, изъясняетъ

ученыя слова и наименованія, еще новыя въ языкѣ Рускомъ, и замѣчая все достойное удивленія какъ въ общемъ планѣ творенія, такъ и въ особенныхъ существахъ, старается возбудить въ слушателяхъ любовь къ великой Наукѣ Природы. — Лекціи Господина Гейма, представляя въ системѣ всѣ отношенія торговли, служатъ доказательствомъ его обширныхъ познаній въ сей части. Руской языкъ не есть его природный; но онъ говоритъ имъ чисто и правильно. — Молодой Профессоръ Шлецеръ, читая Исторію Европы со временъ паденія Римской Имперіи (по искусному Робертсонову введенію въ Исторію Карла V), не только именемъ, но и талантомъ своимъ напоминаетъ славнаго Геттингенскаго Шлецера, отца его. Онъ говоритъ съ живостію и съ благороднымъ краснорѣчіемъ, предлагая слушателямъ собственныя зрѣлыя мысли о случаяхъ и характерахъ. Исторія среднихъ вѣковъ, столь отличная отъ древней Греческой и Римской, не менѣе ихъ достойна любопытства, изображая страшное волненіе народовъ, смѣсь ихъ и наконецъ рожденіе новыхъ, которые, выходя, такъ сказать, мало по малу изъ всеобщаго хаоса, сдѣлались основателями нынѣшнихъ великихъ Государствъ Европейскихъ.

Мысль, преподавать сїю важную част Исторїи въ Московскомъ Университет для публики и наиболѣе для молодых людей, была весьма щастливою мыслїн Всякой хорошо воспитанный человѣк имѣетъ понятїе о древнихъ Государ ствахъ, о судьбѣ Аѳинъ, Спарты, Рима но многїе ли умѣютъ ясно вообразит себѣ происшествїя, которыя слѣдовали з паденїемъ Римской Имперїи, и преобра зили Европу? Тѣмъ нужнѣе впечатлѣ вать ихъ въ разумъ юношества систе матическимъ *изустнымъ* предложенїемъ которое остается въ памяти долѣе всег *читаемаго* нами въ книгахъ. — Нѣмецкїй языкъ, на которомъ Господинъ Шлецер преподаетъ Исторїю, хотя вообще и н столь извѣстенъ у насъ, какъ Французс кїй; однакожь сей достойный Профессор имѣетъ довольно слушателей изъ числ благородныхъ молодыхъ людей, для кото рыхъ наставленїя его могутъ быть тѣм полезнѣе.

Сїи публичныя лекцїи должны с временемъ имѣть еще болѣе успѣха, т есть, образовать еще бо́льшее число *лю бителей учености* въ такомъ городѣ, ко торый можно назвать столицею Россїй скаго Дворянства, и въ такой вѣкъ, ко гда отличныя свѣдѣнїя необходимы для

утвержденія знаменитыхъ правъ Дворянскихъ; когда для всякаго важнаго Государственнаго мѣста требуется разумъ просвѣщенный; когда мудрое наше Правительство *замѣчаетъ* молодыхъ людей, ревностныхъ къ снисканію знаній. Нѣжные отцы семействъ ничего не жалѣютъ у насъ для воспитанія дѣтей; но иностранные учители, которымъ платятъ они столь дорого, могутъ ли питомцевъ своихъ наставлять въ важныхъ Наукахъ? По крайней мѣрѣ весьма рѣдко; а необыкновенное не можетъ служить примѣромъ. И такъ не должны ли сіи попечительные отцы, живущіе въ Москвѣ, радоваться тому, что дѣти ихъ могутъ нынѣ столь удобно и легко пріобрѣтать драгоцѣнныя знанія, слушая лекціи Университетскія? Послѣ всего, что великодушный АЛЕКСАНДРЪ сдѣлалъ и дѣлаетъ для укорененія Наукъ въ Россіи, мы не исполнимъ долга Патріотовъ и даже поступимъ неблагоразумно, естьли будемъ еще отправлять молодыхъ людей въ чужія земли, учиться тому, что преподается въ нашихъ Университетахъ. Московскій отличается уже въ разныхъ частяхъ достойными учеными Мужами: скоро новые Профессоры, вызванные изъ Германіи и въ цѣлой Европѣ извѣстные своими талан-

тами, умножатъ число ихъ, и перевъ Университетъ Россійскій, подъ руково ствомъ своего дѣятельнаго и ревностна къ успѣху Наукъ Попечителя, возвыси ся еще на степень славнѣйшую въ уч номъ свѣтѣ.

XIII.

СМѢСЬ.

Спроси у Рускаго, бывшаго въ чужих краяхъ, видѣлъ ли онъ гошпитали Ан глійскія и Французскія? Услышишь в отвѣтъ: „какъ можно путешествова и не видать такихъ благодѣтельных заведеній?“ Спроси у Московскаго жит ля о здѣшнихъ гошпиталяхъ: онъ еда ли знаетъ имена ихъ, и никогда любо пытство не приводило его въ сіи — мож но сказать — храмы милосердія. Таков люди: отдаленное и чужое имѣетъ дл нихъ болѣе прелестей, нежели ближне и собственное. — Въ Москвѣ пять бол ницъ, кромѣ военной гошпитали. Он не столь огромны, какъ, на примѣръ Парижская и Лїонская; но друзья чел вѣчества съ удовольствїемъ находят тамъ нужную чистоту, опрятность

хорошій присмотръ за больными. Новѣйшая изъ нихъ есть дѣло частной благотворительности. Хвала памяти Князя Голицына! Обыкновенные богачи, умирая, оставляютъ долги и множество безполезныхъ вещей, на которыя они разорялись. Князь Дмитрій Михайловичь оставилъ по себѣ великое благодѣяніе, которымъ можетъ славиться вся фамилія Голицыныхъ. Сей знаменитый Россіянинъ провелъ большую часть жизни и кончилъ ее внѣ отечества, бывъ долгое время Министромъ нашего Двора въ Вѣнѣ; но сердце его всегда принадлежало Россіи, и захотѣло украсить столицу ея славнымъ монументомъ человѣколюбія. Онъ наслаждался пріятностями роскоши, любилъ Искусства, собиралъ картины, помогалъ бѣднымъ художникамъ и, не смотря на то, могъ оставить около милліона для построенія и содержанія больницы! Она должна быть его долговременнымъ и самымъ лучшимъ памятникомъ. . . . Зданіе великолѣпно; архитектура его доказываетъ хорошій вкусъ строителя. Содержаніе и леченье больныхъ достойно еще усерднѣйшей хвалы. Не удивляюсь порядку и чистотѣ въ семъ домѣ: старецъ почтенный и благодѣтельный, Оберъ-Каммергеръ Князь Голицынъ, исполни-

тель завѣщанія Князя Дмитрія Михайловича и строитель гошпитали, сам неусыпно смотритъ за нею и бывает тамъ почти ежедневно.

Гдѣ не давно еще покоились сѣды Инвалиды, благодаря своего великодушнаго Государя за милостивое призрѣніе их старости, тамъ нынѣ видимъ окол ста молодыхъ дѣвицъ, воспитываемых Монаршими щедротами въ правилах благонравія и добродѣтеляхъ кроткой не винности! Прежде въ Инвалидномъ Дом бывалъ я съ удовольствіемъ, но и съ горе стію: каждый старецъ, напоминая мнѣ вѣр ную службу Рускихъ воиновъ и знамени тыя дѣла ихъ, въ тоже время представлял въ себѣ моему взору и готовую жертв смерти! Я ходилъ тамъ почти какъ н кладбищѣ: гробы казались мнѣ уже от верстыми для престарѣлыхъ жителе сего дому. Теперь — какое превращеніе! Теперь нахожу тамъ прекрасный, одуш вленный цвѣтникъ: каждая изъ сих дѣвицъ, расцвѣтающихъ умомъ и душен должна быть нѣкогда щастливою супр гою и матерью! Почти всѣ онѣ родили въ бѣдности, и остались бы безъ всяка воспитанія, естьли бы человѣколю

Монаршее не доставило имъ средствъ украшаться нравами, талантами и познаніями. — Благодѣтельная МАРІЯ есть ихъ Покровительница: и такъ нужно ли сказывать, что Екатерининскій Институтъ есть учрежденіе прекрасное; что главная Надзирательница его совершенно достойна своего важнаго сана, и что нѣжная мать не могла бы воспитывать дѣтей своихъ лучше того, какъ сіи дѣвицы воспитываются? — Всякому, кто любитъ полезное и благодѣтельное, совѣтую осмотрѣть Институтъ: видѣть любезныхъ учениць въ классахъ, за книгами, за письмомъ, за рукодѣльемъ, — въ часы свободы, когда онѣ предаются свойственной ихъ лѣтамъ веселости, не забывая скромности, наблюдая строгое благочиніе — и наконець въ храмѣ Всевышняго, гдѣ невинныя сердца ихъ молятъ Небо о здравіи великодушной МАРІИ. Не льзя безъ умиленія слышать, съ какою любовію твердятъ онѣ имя Ея! Здѣсь признательность не дожидается совершеннаго возраста, и въ самыхъ юныхъ душахъ дѣйствуетъ уже соразмѣрно великому благотворенію, на нихъ изливаемому — и какъ его не чувствовать? Имъ извѣстно, что и въ самое то время, когда Судьба неисповѣдимая поразила нѣжное сердце Августѣйшей

Родительницы преждевременною кончи ною незабвенной Мекленбургской Прин цессы, и когда всѣ добрые, всѣ чувстви тельные Россіяне дѣлили Ея глубокую печаль, МАРІЯ не переставала мыслить о благѣ воспитанницъ Екатерининскаг Института! Добродѣтель не спасает отъ сердечныхъ утратъ и горестей; н можетъ ли она не имѣть утѣшенія? —

Издатель долженъ и въ сей *послѣдне* книжкѣ Журнала своего оскорбить нѣжну скромность Петербургской незнакомки - то есть, вторично назвать ее *великодуш ною* . . . . Онъ получилъ и отдалъ, ком слѣдуетъ, деньги, присланныя ею н содержаніе школы, учрежденной въ Москв при Новой Лютеранской церкви. Достой ный Пасторъ, тронутый симъ даром щедрости, хотѣлъ знать имя благодѣ тельницы; но могъ ли я удовлетворит его желанію, зная единственно прекра сный слогъ и добродѣтельное сердце ея

Пятьдесятъ рублей, присланные от *другой* неизвѣстной особы изъ Петербур для бѣдной Шведки, также съ серде нымъ удовольствіемъ отданы мною Г сподину Пастору Гейдекс.

Говоря о благодѣяніяхъ, разскажу Читателямъ, что мнѣ удалось свѣдать не давно. Въ Лафертовѣ, близь Дворцоваго саду, въ домѣ Шапошникова, подъ NO 354, живетъ семидесятилѣтняя бѣдная иностранка, Гж. Гильденскіольдъ. Мужъ ея былъ Полицейскимъ Офицеромъ въ Москвѣ во время чумы. Теперь она не имѣетъ пропитанія, не можетъ ходить и лежитъ въ постелѣ. Кто же объ ней печется? Богъ: Онъ послалъ ей Ангела утѣшителя въ видѣ нищей. Одна бѣдная старушка, узнавъ о жалкомъ состояніи Госпожи Гильденскіольдъ, взялась кормить, обшивать, обмывать ее; всякой день два раза приноситъ ей свою милостыню, крошитъ хлѣбъ для больной, перестилаетъ ея не очень мягкую постелю, и все, все для нее дѣлаетъ. Одинъ пріятель мой зашелъ въ сію хижину или, лучше сказать, въ сей храмъ добродѣтели, и сказалъ Госпожѣ Гильденскіольдъ: „что будетъ съ вами, естьли эта добрая женщина оставитъ васъ?“ Нищая спокойно отвѣчала: *никогда не оставлю ее!* . . Дѣла и сердце важнѣе имени; однакожь мы любимъ знать, какъ хорошіе люди называются. Имя сей истинной и великодушной благотворительницы, покрытой лоскутьями, есть

Маланья. Признаюсь, что оно для мен гораздо важнѣе Клеопатрина, хотя я очен люблю Исторію. —

Верстахъ въ семи отъ Москвы ест деревня Татарово, гдѣ ломаютъ бѣло камень. Тамъ живетъ рѣдкой благотвори тельной человѣкъ — крестьянинъ — н болѣе. Я забылъ его имя; но спросит объ немъ въ деревнѣ: всякой укажет вамъ на прекрасную новую избу, котора лучше и выше всѣхъ другихъ. Онъ разбо гатѣлъ отъ продажи бѣлаго камня, нанимаетъ болѣе двадцати работниковъ помогаетъ бѣднымъ и раздаетъ множе ство денегъ, говоря: *дай въ окно, Бог пришлетъ въ подворотню.* Не только в Татаровѣ, но и во всѣхъ окрестностях знаютъ его и нѣсколько разъ выбирал въ *Головы.* Третьяго или четвертаг году лѣтомъ, когда всѣ мужики был въ полѣ, Татарово загорѣлось, и благо дѣтельный крестьянинъ возвратился из Москвы въ самую ту минуту, какъ ег изба начала дымиться: онъ успѣлъ вы тащить сундукъ съ деньгами, и сказалъ *теперь гори: у меня будетъ новая изб* Другіе крестьяне остались безъ домовъ безъ хлѣба: онъ нѣсколько времени кормил ихъ и помогъ имъ обстроиться. — Мы ча сто любопытствуемъ знать, какъ Ген

образуюпся: не менѣе любопытно знать и то, какъ образуется благотворительность въ сердцѣ. Сей крестьянинъ не учился ничему, кромѣ — добродѣтели; но кто же былъ его наставникомъ?. . . . Развѣ опытъ и бѣдность: ибо онъ въ молодости своей съ трудомъ могъ кормиться.

ПОЛИТИКА.

XIV.

Извѣстія и замѣчанія.

Не одинъ народъ Англійскій былъ устрашенъ необыкновенными метеорами: грозная буря 28 Декабря привела въ ужас жителей Парижа, сорвала кровлю с дворца Консульскаго, съ Лувра, съ Театровъ; засыпала улицы черепицею и рѣдкаго дома не повредила. Цѣлыя але исчезли въ садахъ Тюлерійскомъ и Люксанбургскомъ. Нѣсколько человѣкъ лишилис жизни. Страшный ревъ вѣтра былъ сопровождаемъ сильными ударами грома Въ другихъ городахъ и селеніяхъ чувствовали землетрясеніе. Никто не помнит такой бури. Въ лѣтописяхъ Французских находятъ извѣстіе о подобномъ феноменѣ бывшемъ въ 1574 году также 28 Декабря. — Естьли ужасы Натуры могут предвѣщать ужасныя бѣдствія въ политическомъ мірѣ, то Англичане и Французы должны теперь равно страшиться будущаго.

Въ Лондонѣ и въ другихъ мѣстахъ сказали, что Французы сдѣлали уже высадку: Англичане обрадовались, и всякой готовъ былъ спѣшить на встрѣчу къ непрїятелю. Скоро оказалась несправедливость слуха; но Министры (какъ пишутъ) имѣютъ вѣрное извѣстїе, что Республиканскїя флоттилїи готовятся къ выходу. Самъ Вильгельмъ Питтъ, который не можетъ ступить шагу, не можетъ сказать слова, безъ того, чтобы Англїйскїй народъ не искалъ въ нихъ для себя причины надѣяться или бояться, — самъ великїй Питтъ объявилъ друзьямъ своимъ, что онъ съ часу на часъ ожидаетъ Французовъ. Между тѣмъ бурные вѣтры, которые около десяти дней свирѣпствовали на морѣ, заставили многїе Англїйскїе корабли войти въ гавани. Къ подтвержденїю сихъ вѣроятностей скорой высадки, Бонапарте снова ѣздилъ въ Булонь — но, осмотрѣвъ гавань и давъ въ лагерѣ обѣдъ Генераламъ, опять возвратился въ Парижъ.

Британскїй Адмиралъ Корнваллисъ съ самаго начала войны донынѣ не отходилъ съ флотомъ своимъ отъ Брестскаго порта, не смотря на сильные вѣтры и зимнїя непогоды; но послѣдняя буря 28

Декабря, сдѣлавъ великій вредъ Англійскимъ кораблямъ, заставила его наконецъ удалиться отъ береговъ Французскихъ. Думаютъ, что Республиканцы воспользуются свободою Брестской гавани и пойдутъ оттуда въ Ирландію. Увѣряютъ также, что Бонапарте съ нетерпѣніемъ ожидаетъ сего извѣстія, и получивъ его, немедленно велитъ садиться на корабли всему войску, стоящему на берегахъ Франціи и Голландіи.

Должно замѣтить новость въ правительствѣ Французской Республики. Отнынѣ Корпусъ Законодательный будетъ имѣть безсмѣннаго Президента на годъ: Консулъ избираетъ его изъ пяти Кандидатовъ, представляемыхъ ему отъ Законодателей. Сей знаменитый Чиновникъ получитъ воинскую стражу, въ знакъ почести. Такъ опредѣлилъ Сенатъ, будучи вѣрнымъ орудіемъ Консула во всѣхъ важныхъ политическихъ дѣйствіяхъ. — Законодательный Корпусъ снова открылъ свои засѣданія въ Парижѣ съ обыкновенными торжественными обрядами. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ объявилъ ему при семъ случаѣ, что свобода личная, правила всякихъ гражданскихъ условій или сдѣлокъ, и вѣрность собственности будутъ

предметомъ законодательныхъ трудовъ его. „Среди великихъ воинскихъ приготовленій (сказалъ Министръ), Правительство не забываетъ дѣлъ внутреннихъ, безпрестанно занимается ими, ежеминутно ищетъ новыхъ средствъ утвердить благосостояніе Франціи. Все тихо и спокойно въ Республикѣ. Нигдѣ не слышно тѣхъ шумныхъ споровъ, которые означаютъ *духъ партій* и бываютъ всегда предвѣстниками опасныхъ намѣреній. Храброе юношество съ радостію спѣшитъ въ станы воинскіе. Земледѣліе, торговля и промышленность способствуютъ всѣми силами благу и пользѣ народа. Одно чувство одушевляетъ Французовъ: любовь къ Начальнику Республики.“

Къ числу любопытныхъ явленій сего времени принадлежитъ странная переписка Валлисскаго Принца съ Королемъ Англійскимъ и съ Герцогомъ Йоркскимъ. Принцъ хотѣлъ служить отечеству въ нынѣшнихъ опасныхъ обстоятельствахъ и при всеобщемъ вооруженіи Англіи; но Король отвѣтствовалъ ему весьма учтиво, что Англія можетъ обойтись безъ его воинскаго начальства. Наслѣдникъ писалъ къ Королю въ другой и въ третій разъ, убѣдительно, трогательно, доказывая, что ему стыдно не быть въ арміи, и что честь

для него дороже самаго трона. Не получивъ удовлетворительнаго отвѣта отъ своего родителя, Принцъ обратился къ Герцогу Йоркскому, предводителю сухопутныхъ воинскихъ силъ Англїи, и жаловался на то, что его меньшїе братья всѣ Генералы, а ему, Наслѣднику Короны, не даютъ знаменитаго воинскаго чина. Герцогъ въ отвѣтѣ своемъ изъяснилъ причину Королевскаго отказа: Его Величеству не угодно, чтобы Наслѣдникъ Трона имѣлъ влїянїе на армїю. Огорченный Принцъ рѣшился наконецъ служить Полковникомъ, имѣя издавна подъ своимъ начальствомъ драгунскїй полкъ, и немедленно уѣхалъ въ Брайтонъ, гдѣ сей полкъ находится. — Фоксъ съ великимъ жаромъ говорилъ въ Парламентѣ, что Наслѣдника оскорбляютъ умышленно и хотятъ лишить любви народной: Аддингтонъ отвѣчалъ, что безъ особеннаго Королевскаго повелѣнїя онъ не можетъ говорить о семъ дѣлѣ. — Переписка Валлисскаго Принца съ Королемъ и съ Герцогомъ Йоркскимъ напечатана во всѣхъ Лондонскихъ газетахъ, чтобы народъ судилъ отца съ сыномъ.

Положенїе Ирландїи все еще бѣдственно. Ежедневно берутъ людей подъ стражу, и казни продолжаются. Ужас

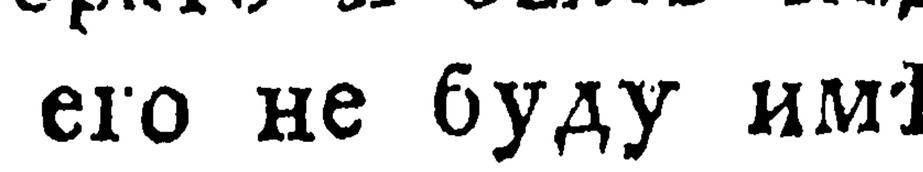
съ отчаянїемъ царствуютъ на семъ островѣ, которой можно теперь назвать самою нещастною страною на земномъ шарѣ.

Теперь уже всѣмъ извѣстно, что Мадритской и Лиссабонской Дворы откупились отъ войны миллїонами. Консулъ нашелъ Перу, Мексику и Бразилїю въ Гишпанїи и въ Португалїи. Деньги ему нужнѣе Гишпанскаго вспомогательнаго войска. — По новѣйшимъ извѣстїямъ Французскїй Посолъ, Генералъ Ланъ, едва-было вторично не уѣхалъ изъ Лиссабона, поссорившись съ Министрами; но добродушный Принцъ Регентъ нашелъ способъ укротить его вспыльчивость. — Слухъ объ удаленїи отъ дѣлъ Гишпанскаго *Принца Мира* оказался несправедливымъ.

Нѣкогда мы удивлялись мудрости Швейцарскихъ законовъ: что же должно заключить о новомъ законѣ Луцернскаго Совѣта въ отношенїи ко нравамъ — законѣ, по которому невѣрные супруги должны отплачиваться деньгами, а беременныя дѣвицы объявлять о своей беременности судьѣ полицейскому, дающему имъ въ томъ свидѣтельство? — Вотъ еще забавной случай: Крестьяне Швейцарской деревни Циммервальда объявили въ вѣдомостяхъ, что они не хотятъ на-

зываться *патріотами*, и никогда не заслуживали такого имени, а всегда поступали какъ добрые Швейцары; кто же впредь осмѣлится назвать ихъ непристойнымъ именемъ патріотовъ, тотъ долженъ будетъ отвѣчать въ судѣ, за что онъ столь немилосердо бранитъ ихъ!! — Risum teneatis. . . .

Новый пророкъ Абдулъ-Вехабъ разбитъ Турецкимъ войскомъ (по извѣстіямъ изъ Константинополя) и долженъ былъ удалиться въ пустыни Аравійскія. — Беи господствуютъ въ Египтѣ. Порта соглашается оставить его въ ихъ рукахъ, желая только, чтобы они признали себя въ нѣкоторой зависимости отъ Султана; то есть, удовольствовались бы древними своими правами. Не извѣстно, согласятся ли они на сіе условіе, предлагаемое гордымъ безсиліемъ. . . .



XV.

Къ Читателямъ Вѣстника.

Сею книжкою заключается *Вѣстникъ Европы*, котораго я былъ издателемъ. Въ продолженіи его не буду имѣть никакого участія.

Обстоятельства, важныя для меня, а не для Публики, не дозволили мнѣ выдать въ срокъ послѣднихъ четырехъ Нумеровъ; но кто съ величайшею исправностію издалъ ихъ 44, и сверхъ условія прибавлялъ нѣсколько лишнихъ страницъ почти во всякой книжкѣ, тотъ можетъ надѣяться на благосклонное снисхожденіе Читателей.

Изъявляю Публикѣ искреннюю мою признательность. Я работалъ охотно, видя число Пренумерантовъ. — *Вѣстникъ* имѣлъ щастіе заслужить лестные отзывы самыхъ иностранныхъ Литтераторовъ: многія Рускія сочиненія переведены изъ него на Нѣмецкой и Французской, и помѣщены въ Журналахъ, издаваемыхъ на сихъ языкахъ. — Любопытные желали знать, кто сочинялъ нѣкоторыя піесы въ *Вѣстникѣ*? . . . . Кромѣ *Смерти Шелехова*, *Портрета любезной женщины*, *Мыслей о Рускихъ Комедіяхъ*, *Прогулки молодой Россіянки*, *Сказки Господина Измайлова*, *Храма Свѣтовидова*, *Объявленія о путешествіи въ Малороссію Князя Ш**, *Письма о Законодательствѣ въ отношеніи къ Россіи*, другова отъ Господина Фон-Визина къ Г. N. N. о сочиненіи Рускаго лексикона; *Рѣчи* Господина Каразина, разныхъ из-

вѣстій о великодушныхъ дѣлахъ, описаній Геттингенскаго Университета и повѣсть *Вадима*, все остальное въ прозѣ писано Издателемъ. Удовольствіе Читателей казалось мнѣ важнѣе авторскаго хвастовства — и для того я не подписывал своего имени подъ сочиненіями.

Милость нашего ИМПЕРАТОРА доставляетъ мнѣ способъ отнынѣ совершенно посвятить себя дѣлу важному и безъ сомнѣнія трудному (*): время покажетъ, могъ ли я безъ дерзости на то отважиться.

Между тѣмъ съ сожалѣніемъ удаляюсь отъ Публики, которая обязывал

(*) Въ Имянномъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Указѣ, данномъ Кабинету отъ 31 Октября 1803 году, сказано „Какъ извѣстный Писатель, Московскаго „Университета Почетный членъ, Николай „Карамзинъ, изъявилъ НАМЪ желаніе посвятить труды свои сочиненію полной „Исторіи Отечества НАШЕГО; то МЫ „желая ободрить его въ толь похвальномъ „предпріятіи, Всемилостивѣйше повелѣваемъ производить ему, въ качествѣ „Исторіографа, по двѣ тысячи рублей „ежегоднаго пенсіона, изъ Кабинета „НАШЕГО."

меня своимъ лестнымъ вниманіемъ и благорасположеніемъ. Одна мысль утѣшаетъ меня: та, что я долговременною работою могу (естьли имѣю какой нибудь талантъ) оправдать доброе мнѣніе согражданъ о моемъ усердіи ко славѣ отечества и благодѣяніе великодушнаго МОНАРХА.

Н. Карамзинъ.

Конецъ XII Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ДВЕНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

НОЯБРЬ. No 21 и 22.

Стран.

I. О характерѣ. - - 3
II. Письмо изъ Лиссабона. - 8
III. Турниръ, или Рыцарскія игры. 12
IV. О человѣкѣ во всѣхъ земляхъ и климатахъ. - - 20
V. Пѣсня. - - - 25
VI. Ипохондрія. - - - 26
VII. Письмо одного путешествующаго Американца изъ Екатеринограда. - - - 30
VIII. Англійская промышленность. - 33
IX. Карета бывшаго Министра Калоня. - - - 36
X. Смѣсь. - - - 47
XI. О школѣ, учрежденной для иностранцевъ въ Москвѣ при Новой Лютеранской церкви. - 54
XII. Знакомство Госпожи Жанлисъ съ Жан-Жакомъ Руссо. - 59
XIII. Любезный Король. - - 70
XIV. Благодѣтельный врачь въ Малороссіи. - - - 88
XV. О добродѣтельной Княгинѣ Наталѣ Борисовнѣ Долгорукой. 92

Стран.

XVI. Руская старина. - - 94

XVII. О твердости нынѣшняго Консульскаго правленія во Франціи. - 104

XVIII. Что выгоднѣе для Европы въ нынѣшнюю войну: паденіе Франціи или Англіи? - - 108

XIX. О мнимомъ предложеніи Консула Бонапарте, будто бы сдѣланномъ черезъ Берлинской Дворъ Лудовику XVIII. - 122

XX. Письмо изъ Корфу. - - 127

XXI. Извѣстія и замѣчанія. - 131

ДЕКАБРЬ. No 23 и 24.

I. Девятая Демосѳенова Филиппика. 141

II. О Геттингенскомъ Университетѣ. 166

III. Письмо къ Издателю - - 208

IV. Каретныя лошади. Басня. - 209

V. Путешествіе. - - 210

VI. Вадимъ Новогородскій. - 211

VII. Мысли Госпожи Жанлисъ о старости. - - 234

VIII. Письмо Французскаго путешественника. - - 238

IX. Куплеты изъ одной сельской Комедіи, игранной благородными Любителями Театра. 246

Стран.

X. Два письма изъ Санто - Круцъ къ Издателю Вѣстника. - 251

XI. Можно вылечиться отъ страха. 255

XII. О публичномъ преподаваніи Наукъ въ Московскомъ Университетѣ. - - 261

XIII. Смѣсь. - - 268

XIV. Извѣстія и замѣчанія. - 276

XV. Къ Читателямъ Вѣстника. - 282